

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4

2025

www.kisi.kz

**Молодежь и историческая память в Казахстане:
от фрагментации нарративов к формированию общих смыслов**
Айман Жусупова
Жаксылык Сабитов
Жаслан Нурбаев

Мигранты и радикализация: есть ли угроза для Казахстана?
Эржан Исабаев
Ирина Стародубровская

**Эволюция партийных систем в условиях
политической модернизации: сравнительный анализ
Казахстана и стран Центральной Азии**
Серик Султанов
Дина Нурпейсова
Айкерим Байзакова

**Глобальные рамки и местные реалии: как эксперты
за пределами и внутри Центральной Азии оценивают
траекторию развития региона**
Бауыржан Аукен
Айдар Курмашев

**Американские социальные циклы и поколенческие
архетипы: прогнозирование отношений США–Китай
при втором президентстве Трампа (2025–2029)**
Ксяотонг Жанг
Ши Чен
Ныгмет Ибадильдин
Екатерина Петрикова

**Народная дипломатия как средство
взаимодействия с общественностью**
Адина Камытбекова
Нуршат Каратай

**Экономическое влияние Китая и США
в Центральной Азии: сравнительный анализ**
Әдемі Ибраева

**Президентский молодежный кадровый резерв
Казахстана: эволюция и перспективы
меритократического государственного управления**
Мейрамбек Ербатыров
Мухтарима Жетписбаева
Желю Владимир

**Тенденции и особенности внешней миграции
молодежи Казахстана в 2019–2023 годах:
анализ структурных и мотивационных факторов**
Жанар Аргынбаева

Путь к диверсификации экономики ОАЭ
Ермек Чукубаев
Алишербек Ильясов

ISSN 1562-6318

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Айман Жусупова Жаксылык Сабитов Жаслан Нурбаев	Молодежь и историческая память в Казахстане: от фрагментации нарративов к формированию общих смыслов 7
--	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Эржан Исабаев Ирина Стародубровская	Мигранты и радикализация: есть ли угроза для Казахстана? 24
--	--

Серик Султанов Дина Нурпейсова Айкерим Байзакова	Эволюция партийных систем в условиях политической модернизации: сравнительный анализ Казахстана и стран Центральной Азии 41
--	---

Бауыржан Аукен Айдар Курмашев	Глобальные рамки и местные реалии: как эксперты за пределами и внутри Центральной Азии оценивают траекторию развития региона 58
----------------------------------	---

Ксяоюнг Жанг Ши Чен Ныгмет Ибадильдин Екатерина Петрикова	Американские социальные циклы и поколенческие архетипы: прогнозирование отношений США–Китай при втором президентстве Трампа (2025–2029) 75
--	--

Адина Камытбекова Нуршат Каратай	Народная дипломатия как средство взаимодействия с общественностью. 89
-------------------------------------	--

Әдемі Ибраева	Экономическое влияние Китая и США в Центральной Азии: сравнительный анализ. 102
---------------	--

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Мейрамбек Ербатыров Мухтарима Жетписбаева Желю Владимиров	Президентский молодежный кадровый резерв Казахстана: эволюция и перспективы меритократического государственного управления 121
---	--

Жанар Аргынбаева	Тенденции и особенности внешней миграции молодежи Казахстана в 2019–2023 годах: анализ структурных и мотивационных факторов 143
------------------	---

Ермек Чукубаев Алишербек Ильясов	Путь к диверсификации экономики ОАЭ 156
-------------------------------------	---

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Асель Назарбетова**,
Руководитель Представительства КИСИ при
Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.

Тираж:

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Айман Жүсіпова Жақсылық Сабитов Жаслан Нұрбаев	Қазақстандағы жастар және тарихи жады: нарративтердің фрагментациясынан ортақ мағыналардың қалыптасуына дейін 7
--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Эржан Исабаев Ирина Стародубовская	Мигранттар мен радикалдану: Қазақстанға қауіп бар ма? 24
---------------------------------------	---

Серік Сұлтанов Дина Нұрпейісова Айкерім Байзақова	Саяси жаңғыру жағдайындағы партиялық жүйелердің эволюциясы: Қазақстан мен Орталық Азия елдерін салыстырмалы талдау 41
---	---

Бауыржан Әукен Айдар Құрманшев	Жаһандық жақтаулар және жергілікті жағдай: Орталық Азиядан тыс және ішіндегі сарапшылар аймақтың траекториясын қалай бағалайды? 58
-----------------------------------	--

Ксэютонг Жанг Ши Чен Нығмет Ибадильдин Екатерина Петрикова	Америкалық әлеуметтік циклдер мен ұрпақ архетиптері: Трамптың екінші президенттігіндегі (2025–2029) АҚШ–Қытай арасындағы қарым-қатынасты болжау. 75
---	--

Адина Қамытбекова Нұршат Қаратай	Халықтық дипломатия қоғаммен өзара әрекеттесу құралы ретінде 89
-------------------------------------	--

Әдемі Ибраева	Қытай мен АҚШ-тың Орталық Азиядағы экономикалық әсері: салыстырмалы талдау. 102
---------------	--

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Мейрамбек Ербатыров Мұхтарима Жетпісбаева Желю Владимир	Қазақстанның Президенттік жастар кадр резерві: эволюциясы және меритократиялық мемлекеттік басқарудың болашағы. 121
---	---

Жанар Арғынбаева	Қазақстан жастарының сыртқы көші-қонының үрдістері мен ерекшеліктері (2019–2023 жж.): құрылымдық және мотивациялық факторларды талдау 143
------------------	--

Ермек Чукубаев Алишербек Глиясов	БАӘ экономикасын диверсификациялау жолы 156
-------------------------------------	---

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

Бас редактор **Әсел Назарбетова**,
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы
ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Әсіп
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Аста
на к. Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21.
E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сіптеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмей
мүмкін. Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Aiman Zhussupova
Zhaxylyk Sabitov
Zhaslan Nurbayev** Youth and Historical Memory in Kazakhstan:
From Fragmented Narratives to the Formation
of Shared Meanings 7

POLITICS AND SOCIETY

- Erzhan Issabayev
Irina Starodubrovskaya** Migrants and Radicalization: is there
a Threat to Kazakhstan? 24
- Serik Sultanov
Dina Nurpeysova
Aikerim Baizakova** Evolution of Party Systems in the Context
of Political Modernization: a comparative Analysis
of Kazakhstan and Central Asian Countries 41
- Bauyrzhan Auken
Aidar Kurmashev** Global Frames and Local Realities: How Experts Outside
and Inside Central Asia Assess the Region's Trajectory 58
- Xiaotong Zhang
Shi Chen
Nygmet Ibadildin
Yekaterina Petrikova** American social Cycles and generational Archetypes:
Projecting U.S.–China Relations under a second
Trump Presidency (2025–2029) 75
- Adina Kamytbekova
Nurshat Karatay** People's Diplomacy as a Means of Interaction
with the Public 89
- Ademi Ibrayeva** Economic Influence of China and the USA in
Central Asia: a Comparative Analysis 102

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Meirambek Yerbatyrov
Mukhtarima Zhetpisbayeva
Zhelyu Vladimirov** Presidential Youth Personnel Reserve
of Kazakhstan: Evolution and Prospects
for Meritocratic Public Administration 121
- Zhanar Argynbayeva** Trends and Characteristics of External
Migration Among Youth in Kazakhstan,
2019–2023: An Analysis of Structural
and Motivational Factors 143
- Ermek Chukubaev
Alisherbek Ilyassov** The Path to Diversification of the UAE Economy 156

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova**,
Head of the Representative Office of the KazISS under
the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by:
Copies: .

Редакционный совет

- Санат Кушкумбаев** – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Марлен Ларюэль** – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)
- Тимур Дадабаев** – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)
- Адриен Фов** – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)
- Мартон Краснай** – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)
- Гульнара Насимова** – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Дастан Кошербаев** – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Анар Есенгельдина** – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

- Асель Назарбетова** – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии
- Алуа Жолдыбалына** – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор
- Айгуль Кошербаева** – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, профессор
- Асель Абен** – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

- Санат Көшкімбаев** – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы
- Марлен Ларюэль** – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)
- Тимур Дадабаев** – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)
- Адриен Фов** – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)
- Мартон Краснай** – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)
- Гүлнара Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Дастан Көшербаев** – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Анар Есенгелдина** – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

- Әсел Назарбетова** – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.
- Алуа Жолдыбалина** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор
- Айгүл Көшербаева** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

- Sanat Kushkumbayev** – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science
- Marlene Laruelle** – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)
- Timur Dadabayev** – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)
- Adrien Fauve** – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)
- Beate Eschment** – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)
- Horace Yeung** – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)
- Marton Krasznai** – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)
- Gulnara Nassimova** – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor
- Dastan Kosherbayev** – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Rakhman Alshanov** – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor
- Anar Esengeldina** – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

- Assel Nazarbetova** – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science
- Alua Zholdybalina** – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor
- Aigul Kosherbayeva** – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

МРНТИ
03.20;
04.71.21

МОЛОДЕЖЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КАЗАХСТАНЕ: ОТ ФРАГМЕНТАЦИИ НАРРАТИВОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩИХ СМЫСЛОВ

Айман Жусупова^{1*}

Жаксылык Сабитов²

Жаслан Нурбаев³

^{1*} Ассоциированный профессор Университета Нархоз, кандидат политических наук; Алматы, Казахстан, e-mail: aiman.zhussupova@narhoz.kz

² Директор РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, PhD; Астана, Казахстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

^{3*} Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор; Астана, Казахстан, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.001>

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования исторической памяти молодежи Казахстана в условиях конкуренции официальных, академических и альтернативных нарративов. Эмпирическая база включает массовый социологический опрос молодежи (январь-февраль 2024 г., N = 1970), обеспечивший репрезентативность по полу, возрасту, языковой принадлежности и уровню образования. Результаты выявили три вызова: разрыв между высоким интересом к прошлому и поверхностностью освоения знаний; символическую фрагментацию по языковым, региональным и этнокультурным линиям; а также различия в удовлетворенности официальным нарративом, наиболее заметные в региональном разрезе. Научная новизна заключается в акценте на «повороте к участию» (participatory turn) и диалоговой модели памяти, где молодежь выступает субъектом исторического диалога. Такой подход предлагается как ответ на выявленные вызовы и позволяет интегрировать макроуровень (образование и институциональные рамки) и микроуровень (цифровые форматы и локальные инициативы), снижая риски фрагментации. Практическая значимость работы связана с обоснованием перехода к диалоговой политике памяти, открывающей новые возможности для публичной истории и вовлечения цифрового поколения.

Ключевые слова: историческая память, молодежь, нарративы, идентичность, цифровые форматы, политика памяти, доверие к источникам.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАСТАР ЖӘНЕ ТАРИХИ ЖАДЫ: НАРРАТИВТЕРДІҢ ФРАГМЕНТАЦИЯСЫНАН ОРТАҚ МАҒЫНАЛАРДЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНА ДЕЙІН

Айман Жүсіпова^{1*}, Жақсылық Сабитов², Жаслан Нұрбаев³

^{1*}Нархоз университетінің қауымдастырылған профессоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: aiman.zhussupova@narхоз.kz

²ҚР ҒЖБМ ҒК "Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты" ШЖҚ РМК директоры, PhD; Астана, Қазақстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

³ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас сарапшысы, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор; Астана, Қазақстан, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

Аңдатпа. Мақала Қазақстан жастарының тарихи жадын қалыптастыруды ресми, академиялық және балама нарративтердің бәсекелестігі жағдайында талдауға арналған. Эмпирикалық негізді 2024 жылдың қаңтар–ақпан айларында жүргізілген (N = 1970) жаппай социологиялық сауалнама құрайды, ол жынысына, жасына, тіліне және білім деңгейіне қарай репрезентативті болды. Зерттеу нәтижелері үш негізгі сын-кәтерді көрсетті: өткенге жоғары қызығушылық пен білімді үстірт меңгеру арасындағы алшақтық; тілдік, өңірлік және этномәдени желілер бойынша символикалық фрагментация; ресми нарративке қанағаттану деңгейіндегі айырмашылықтар. Ғылыми жаңалығы – жастарды тарихи диалогтың субъектісі ретінде қарастыратын «қатысуға бетбұрыс» (participatory turn) пен диалогтық жад моделіне баса назар аудару. Бұл тәсіл анықталған қиындықтарға жауап ретінде ұсынылады және макродеңгейді (білім беру және институционалдық шеңберлер) және микродеңгейді (сандық форматтар және жергілікті бастамалар) біріктіруге мүмкіндік береді, бұл фрагментация қаупін азайтады. Зерттеудің практикалық маңыздылығы - қоғамдық тарих пен цифрлық буынды тартуға мүмкіндік беретін диалогтық жад саясатына көшу қажеттігін негіздеу.

Түйін сөздер: тарихи жад, жастар, нарративтер, бірегейлік, цифрлық форматтар, жад саясаты, дереккөздерге сенім.

YOUTH AND HISTORICAL MEMORY IN KAZAKHSTAN: FROM FRAGMENTED NARRATIVES TO THE FORMATION OF SHARED MEANINGS

Aiman Zhussupova^{1*}, Zhaxylyk Sabitov², Zhaslan Nurbayev³

^{1*}Associate Professor of Narхоз University, Candidate of Political Sciences, Almaty, Kazakhstan, e-mail: aiman.zhussupova@narхоз.kz

²Director of Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD, Astana, Kazakhstan, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

³Chief Expert of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astana, Kazakhstan, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

Abstract. The article analyzes the formation of historical memory among the youth of Kazakhstan under the conditions of competing official, academic, and alternative narratives. The empirical basis is a large-scale sociological survey of young people (January-February 2024, N=1970), ensuring representativeness by gender, age, language, and education level. The results revealed three main challenges: the gap between high interest in the past and the superficial acquisition of knowledge; symbolic fragmentation along linguistic, regional, and ethnocultural lines; and differences in satisfaction with the official narrative, most evident at the regional level. The scientific novelty lies in emphasizing the «participatory turn» and the dialogical model of memory, where youth act as subjects of historical dialogue. This approach is proposed as a response to the identified challenges and allows for the integration of the macro-level (education and institutional frameworks) and the micro-level (digital formats and local initiatives), reducing the risks of fragmentation. The practical significance of the study is related to the justification of a transition to a dialogical memory policy, which opens new opportunities for public history and the engagement of the digital generation.

Keywords: *historical memory, youth, narratives, identity, digital formats, memory policy, trust in sources.*

Введение

Историческая память - один из ключевых факторов идентичности и социального единства, особенно в молодежной среде, где формируются мировоззрение и ценностные ориентиры. Для Казахстана эта тема приобретает особую актуальность в условиях конкуренции между официальными, академическими и альтернативными (локальными, медийными, инициативными) нарративами. Восприятие прошлого современной молодежи складывается на пересечении формального образования, цифровой медиасреды и персональных источников (семейные рассказы, устные предания, локальные дискуссии).

Данные проведенного исследования фиксируют высокий интерес молодежи к национальной (80%) и региональной (75%) истории, однако этот интерес часто реализуется через краткие и визуально насыщенные цифровые форматы, которые нередко содержат упрощенные или непроверенные сведения. При этом около 40% респондентов выражают неудовлетворенность содержанием и подачей официального нарратива, а значительные региональные и этнокультурные различия в исторических предпочтениях усиливают символическую фрагментацию. Казахоязычные респонденты чаще обращаются к древней и средневековой истории, русскоязычные - к советскому и имперскому периодам, билингвы демонстрируют смешанную картину.

В системе публичной истории остаются слабые звенья: низкое присутствие новейшей истории в образовательных и медийных форматах, перекося в сторону героико-политических сюжетов, ограниченная представленность профессиональных историков в популярных медиа, отсутствие применения подхода сторителлинга и в целом фрагментированный подход к изложению истории в школьной программе. В совокупности это создает риск закрепления изолированных информационных «ниш» и формирования разрозненных версий прошлого.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется не только недостаточной изученностью темы в контексте отечественных реалий, но и более широкой глобальной повесткой: сохранение исторической памяти

молодежи сегодня рассматривается как стратегический ресурс развития общества. В этом контексте обращение к казахстанскому материалу позволяет также и внести вклад в международную дискуссию о путях формирования целостной и устойчивой модели исторической памяти. В связи с этим в исследовании ставятся следующие вопросы:

Как молодежь Казахстана воспринимает национальное и региональное прошлое, и какие источники исторической информации для нее значимы?

Насколько целостной и устойчивой является историческая память молодежи в условиях конкуренции официальных, академических и альтернативных нарративов?

Какие факторы усиливают фрагментацию и какие ресурсы могут способствовать консолидации исторической памяти?

При этом гипотеза, от которой мы отталкиваемся, звучит следующим образом: при высоком уровне интереса к прошлому, но ограниченной глубине его изучения, обусловленной доминированием клиповых форматов, отсутствием цельного и вовлекающего повествования (сторителлинга) в школьной программе, а также слабой представленностью экспертов в популярных медиа, историческая память молодежи Казахстана формируется фрагментарно. Это снижает ее сопротивляемость манипулятивным интерпретациям и затрудняет выработку общих исторических ориентиров. Вместе с тем укрепление памяти возможно через вовлечение самой молодежи в публичные дискуссии и практики осмысления прошлого. Такой подход позволяет учитывать особенности восприятия молодого поколения и формировать более диалоговую модель исторической памяти, менее уязвимую к манипуляциям.

Работа предлагает комплексный взгляд на состояние исторической памяти молодежи Казахстана и позволяет обосновать подходы к более целостной и диалоговой политике памяти, способной объединить различные группы молодежи и адаптироваться к условиям цифрового поколения.

Обзор литературы. Исследования по теме исторической памяти в Казахстане в целом немногочисленны и разрозненны, особенно если речь идет о восприятии прошлого молодежью. Чаще всего авторы рассматривают проблему в широком постсоветском контексте - ревизии советского наследия и недоверия к официальным учебникам истории (Султангазы, Мукатаева, 2020) [1]. Важный блок литературы касается образовательных практик: отмечается, что историческое образование сегодня переживает кризис, связанный с устаревшими подходами и падением интереса к гуманитарным дисциплинам. В этой связи актуальным становится поиск новых форм преподавания, ориентированных на вовлечение учащихся - от когнитивистских методов до использования мультимедийных и игровых форматов (Тулеуова, Зуева, 2019) [2].

Заметное внимание уделяется и связи исторической памяти с формированием национальной идентичности и патриотического воспитания молодежи. В этих работах память трактуется как важнейший ресурс консолидации, позволяющий молодежи соотносить личный опыт с общенациональной историей (Кожирова, Нечаева; Зуева, Муратова; Карманова и др.) [3] [4] [5].

Важным направлением является анализ понятий «историческая память» и «политика памяти» в казахстанской и зарубежной историографии, где подчеркивается роль «мемориального бума» и критического пересмотра ключевых нарративов постсоветских обществ (Нурбаев, Киюбек, 2022) [6].

Наряду с этим в исследованиях отмечается необходимость учитывать этнокультурное и языковое многообразие молодежной аудитории: например, Matthew (2019) [7], опираясь на полуструктурированные интервью с русскоязычными молодыми людьми в Алматы и Караганде, показывает амбивалентность их отношения к государственному нарративам и влияние советского наследия на восприятие прошлого. В то же время Laguelle (2016) [8], анализируя поле казахского национализма и «национально-патриотические» дискурсы, подчеркивает активность прежде всего молодых интеллектуалов и активистов в социальных сетях, а не всей молодежной аудитории.

Другие исследования фокусируются на более широком социально-философском измерении: отмечается, что медиа становятся главным фактором трансформации сознания молодежи, а высокий уровень доверия к ним усиливает как риски деформации, так и потенциалы позитивной социализации. В связи с этим авторы настаивают на необходимости разработки программ информационно-психологической безопасности в рамках молодежной политики (Зейнеш, Досмагамбетова, Аймбетова, 2023) [9].

Историко-социологические исследования показывают, что знание национальной истории у молодежи ниже, чем у старших поколений, а ориентация на поверхностные цифровые источники снижает глубину восприятия и закрепляет символическую фрагментацию (Lapin, Tomanova, 2016) [10].

Отдельный блок литературы касается «политики памяти» и культурной индустрии, где акцент делается на использовании медийных и региональных практик для сохранения и актуализации наследия (Коровникова, 2019; Желдыбаева, 2019) [11],[12].

При этом именно молодежный аспект остается маргинализированным: в большинстве работ он упоминается лишь как часть воспитательных программ или образовательных дискуссий, но специализированных исследований, рассматривающих молодежь как самостоятельного актора памяти, фактически нет.

В международных исследованиях подчеркивается, что знание национальной истории является базовым условием гражданской социализации молодежи. В разных странах, в том числе в США, Канаде, странах Европы в последние десятилетия активно обсуждается падение исторических знаний у школьников, что воспринимается как угроза национальной идентичности и будущему развитию (Clark, 2009; Huijgen et al., 2017; Biesta, 2010) [13], [14], [15]. Эти выводы во многом резонируют с казахстанской ситуацией, где, по результатам опросов, высокий интерес молодежи к прошлому сочетается с недоверием к официальным нарративам и доминированием поверхностных цифровых форматов, усиливающих фрагментацию памяти.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется не только ограниченностью работ по рассматриваемой теме в Казахстане, но и более широкой глобальной повесткой, то есть направлена и на то, чтобы внести вклад в международную дискуссию о путях формирования целостной и устойчивой модели исторической памяти молодежи.

Методы исследования: массовый опрос молодежи (N =1970, ноябрь–декабрь 2023 г.) во всех регионах страны, обеспечивший статистическую репрезентативность по полу, возрасту, языковой принадлежности и уровню образования. Он позволил выделить ключевые содержательные ядра исторической

памяти, определить основные источники получения информации, зафиксировать региональные и этнокультурные различия, а также выявить точки расхождения между личными и публичными нарративами.

Результаты исследования

Теоретические аспекты значимости исторической памяти в контексте молодежи

Историческая память является одним из ключевых условий формирования национальной идентичности и социальной сплоченности. Она обеспечивает преемственность поколений, задает ценностные ориентиры и формирует у человека чувство сопричастности к общности. Для молодежи ее значение особенно велико, поскольку именно в этот период закладываются основы мировоззрения, гражданской позиции и базовых представлений о прошлом, которые в дальнейшем влияют на восприятие настоящего и стратегию будущего. Недостаток системной работы с исторической памятью делает молодое поколение уязвимым к фрагментарным или искаженным нарративам, что ведет к ослаблению общественной целостности.

Для молодежи память о прошлом имеет не только познавательное, но и эмоциональное измерение. Знания должны быть не просто усвоены, а пережиты как часть личной идентичности. Без эмоциональной вовлеченности память становится поверхностной и неустойчивой, ее легко заменить упрощенными интерпретациями или яркими, но малодостоверными медийными образами. Поэтому задача государства и общества состоит не только в передаче фактов, но и в создании условий для формирования осмысленного и критического отношения к истории.

Формирование исторической памяти осуществляется в системе, где действуют разные агенты: семья, образовательные учреждения, медиа. Семья знакомит со «своей» историей через рассказы и личные архивы, школа и университеты призваны обеспечивать систематизированные знания и формировать навыки критического анализа источников, тогда как медиа и цифровые платформы часто предлагают эмоционально насыщенные, но упрощенные интерпретации. Эту картину дополняют музеи, культурные центры, кино и форматы public history, которые соединяют академическое знание с массовым восприятием. При этом молодежь все чаще выступает не только как получатель, но и как соавтор исторической памяти.

В исследовательской традиции выделяют четыре стадии воспроизводства памяти: определение содержания (отбор ключевых событий, фигур, учебных программ), сохранение (архивы, музеи, репозитории, семейные коллекции), воспроизводство (актуализация прошлого в медиа, проектах, культурных практиках) и трансляция (распространение через памятные даты, ритуалы, СМИ). Ослабление хотя бы одного из этих звеньев снижает устойчивость исторической памяти у молодежи [16].

Современные условия усложняют задачу - цифровизация и кратный рост влияния медиа изменили способы взаимодействия с прошлым: молодые люди чаще всего сталкиваются с историей через короткие и визуально привлекательные форматы соцсетей, где убедительность эмоций нередко заменяет достоверность фактов. С одной стороны, это облегчает доступ к информации, с другой – снижает глубину восприятия и создает риск закрепления поверхностных или

манипулятивных версий прошлого. То есть, без согласованной образовательной и культурной политики возрастает вероятность фрагментации исторического сознания и появления параллельных нарративов, которые могут вступать в противоречие друг с другом [17].

Исследователи также подчеркивают многослойность памяти. Историческая культура описывает формы присутствия прошлого в повседневности и правила обращения с ним; культурная память фиксирует институциональные механизмы сохранения (школы, архивы, музеи, памятники); мемориальная культура концентрируется на ритуалах, памятных датах и местах памяти. У молодежи эти уровни часто разорваны, что приводит к несоответствию между личным опытом и официальными нарративами [18].

Особая уязвимость молодежи связана с поиском идентичности и высокой чувствительностью к символическим ресурсам. В результате историческая память становится ареной конкуренции официальных, академических и альтернативных интерпретаций. Когда институциональные механизмы не способны предложить целостный и привлекательный нарратив, снижается доверие к государственным источникам и возрастает открытость к внешним или маргинальным влияниям.

Именно поэтому в мировой практике историческая память рассматривается как стратегический ресурс, тесно связанный с безопасностью и устойчивостью общества. Включение молодежи в осмысленное освоение прошлого считается необходимым условием формирования гражданской ответственности, политической культуры и национального единства [19]. Однако возникает дилемма: с одной стороны, историческая политика должна транслировать ценности, с другой - оставлять пространство для критического осмысления. Если второе условие не выполняется, память превращается в формальную практику, не вовлекающую молодежь.

Кроме того, процесс освоения исторического опыта всегда не линейен: когнитивные, связанные с усвоением знаний, элементы неизбежно сочетаются с эмоциональными. Эмоции закрепляют значимость событий, определяя, что будет сохранено, а что забыто. Наиболее эффективно это достигается в практиках, связывающих «большую» историю с личным опытом: проблемных дискуссиях, мультимедийных проектах, квестах, семейных историях.

Таким образом, значение исторической памяти для молодежи состоит не только в сохранении знаний о прошлом, но и в обеспечении социальной интеграции, устойчивости идентичности и способности общества противостоять вызовам. Современные риски: цифровая фрагментация, конкуренция нарративов, снижение доверия к институтам, разрыв между официальными и личными уровнями памяти делают задачу особенно актуальной. От эффективности работы с памятью в молодежной среде зависит качество исторической культуры и социальная согласованность общества. Именно эти факторы определяют рамку для анализа казахстанской действительности, где подобные вызовы проявляются особенно отчетливо.

Проблемные аспекты формирования исторической памяти молодежи Казахстана

Анализ теоретических подходов показал, что историческая память современной молодежи формируется в многоуровневой системе, где взаимодейству-

ют различные каналы передачи знаний о прошлом. Ее устойчивость зависит от согласованности этих каналов, наличия цельных нарративов и сбалансированного сочетания когнитивного и эмоционального компонентов.

Результаты исследования, проведенного в Казахстане, также демонстрирует, что несмотря на высокий декларируемый интерес к прошлому, структура исторической памяти молодежи остается фрагментированной. Национальная история вызывает интерес у 80% респондентов, история своего региона - у 75%, однако обращение к научной литературе (18%) и мемуарам (13%) остается низким, а участие в лекциях и дискуссиях не превышает 20%. Это свидетельствует о том, что значительная часть интереса концентрируется в поверхностных, клиповых форматах, ограничивая глубину усвоения знаний и устойчивость исторических представлений.

По данным исследования, ключевым каналом получения исторических сведений выступают цифровые форматы - интернет-платформы, социальные сети, короткие мультимедийные материалы. Эта среда обеспечивает быстрый доступ к информации, но закрепляет тенденцию к клиповому, фрагментарному восприятию, усиливает зависимость от алгоритмической фильтрации контента и повышает уязвимость к фейкам и манипулятивным интерпретациям. В долгосрочной перспективе это формирует поколенческую привычку к поверхностному восприятию исторического материала, ослабляя навыки критической проверки информации.

Особенно востребованы краткие видеоформаты и визуально насыщенные материалы, что повышает эмоциональную вовлеченность, но сокращает глубину анализа. Существенную роль продолжают играть семейные рассказы и устные предания, формирующие локальные интерпретации событий, однако они часто не интегрированы в общенациональный контекст. Это усиливает риск того, что разные группы молодежи будут воспринимать одни и те же события по-разному или вовсе не будут о них знать, закрепляя существование «информационных ниш».

Школьные курсы истории, оставаясь одним из немногих систематизированных источников знаний, ограничены фрагментарной структурой программ, слабой нарративной связностью и недостаточным включением новейшей истории. В результате современные события остаются малознакомыми или вызывают равнодушие, что подрывает связь молодежи с актуальным прошлым. В свою очередь отсутствие актуализированных сюжетов снижает потенциал истории как ресурса для формирования гражданской вовлеченности и осознанного участия в общественной жизни.

Тематическая структура интереса молодежи демонстрирует перекос в сторону героико-политического нарратива: 35% интересуются становлением казахской государственности, 31% - военной историей, в то время как темы науки, культуры и международной политики остаются на периферии внимания. Это сужает историческую оптику, ограничивая понимание сложных социально-экономических и гуманитарных процессов. В результате молодежь формирует упрощенную картину прошлого, где события и достижения, выходящие за рамки героико-политической линии, воспринимаются фрагментарно или маргинализируются.

Наблюдается значимый разрыв между доверием к источникам и реальным потреблением контента. Наибольшее доверие молодежь выражает профессио-

нальным историкам (37%), за которыми следуют семья, учителя и медиа, однако низкое присутствие экспертов в популярных цифровых форматах резко ограничивает их влияние. Таким образом, высокий запрос на экспертную информацию не реализуется в полной мере в цифровой среде, что оставляет пространство для непроверенных и мифологизированных версий.

Около 40% опрошенных неудовлетворены содержанием и подачей истории, при этом почти 44% не смогли назвать героев казахстанской истории, а почти 50% - предпочитаемую эпоху. Эти показатели свидетельствуют о кризисе исторической субъектности, при котором отсутствуют устойчивые символы и фигуры, способные объединять разные группы молодежи.

Также эти цифры могут говорить о слабой эффективности школьных учебников по истории Казахстана как инструмента формирования единого канона исторического сознания у школьников Казахстана. Тут возможны два объяснения: а) низкое качество школьных учебников по истории Казахстана, учебники зачастую отстают от современных исследований и не интегрируют новые открытия; б) доминирование патриотического дискурса часто заменяет анализ и проблемное мышление, что мешает школьникам формировать личную позицию и понимание исторической сложности. Нередко содержание учебников акцентирует внимание лишь на официальном национальном нарративе, игнорируя региональные особенности, многоэтничность и спорные страницы прошлого; в) слабое взаимодействие с такими дисциплинами, как литература, география, обществознание, не позволяет выстраивать целостную картину прошлого. Более того, история Казахстана редко связывается с глобальными процессами, что лишает учащихся способности видеть страну как часть мировой истории.

Региональные и языковые различия усиливают эффект фрагментации. Казахоязычные респонденты чаще выбирают древнюю (26%) и средневековую (17%) историю, акцентируя этногенез и традиции; русскоязычные - советский (26%) и имперский (21%) периоды, связанные с индустриализацией, Великой Отечественной войной и модернизационными реформами; билингвы демонстрируют смешанную и амбивалентную модель. При этом казахоязычные чаще уверены в наличии достоверных источников (67%), а русскоязычные чаще отмечают сомнительность информации (55%). Можно предположить, что расхождение в исторических предпочтениях и уровне доверия к информации закрепляет культурно-языковые линии разделения и формирует параллельные версии прошлого.

Также такое расхождение может говорить о слабой функциональности школьных учебников по истории Казахстана, которые по идее должны были формировать единое этнокультурное понимание истории Казахстана у всех школьников Казахстана вне зависимости от языка обучения. На деле мы видим, что казахоязычная и русскоязычная молодежь имеет разные варианты исторической памяти, которые иногда противоречат друг другу. Параллельное существование разных «канонов национальной истории» у представителей разных поколений вполне объяснимо возрастными и поколенческими отличиями, но когда у представителей одного поколения существует два разных понимания национальной истории, это показатель низкой эффективности института формирования единого канона национальной истории у школьников Казахстана.

В ряде регионов - Кызылорде, Актобе, Кокшетау зафиксированы наиболее

высокие показатели неудовлетворенности школьными курсами, напротив, данные по СКО демонстрируют наиболее высокий уровень одобрения. Это указывает на региональную фрагментацию восприятия и недостаток единой образовательной политики, учитывающей локальные контексты.

Разница в выборе источников ярко проявляется и по этнокультурным линиям: казахская молодежь чаще ориентируется на официальные и образовательные форматы (школьные учебники, лекции, госресурсы - 20%), русская - на художественную литературу (20%), семейные архивы (29%) и Википедию, представители других этносов - на рассказы старших (58%), профессиональных историков (31%) и научно-популярные передачи (45%). Такое разнообразие каналов формирует несогласованные интерпретации событий, что затрудняет формирование общей рамки исторической памяти.

Здесь также стоит отметить еще одно потенциальное объяснение таких различий при потреблении информации.

История Казахстана нередко воспринимается как преимущественно история этнических казахов, вследствие чего у части представителей других национальностей может не формироваться чувство сопричастности к общему историческому нарративу. То есть институционализированная система исторической инклюзии пока остается недостаточно развитой. В ряде случаев такой подход создает ощущение ограниченной представленности других этнических групп в историческом повествовании, что снижает их идентификацию с коллективной историей страны. В результате история Казахстана может восприниматься не как общий гражданский нарратив, а как этноцентричная интерпретация, что затрудняет формирование единого исторического поля.

Отдельно стоит выделить расхождение между личными и общественными источниками. Для личного пользования молодежь чаще выбирает эмоционально достоверные, но не всегда проверенные форматы - рассказы старших, семейные архивы, тогда как «значимыми для большинства» называет институциональные каналы - музеи, историков, научно-популярные передачи. Эта двойная структура доверия усиливает разрыв между личным опытом и публичным нарративом, снижая устойчивость к искажениям.

Глубокие форматы исторического потребления остаются ограниченными по охвату: научную литературу читают лишь 18%, к мемуарам обращаются 13%, участие в круглых столах, лекциях и общественных дискуссиях составляет менее 20%. Это означает, что высокий интерес к истории не конвертируется в углубленное изучение, ограничивая развитие критического мышления и исторической рефлексии. В результате формируется ситуация, при которой молодежь, обладая базовым интересом к прошлому, остается в пределах поверхностных знаний и упрощенных интерпретаций.

Критика официального нарратива носит значимый характер: 50% считают, что в подаче больше мифов, чем фактов; 46% - что история подается предвзято; 48% - что сложно отличить правду от вымысла. Это отражает не только недоверие к государственным источникам, но и дефицит навыков проверки информации, что повышает восприимчивость к мифологизированным версиям. Без целенаправленного развития навыков медиаграмотности и критического мышления эта ситуация будет усугубляться.

Отсутствие согласованных трактовок по ключевым фигурам и событиям также повышает риск политизации истории. Например, по фигуре Чингисхана мнения разделены почти поровну, а треть затруднилась с оценкой; индустриа-

лизация СССР воспринимается как авантюра с жертвами (35%) или важнейшее достижение (25%). Разной в оценках ключевых исторических процессов создает почву для политических и идеологических манипуляций.

В странах, где давно закреплены практики формирования «единого канона национальной истории», обычно отсутствует значительная вариативность в восприятии ключевых периодов и фигур: общество ориентируется на доминирующую, институционально закреплённую интерпретацию прошлого. В Казахстане же в первые десятилетия независимости историческая политика не приобрела устойчивого и системного характера. В результате национальный канон сформировался в суженном виде: символическое пространство было сконцентрировано вокруг одной доминирующей фигуры, что не позволило включить в него более широкий спектр исторических персоналий и событий.

Сегодня в Казахстане формируется более целостный и многослойный национальный исторический канон. Публикация новой академической истории, вероятно, станет ключевым этапом, который позволит пересмотреть интерпретации отдельных личностей и событий и сформировать более системный и глубокий взгляд на прошлое.

В совокупности эти факторы формируют разнонаправленные версии исторической памяти, закреплённые в отдельных «информационных нишах», и усиливают риск символической фрагментации. При этом отсутствие интеграции между формальными (образование, музеи), неформальными (культурные мероприятия, мемориальные практики) и цифровыми каналами снижает устойчивость исторического сознания к искаженным версиям прошлого. Если системная политика памяти не будет адаптирована к цифровым привычкам и ценностным ориентирам молодежи, разрыв между государственным нарративом и идентичностными практиками молодого поколения будет только углубляться, что может привести к утрате общего исторического поля и росту социальной поляризации.

Обсуждение результатов

Рассмотренные данные показывают наличие трех системных вызовов, определяющих специфику исторической памяти молодежи Казахстана.

Во-первых, разрыв между высоким интересом к прошлому и поверхностным освоением исторических знаний: молодые люди активно обращаются к историческому контенту, но преимущественно через клиповые форматы, что ограничивает целостное восприятие и делает память уязвимой к манипуляциям.

Во-вторых, фрагментация памяти, проявляющаяся в различиях в оценках исторических личностей, событий и источников, особенно в языковом разрезе.

В-третьих, разрыв в уровне удовлетворенности официальным нарративом, который наиболее четко фиксируется в региональном измерении.

Ответы на эти вызовы должны носить системный характер и быть выстроены на двух уровнях - макро- и микроуровне в контексте политики, связанной с исторической памятью молодежи.

Макроуровень: политика и институциональные рамки

Ключевая задача состоит в переходе от разрозненных акций к системному управлению циклом воспроизводства памяти – от определения содержания до трансляции и сохранения. Для этого необходимы управленческие рамки и ме-

трики, позволяющие отслеживать, как молодежные группы сохраняют и передают общенациональные смыслы.

Образовательные программы должны выполнять не только функцию передачи готового нарратива, но и создавать пространство для исследовательской и критической работы с прошлым. Это означает интеграцию историковедческого подхода в учебный процесс, включение проектов public history, учет локальной памяти в национальном контексте.

Особое значение приобретает связка «знание ↔ ценности ↔ гражданская позиция», предполагающая уход от героико–политического перекося и включение новейшей истории и сложных тем. Здесь важно сочетать эмоциональное вовлечение с аналитическим осмыслением, поскольку именно эмоциональная насыщенность укрепляет устойчивость нарратива.

Цифровая среда в этом контексте выступает одновременно риском и ресурсом. Чтобы снизить эффект алгоритмической фрагментации, необходимо развивать критическую медиаграмотность (фактчек–листы, модули по работе с информацией) и расширять присутствие профессиональных историков в публичных медиа (подкасты, лекции, совместные проекты).

Микроуровень: региональные практики и локальные инициативы

На локальном уровне важно формировать сбалансированную среду воспроизводства памяти, где образовательные учреждения, цифровые платформы, семейные и региональные источники действуют как взаимодополняющие элементы.

Перспективным является подход, при котором молодежь рассматривается не как объект воздействия, а как активный участник, способный создавать и распространять исторические смыслы. Такой подход не только удовлетворяет интерес к прошлому, но и превращает его в глубокое, ценностное освоение. Он особенно соответствует цифровому поколению, которое стремится не просто потреблять, но и со-творить и передавать смыслы. Это требует поддержки молодежных проектов, создания пространства для инициатив, развития офлайн–практик коллективного воспоминания (городские ритуалы, уличные выставки, семейные экспозиции, локальные архивы).

Цифровой сторителлинг становится эффективным инструментом, связывая личные и семейные истории с крупными событиями. Его внедрение в образование и локальные медиа позволяет уменьшить фрагментацию и повысить устойчивость памяти к манипуляциям.

Оптимальной является комбинация инициатив «сверху» и «снизу»: государственные проекты должны сочетаться с инициативами сообществ и семей, например, через оцифровку семейных архивов или создание локальных баз данных.

Не менее важно этическое измерение памяти: способность совмещать чувство гордости с готовностью обсуждать сложные страницы прошлого. Для молодежи ключевым становится формирование «критической лояльности» – умения соединять патриотизм с открытостью к критике, что снижает поляризацию и укрепляет целостность.

Международный опыт

Сравнительный анализ показывает, что казахстанские вызовы не уникальны, и в мировой практике на них отвечают через партисипаторные подходы. Так, европейский проект РОЕМ (Participatory Memory Work) [20] демонстриру-

ет, что цифровые и инклюзивные форматы усиливают вовлечение молодежи и локальных сообществ, придавая памяти социальную значимость [21].

Исследования Chern Li Liew и Ferne Cheetham (2016) [22] показывают, что музеи и архивы, используя цифровое участие, формируют новые практики доверия и расширяют аудиторию.

Nina Simon (2010) [23] развивает концепцию «participatory museum», где посетители выступают соавторами исторического нарратива, что создает институциональные условия для устойчивой идентичности.

Включение подобных практик в казахстанский контекст позволит укрепить историческую память через совместное участие, а не только через трансляцию «сверху».

Заключение

Историческая память играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, гражданской ответственности и ценностных ориентиров молодежи. Она выполняет интегративную функцию, объединяя разные социальные группы на основе общего представления о прошлом, и ориентирующую, помогая соотносить личный опыт с историческим контекстом и выстраивать жизненные стратегии. Для молодого поколения это не только средство передачи знаний о прошлом, но и важный ресурс социализации, формирования моральных ориентиров и устойчивости к идеологическим манипуляциям. Укрепление исторической памяти в этой среде способствует не только сохранению культурного наследия, но и развитию способности критически воспринимать информацию и участвовать в общественной жизни на основе осознанных ценностей.

Исследование выявляет структурное противоречие между высоким уровнем интереса и недостаточной глубиной освоения, когда значительная часть взаимодействий с историческим контентом ограничивается краткими и визуально насыщенными цифровыми форматами. Это упрощает восприятие, но снижает глубину усвоения знаний и делает представления о прошлом более уязвимыми к манипулятивным интерпретациям. Кроме того, исследование показывает роль символической фрагментации по языковым, региональным и этнокультурным линиям как одного из факторов ослабления символической целостности исторического нарратива. Особенно заметны расхождения между казахоязычными и русскоязычными респондентами, а также между личными и публичными источниками исторической информации. Вместе эти факторы создают риск закрепления параллельных версий исторического нарратива, ослабления символической целостности и углубления социальной поляризации.

Новизна данного исследования заключается в том, что оно не только фиксирует указанные противоречия, но и предлагает концептуальное решение - переход к диалоговой модели исторической памяти. В отличие от большинства работ, сосредоточенных преимущественно на институциональных механизмах трансляции знания, данное исследование акцентирует необходимость диалога, где молодежь выступает не объектом, а субъектом исторического процесса. Именно этот акцент на диалоговой политике памяти позволяет рассматривать молодежь как ключевого участника формирования целостной и устойчивой исторической идентичности.

Это особенно актуально для Казахстана, поскольку данный подход дает возможность объединить разные голоса, опыт и ценностные ориентации, избежав фрагментации и конкуренции изолированных нарративов.

Речь идет о так называемом повороте к участию (participatory turn), или обеспечении включения молодежи в практики со-творчества, со-интерпретации и совместного осмысления прошлого. Это не только укрепляет доверие к историческому знанию, но и формирует пространство, где молодежь может открыто говорить о значимых для себя темах - от истории своего региона до общенациональных процессов. Такой подход открывает новые возможности для публичной истории, а также позволяет молодежи артикулировать и интегрировать в национальный нарратив историю своего края, поскольку по мнению значимой части из них, она сегодня недостаточно встроена в общую историческую картину.

Особую роль в реализации этого поворота играет сторителлинг как метод формирования единой нарративной линии. Цифровой и устный сторителлинг, основанный на личных и семейных историях, соединяет индивидуальные и коллективные измерения памяти, преодолевая символическую фрагментарность. В образовательной и медийной среде сторителлинг становится не только инструментом вовлечения, но и механизмом консолидации, оживляя восприятие прошлого и делая его ближе к молодежи.

Наряду с этим, большую значимость приобретают мультимедийные и мультязычные форматы цифровой памяти, соединяющие эмоциональное вовлечение с аналитическим осмыслением. Их развитие, в сочетании со сторителлинг, усиливает эффект включенности и формирует общее пространство исторического диалога.

Кроме того, важно сместить акценты в образовательных программах от передачи готового нарратива к формированию навыков критического анализа. В качестве методологической базы здесь может выступить когнитивистский подход, который акцентирует внимание на осмысленном обучении: знание не воспроизводится механически, а активно конструируется в разных контекстах, связанных как со школьным, так и с внеучебным опытом.

Другими факторами, которые позволят сформировать этот поворот в отношении исторической памяти молодежи, являются:

- Внедрение сторителлинг как метода формирования единой нарративной линии. Цифровой и устный сторителлинг, опирающийся на личные и семейные истории, позволяет соединять индивидуальные и коллективные измерения памяти. В образовательной и медийной среде сторителлинг становится ключевым инструментом преодоления фрагментарности, оживляет восприятие прошлого и делает его ближе к молодежи.
- Расширение присутствия профессиональных историков в публичной медиасреде. Совместные проекты экспертов и молодежи (лекции, подкасты, цифровые архивы, видеопроекты) способны удовлетворить запрос на достоверность и снизить доминирование непроверенных источников.
- Создание условий для интеграции локальных инициатив в национальную историческую политику. Поддержка школьно-семейных экспозиций, уличных выставок, оцифровки семейных архивов позволит молодежи напрямую участвовать в сохранении и трансляции памяти, связывая «малую» историю с «большой».

Реализация этих направлений позволит снизить риски деисторизации и поверхностного освоения прошлого, укрепить историческую субъектность молодежи и ее способность к критическому восприятию информации и, в целом, сформировать более устойчивую, многослойную и диалоговую модель исто-

рической памяти, способную противостоять социальным и информационным вызовам XXI века.

Таким образом, укрепление исторической памяти возможно не только через институциональные механизмы, но прежде всего через вовлечение самой молодежи в публичные дискуссии и практики осмысления прошлого. Именно этот подход, в сочетании с инструментальными сторителлинг и цифровыми форматами обеспечивает создание общей нарративной линии, объединяющей разные поколения, регионы и культурные группы. Это делает историческую память менее уязвимой к манипуляциям и более значимой для консолидации общества, открывая перспективу построения целостной и инклюзивной модели национальной идентичности.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования и источника финансирования (Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан). ИРН BR21882266 «Исследование исторической памяти населения и политики национального строительства в Казахстане за годы Независимости» РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Султангазы Г.Ж., Мукатаева Л.К. Историческая память в условиях современного Казахстана: поиски героев и смыслов // Edu.e-history.kz: Электрондық ғылыми журналы. – 2020. – № 2(22).
2. Тулеуова Б.Т., Зуева Л.И. Формирование исторического знания молодого поколения Казахстана в контексте зарубежного опыта // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – № 6(63).
3. Кожирова С.Б., Нечаева Е.Л. Историческая память: сущность, генезис, роль в контексте формирования национальной идентичности // Адам әлемі. – 2022. – № 3(101). – С. 69-80. – DOI: <https://doi.org/10.48010/aa.v10i1i3.590>.
4. Зуева Л.И., Муратова М.Б. Военно-патриотическое воспитание молодежи в учебных учреждениях и общественных организациях Республики Казахстан // Журавские чтения – 27: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию газеты «Казах». – Қарағанды: Академия Е.А. Букетова, 2023. – 307 с.
5. Карманова Ж.А., Маженова Р.Б., Шарзадин А.М., Манашова Г.Н., Джабаева Г.Н. Основные принципы формирования патриотизма у молодежи в условиях современного Казахстана // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1, ч. 6. – С. 1022-1025.
6. Нурбаев Ж.У., Киюбек Ж.Ж. Concepts of historical memory and the politics of memory in the context of social and historical-humanitarian studies (historiographic analysis) // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2022. – № 3(107). – С. 152-162.
7. Matthew B. Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet Legacies and responses to nation-building // Central Asian Survey. – 2019. – DOI: 10.1080/02634937.2019.1615409.
8. Laruelle M. Which Future for National-Patriots? The Landscape of Kazakh Nationalism. – Lanham: Lexington Books, 2016.
9. Zeinesh M., Dosmagambetova J., Aimbetova U. Revitalization of the national consciousness of youth // Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. – 2023. – № 1(83). – С. 35-45.
10. Lapin N.S., Tomanova M.S. Historical Consciousness and Perception of National History by Kazakhstan Youth in the 20th Century // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9(48). – DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i47/108366.
11. Коровникова Н.А. Политика памяти: аксиологический аспект // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2019. – № 35. – С. 13-17.

- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
12. Желдыбаева А.Т. Политика памяти и культурный имидж Республики Казахстан // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. – 2019. – № 35. – С. 108-111. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та.
  13. Clark A. *Teaching the Nation: Politics and Pedagogy in Australian History*. – Melbourne: Melbourne University Press, 2009.
  14. Huijgen T., van Boxtel C., van de Grift W., Holthuis P. *Toward Historical Reasoning: Fostering the Understanding of Historical Time in Upper Primary Students* // *Journal of Curriculum Studies*. – 2017. – Vol. 49(3). – P. 381-401.
  15. Biesta G. *Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy*. – Boulder: Paradigm Publishers, 2010.
  16. Кулиш В.В. Молодежь как субъект функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2023. – № 9. – С. 36-42. – DOI: 10.24158/spp.2023.9.4.
  17. Кулиш В.М., Матвеева Н.А. Социальный механизм функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2022. – № 10. – С. 16-23. – DOI: 10.24158/spp.2022.10.1.
  18. Сыров В.Н., Беляева Е.В., Буллер А., Линченко А.А., Врублевская–Токер Т.И. *История. Память. Мораль: моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры*. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2020. – 344 с.
  19. Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // *Техногос*. – 2019. – № 3. – С. 115-128. – DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.09.
  20. POEM – Participatory Memory Work. European Training Network, Horizon 2020. – URL: <https://www.poem-horizon.eu> (дата обращения: 18.08.2025).
  21. Kersting N. *Popular memories: Commemoration, participatory culture, and democratic citizenship* // *POEM Horizon Project*. – 2021. – URL: <https://www.poem-horizon.eu> (дата обращения: 18.08.2025).
  22. Liew C.L., Cheetham F. *Participatory Culture in Memory Institutions: of Diversity, Ethics and Trust?* // *D-Lib Magazine*. – 2016. – Vol. 22, № 7/8. – DOI: 10.1045/july2016-liew.
  23. Simon N. *The Participatory Museum*. – Santa Cruz: Museum 2.0, 2010. – URL: <https://participatorymuseum.org> (дата обращения: 18.08.2025).

References

1. Sultangazy G.Zh., Mukataeva L.K. (2020). *Istoricheskaja pamjat' v uslovijah sovremennogo Kazakhstana: poiski geroev i smyslov* [Historical memory in contemporary Kazakhstan: the search for heroes and meanings]. *Edu.e-history.kz: Jelektrondyq gylymi zhurnaly*. no. 2(22).
2. Tuleuova B.T., Zueva L.I. (2019). *Formirovanie istoricheskogo znanija mladogo pokolenija Kazakhstana v kontekste zarubeznogo opyta* [Formation of historical knowledge of Kazakhstan's young generation in the context of foreign experience]. *Otechestvennaja i zarubeznaja pedagogika*. no. 6(63).
3. Kozhirova S.B., Nechaeva E.L. (2022). *Istoricheskaja pamjat': sushhnost', genesis, rol' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti* [Historical memory: essence, genesis and its role in the formation of national identity]. *Adam alemi*. no. 3(101). pp. 69-80. <https://doi.org/10.48010/aa.v10i1i3.590>.
4. Zueva L.I., Muratova M.B. (2023). *Voenno-patrioticheskoe vospitanie molodezhi v uchebnyh uchrezhdenijah i obshhestvennyh organizacijah Respubliki Kazahstan* [Military-patriotic education of youth in educational institutions and public organisations of the Republic of Kazakhstan]. *Zhuasovskie chtenija-27: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Karagandy. Akademiya E.A. Buketova.
5. Karmanova Zh.A., Mazhenova R.B., Sharzadin A.M., Manashova G.N., Dzhabaeva G.N. (2015). *Osnovnye principy formirovanija patriotizma u molodezhi v uslovijah sovremennogo Kazakhstana* [Basic principles of forming patriotism among youth in contemporary Kazakhstan]. *Uspеhi sovremennogo estestvoznaniya*. no. 1. ch. 6. pp. 1022-1025.
6. Nurbaev Zh.U., Kijubek Zh.Zh. (2022). *Concepts of historical memory and the*

- politics of memory in the context of social and historical-humanitarian studies (historiographic analysis). *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija Istorija. Filosofija.* no. 3(107). pp. 152-162.
7. Matthew B. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey.* <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>.
  8. Laruelle M. (2016). *Which future for national-patriots? The landscape of Kazakh nationalism.* Lanham. Lexington Books.
  9. Zeinesh M., Dosmagambetova J., Aimbetova U. (2023). Revitalization of the national consciousness of youth. *Filosofija, medeniettanu, sajasattanu serijasy.* no. 1(83). pp. 35-45.
  10. Lapin N.S., Tomanova M.S. (2016). Historical consciousness and perception of national history by Kazakhstan youth in the 20th century. *Indian Journal of Science and Technology.* Vol. 9(48). <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i47/108366>.
  11. Korovnikova N.A. (2019). Politika pamjati: aksiologicheskij aspekt [Politics of memory: an axiological aspect]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij.* no. 35. pp. 13-17. Barnaul. *Izd-vo Altajskogo universiteta.*
  12. Zheldybaeva A.T. (2019). Politika pamjati i kul'turnyj imidzh Respubliki Kazahstan [Politics of memory and the cultural image of the Republic of Kazakhstan]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij.* no. 35. pp. 108-111. Barnaul. *Izd-vo Altajskogo universiteta.*
  13. Clark A. (2009). *Teaching the nation: politics and pedagogy in Australian history.* Melbourne. Melbourne University Press.
  14. Huijgen T., van Boxtel C., van de Grift W., Holthuis P. (2017). Toward historical reasoning: fostering the understanding of historical time in upper primary students. *Journal of Curriculum Studies.* Vol. 49(3). pp. 381-401.
  15. Biesta G. (2010). *Good education in an age of measurement: ethics, politics, democracy.* Boulder. Paradigm Publishers.
  16. Kulish V.V. (2023). Molodezh' kak sub'ekt funkcionirovanija istoricheskoy pamjati [Youth as a subject of the functioning of historical memory]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika.* no. 9. pp. 36-42. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.9.4>.
  17. Kulish V.M., Matveeva N.A. (2022). Social'nyj mehanizm funkcionirovanija istoricheskoy pamjati [Social mechanism of the functioning of historical memory]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika.* no. 10. pp. 16-23. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.1>.
  18. Syrov V.N., Beljaeva E.V., Buller A., Linchenko A.A., Vrublevskaja-Toker T.I. (2020). Istorija. Pamjat'. Moral': moral'naja sostavljajushhaja istoricheskoy refleksii i kommemorativnyh praktik istoricheskoy kul'tury [History. Memory. Morality]. Tomsk. *Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.*
  19. Mohov V.P. (2019). Patriotizm i politika pamjati v uslovijah globalizacii [Patriotism and politics of memory in the context of globalization]. *Tehnologos.* no. 3. pp. 115-128. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.3.09>.
  20. POEM - Participatory Memory Work. (2020). European Training Network. Horizon 2020. Available at: <https://www.poem-horizon.eu> (accessed 18 August 2025).
  21. Kersting N. (2021). Popular memories: commemoration, participatory culture, and democratic citizenship. POEM Horizon Project. Available at: <https://www.poem-horizon.eu> (accessed 18 August 2025).
  22. Liew C.L., Cheetham F. (2016). Participatory culture in memory institutions: of diversity, ethics and trust? *D-Lib Magazine.* Vol. 22. no. 7/8. <https://doi.org/10.1045/july2016-liew>.
  23. Simon N. (2010). *The participatory museum.* Santa Cruz. Museum 2.0. Available at: <https://participatorymuseum.org> (accessed 18 August 2025).

Материал поступил в редакцию 28.08.2025
 Утвержден к публикации 18.12.2025

МИГРАНТЫ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ: ЕСТЬ ЛИ УГРОЗА ДЛЯ КАЗАХСТАНА?

Эржан Исабаев^{1*}
Ирина Стародубровская²

^{1*} Профессор Университета Нархоз, кандидат философских наук; Алматы, Казахстан, e-mail: erzhan.issabayev@narhoz.kz

² Профессор Университета Нархоз, кандидат экономических наук; Алматы, Казахстан, e-mail: irina.starodubrovskaya@narhoz.kz, ORCID 0000-0002-7073-5905

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.004>

Аннотация. В статье анализируется внутренняя и внешняя миграция в города, проблемы адаптации и аккультурации мигрантов, а также социальные риски, связанные с этими процессами. На основе современных теорий сегментной ассимиляции, радикализации, мигрантских анклавов, а также результатов собственных полевых исследований на постсоветском пространстве авторы выделяют несколько возможных моделей встраивания мигрантов в города, характеризующихся разным уровнем рисков. Часть мигрантов 2-3 поколения в западноевропейских городах испытывает дискриминацию и отчуждение от культуры принимающего общества, проживая в мигрантских анклавах, жители которых стигматизируются. В таких условиях риски распространения протестных контр-культур и радикализации высоки. Аналогичные проблемы характерны для городов массовой урбанизации, где подрываются основы городской культуры и возникает социальный хаос. Подобные примеры показывают, что социальные риски характерны не только для внешней, но и для внутренней миграции. Наконец, есть примеры более гармоничного вписывания мигрантов в городскую культуру, что происходит в отсутствие системной дискриминации и при наличии возможностей вертикальной мобильности, связанных с образованием и карьерой. Предварительные результаты исследования одного из районов Алматы демонстрируют, что среди мигрантов и их детей широко распространена ориентация на вертикальную мобильность, они позитивно воспринимают город и видят здесь для себя перспективы. В подобных условиях контр-культуры могут играть лишь маргинальную роль.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, мигрантские анклав, радикализация, сегментная ассимиляция, Алматы.

МИГРАНТТАР МЕН РАДИКАЛДАНУ: ҚАЗАҚСТАНҒА ҚАУІП БАР МА?

Эржан Исабаев^{1*}, Ирина Стародубровская²

^{1*}Нархоз университетінің профессоры, философия ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: erzhan.issabayev@narхоз.kz

²Нархоз университетінің профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: irina.starodubrovskaya@narхоз.kz, ORCID: 0000-0002-7073-5905

Аңдатпа. Мақалада қалаларға ішкі және сыртқы көші-қон, мигранттардың бейімделуі мен аккумуляциясы мәселелері, сондай-ақ осы үдерістерге байланысты әлеуметтік тәуекелдер талданады. Сегменттік ассимиляция, радикализация, мигранттық анклавтар туралы заманауи теорияларға және посткеңестік кеңістіктегі авторлардың далалық зерттеулерінің нәтижелеріне сүйене отырып, қалаларға мигранттардың түрлі деңгейдегі тәуекелдермен сипатталатын бірнеше ықтимал кірігу үлгілері айқындалады. Батыс Еуропа қалаларындағы 2–3 ұрпақ мигранттарының бір бөлігі мигранттық анклавтарда тұрып, қабылдаушы қоғам мәдениетінен алшақтайды және кемсітушілікке ұшырайды, мұндағы тұрғындар стигматизацияланады. Мұндай жағдайда қарсылық білдіретін контрмәдениеттер мен радикализацияның таралу қаупі жоғары. Ұқсас мәселелер жаппай урбанизация жүріп жатқан қалаларға да тән, мұнда қалалық мәдениеттің негіздері шайқалып, әлеуметтік хаос пайда болады. Мұндай мысалдар әлеуметтік тәуекелдер тек сыртқы ғана емес, ішкі көші-қонға да тән екенін көрсетеді. Ақырында, жүйелі кемсітушілік болмаған және білім мен мансапқа байланысты тік мобильділік мүмкіндіктері болған жағдайда, мигранттардың қалалық мәдениетке неғұрлым үйлесімді кірігу мысалдары да бар. Алматының бір ауданында жүргізілген зерттеудің алдын ала нәтижелері мигранттар мен олардың балалары арасында тік мобильділікке ұмтылыс кеңінен таралғанын, олардың қаланы оң қабылдап, өздеріне болашақ көреді дегенді көрсетеді. Мұндай жағдайда контрмәдениеттер тек маргиналды рөл атқарады..

Түйін сөздер: көші-қон, урбанизация, мигранттық анклавтар, радикализация, сегменттік ассимиляция, Алматы

MIGRANTS AND RADICALIZATION: IS THERE A THREAT TO KAZAKHSTAN?

Erzhan Issabayev^{1*}, Irina Starodubrovskaya²

¹*Professor of Narxoz University, Candidate of Philosophical Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: erzhan.issabayev@narxoz.kz

² Professor of Narxoz University, Candidate of Economic Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: irina.starodubrovskaya@narxoz.kz, ORCID: 0000-0002-7073-5905

Abstract. The article analyses external and internal migration to cities, problems of migrants' adaptation and acculturation as well as social risks associated with these processes. On the basis of modern theories of segmented assimilation, radicalisation and migrant enclaves and the results of the authors' fieldwork in cities on post-soviet space several possible models of migrants' adaptation with different risks levels were identified. Part of the second and third generation of migrants in West European cities feel discrimination and alienation from cultural mainstream of a host society living in migrant enclaves whose residents are stigmatised. Risks of counter-cultures and radicalisation in such conditions are high. The same problems are typical for the cities of mass urbanisation where the basics of urban culture are eroded and social chaos emerges. Such examples demonstrate that social risks are common both for external and internal migration. However, there are examples of less problematic migrants' integration into urban culture happening if migrants feel no systemic discrimination and there are perspectives of vertical mobility through education and professional achievements open for them. Preliminary results of field research in one of the Almaty districts demonstrate that orientation to vertical mobility is widespread among migrants and their children, that they feel positively about the city and see their future here. In such conditions counter-cultures can play only marginal role.

Keywords: *migration, urbanisation, migrant enclaves, radicalisation, segmented assimilation, Almaty*

Введение

Активное социальное и экономическое развитие Казахстана провоцирует масштабные миграционные процессы, в первую очередь из сел в города. В Послании президента страны от 8 сентября 2025 года отмечалось, что крупные города являются местом притяжения для внутренней и внешней миграции [1]. Исторический опыт показывает, что последствия подобной миграции могут быть многообразны. С одной стороны, она создает предпосылки для ускорения экономического роста и социального развития. Многие известные в мире «экономические чудеса» происходили как раз в периоды массового движения населения из сел в города. С другой стороны, подобные пространственные трансформации нередко сопровождаются серьезными инфраструктурными дисбалансами, а также социальными катаклизмами, острыми культурными конфликтами, создающими серьезные проблемы для территорий интенсивной урбанизации.

В последние несколько десятилетий и особенно после миграционного кризиса 2015-2016 годов данные проблемы привлекают внимание ученых преимущественно в связи с масштабной иммиграцией в Европу, в первую

очередь из стран Глобального Юга. Хотя отмечается, что приток рабочей силы необходим европейским странам в связи со старением населения, основное внимание обращается на негативные последствия подобной миграции, среди которых нежелание интегрироваться и формирование «параллельных обществ», как и радикализация и терроризм, выступают на первый план. Причем наибольшую озабоченность вызывают две группы мигрантов: с одной стороны, второе и третье поколения трудовых мигрантов, социализация которых проходила уже в принимающем обществе, с другой - беженцы из конфликтных зон, резко и вынуждено сменившие место жительства.

Возникает вопрос: насколько интенсивные миграционные процессы в Казахстане связаны с аналогичными рисками? Можно ли считать, что мигранты формируют особую культурную среду, испытывая отчуждение от доминирующей в городах культуры, и это чревато угрозой радикализации? Дискуссии по этой проблеме посвящена данная статья.

Теоретические и методологические подходы к исследованию

Феномен инокультурных мигрантов в западных странах и проблематика их адаптации и аккультурации так или иначе осмыслились в академических работах. Наибольший интерес в данном контексте представляет теория сегментной ассимиляции, выдвинутая американскими исследователями [2, 3, 4]. Основная идея данной теории состоит в том, что мигранты второго-третьего поколений не обязательно вписываются в доминирующую культуру принимающего общества, но могут встраиваться и в другие ее сегменты. Для них были обозначены три возможные жизненные траектории:

1) Вертикальная мобильность на основе ориентации на образование и карьеру, вписывание в культурный мейнстрим принимающего общества. Последующие исследования показали, что эта модель не всегда означает полноценное включение в средний класс - дискриминация приводит к тому, что, даже достигая экономического положения среднего класса, мигранты могут оставаться обособленной культурной группой [5].

2) Включенность в мигрантское этническое сообщество, выстраивание жизненных стратегий в его рамках. В отличие от более ранних теорий, сейчас считается, что подобная модель, не предусматривающая серьезной интеграции в принимающее общество, может быть вполне успешной.

3) Вписанность в протестные контр-культуры. Изначально считалось, что это должны быть контр-культуры принимающего общества, однако в дальнейшем было продемонстрировано, что они могут формироваться более сложным образом [6].

В подобной логике Йорген Нильсен, например, описывает стратегии европейских мусульман. Он выделяет две интеграционные стратегии, одна из которых связана с встраиванием лишь в экономические структуры принимающего общества, другая же включает активный культурный поиск ответа на вопрос: как быть мусульманином в новой культурной среде и при этом принимать конструктивное участие в жизни страны пребывания. Стратегия сепарации в его понимании также двойственна: она

может предусматривать как опору на семейные и клановые сети в рамках мигрантского сообщества, предусматривающую подчинение его нормам, так и активную общественную деятельность в направлении признания права на культурную специфику мусульман без стремления к интеграции в стране проживания. Наконец, мусульмане могут вписываться в криминальные либо исламские радикальные контр-культуры [7].

Привлекательность радикального ислама для второго и последующих поколений мигрантов продемонстрировал в своих работах, в частности, французский исследователь Оливье Руа [8]. Эти поколения отрываются от культурных корней, которые важны для первого поколения мигрантов, их не привлекает культурно специфичный ислам отцов. Глобальность и декультурация фундаменталистского ислама оказываются более соответствующими специфике их культурных запросов. При этом радикальный ислам выступает как протестная идеология, позволяющая выразить неудовлетворенность условиями жизни и дискриминацией, которую испытывают люди с миграционным прошлым. По мнению Руа, более правильно говорить не о радикализации ислама, а об исламизации протеста.

Ряд европейских исследований посвящены тому, как трансформируются исламские взгляды у разных поколений мигрантов. Так, Вернер Шиффауэр на примере турецких мигрантов в Германии показывает, что первое поколение мусульман-мигрантов сосредоточено на сохранении и защите их собственных ценностей в чуждой культурной среде и погружено в религиозную повестку отправляющего общества. Для последующих поколений повестка меняется - в ее центре оказывается проблематика борьбы за признание со стороны принимающего общества. Здесь возможны три варианта позиционирования мусульман:

- борьба за равенство: эта группа мусульман в целом воспринимает европейские ценности, склоняется к либеральным исламским взглядам, но дискриминация и исламофобия мешают ее интеграции в европейское общество;
- борьба за право на культурные отличия: речь идет о признании ислама со всеми его атрибутами - мечетями, хиджабами, диетическими ограничениями - легитимным для Европы выбором жизненного пути; данной группе свойственна коллективная солидарность, а также ориентация на консервативный и легалистский ислам;
- отрицание борьбы за признание: в рамках подобной системы взглядов стремление к признанию со стороны отвергающего мусульман европейского общества рассматривается как капитуляция; радикальные варианты ислама характерны именно для этой ультра-ортодоксальной группы, они могут выступать в двух формах - революционной и мирной.

При этом Шиффауэр отмечает, что отчуждение и дискриминация, показывая безрезультатность борьбы за признание, укрепляют позиции радикалов [9].

Особое внимание исследователи обращают на феномен неблагополучных районов с повышенной концентрацией мигрантов (в популярной литературе нередко называемых «мигрантскими гетто»), хотя ученые основ-

ном отвергают обоснованность использования данного термина). Именно в подобных районах, где мало возможностей получить хорошее образование и продвинуться в жизни, создаются благоприятные условия для формирования протестных контр-культур, в том числе радикальной исламской. Наиболее известен феномен таких районов во Франции, однако они возникают и в других крупных европейских городах. Естественной основой их формирования становится дешевизна жилья и нежелание местных жить рядом с мигрантами, что стимулирует переезд первых или их изначальное нежелание покупать жилье в подобном районе, что получило в литературе название white (ethnic) avoidance или white (ethnic) flight [10, 11]. Государственная политика также играет немалую роль в формировании системы расселения мигрантов. При этом исследователи отмечают, что населенные мигрантами районы не являются чисто «мигрантскими», они характеризуются смешанным населением, имеющим общие социально-экономические характеристики. Во Франции, в частности, они во многом совпадают с территориями застойной бедности. При этом сама принадлежность к подобным районам делает человека подозрительным и становится стигматизирующим фактором, препятствующим карьере и вертикальной мобильности [12, 13].

На исследование вопросов, связанных с исламской радикализацией, оказывает влияние толкование данного термина, которое является неоднозначным. Под радикализмом может пониматься существенное отклонение ценностных установок, ориентиров и образа жизни индивида от доминирующих в том или ином обществе. В этом случае радикализация не означает обязательную вовлеченность в насильственные практики. Другая трактовка непосредственно связывает радикализацию с идеологически и религиозно мотивированным насилием, что смещает акценты в анализе этого феномена по сравнению с первым вариантом [14].

Рассмотренные выше подходы к анализу проблематики адаптации мигрантов и формирования предпосылок исламской радикализации в их среде формируют теоретическую рамку настоящей работы, в основе которой лежат следующие положения:

- мигранты и их потомки характеризуются разными жизненными траекториями, меню основных жизненных стратегий включает в себя: вертикальную мобильность на основе образования и карьеры; самореализацию в рамках этнического сообщества; вписывание в протестные контр-культуры, что сопровождается нисходящей мобильностью и способствует радикализации;
- в качестве факторов повышения связанных с миграцией социальных рисков могут рассматриваться: культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами; отчуждение и дискриминация мигрантов; проживание в мигрантских районах, где создаются благоприятные условия для формирования протестных контр-культур;
- перемещение в новую культурную среду вызывает у мигрантов-мусульман трансформацию и дифференциацию их восприятия ислама; у мигрантов второго и последующих поколений эти процессы

во многом связаны с отрывом от культурных корней отправляющего общества, что повышает привлекательность глобализированных форм ислама, характеризующихся отсутствием связи с какой-либо локальной культурой;

- феномен радикализации связан с неприятием мейнстримных ценностей того общества (сообщества), к которому принадлежит индивид, и не обязательно означает вовлеченность в насильственные практики.

Собственно, основная направленность исследований, проводимых научным коллективом под руководством и при активном личном участии одного из соавторов статьи, состояла в проверке данных тезисов применительно к ситуации на постсоветском пространстве. Исследования проводились в нескольких российских городах (Махачкала, Астрахань, Санкт-Петербург), а также в Казахстане на примере города Алматы. Российские исследования рассматривали процессы внутренней миграции и концентрировалась в первую очередь на северокавказских мигрантах на городских территориях различного размера и статуса. Махачкала является столицей одного из северокавказских регионов - Республики Дагестан. В Астрахани и Санкт-Петербурге выходцы с Северного Кавказа выступали основным объектом исследования. В Алматы анализировалась ситуация в одном из районов с повышенной концентрацией мигрантов - была выбрана территория рядом с рынком Алтын-Орда, охватывающая городские и частично пригородные земли, куда достаточно активно переезжают жители из близлежащих территорий Алматинской области и с юга Казахстана (Данное исследование проводилось с участием Есенгали Оскенбаева, ассоциированного профессора Школы экономики и менеджмента Университета Нархоз, и Мейрмана Ауелтаева, преподавателя Гуманитарной Школы Университета Нархоз, которым авторы статьи выражают благодарность).

На всех перечисленных территориях были проведены полевые исследования, включающие глубокое погружение в жизнь соответствующих мигрантских сообществ. В процессе изучения данных сообществ комбинировались различные социологические и этнографические методы, от полуструктурированных интервью до неформальных бесед и включенных наблюдений.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку в ходе проведенных исследований основное внимание обращалось на процессы внутренней миграции, первый тезис, нуждающийся в обосновании, связан с возможностью использования теоретической рамки, сформированной преимущественно для внешней миграции, характерной для западных стран, для целей настоящего анализа. Действительно, факторы, влияющие на адаптацию внешних и внутренних мигрантов, достаточно существенно различаются:

Во-первых, можно предположить, что культурная дистанция в рамках внутренней миграции в целом меньше, чем в условиях миграции внешней. Во всяком случае, для подавляющего большинства внутренних мигрантов, чтобы вписаться в новую культурную среду, не требуется изучения

иностранного языка. Общие культурные нормы нового сообщества им также обычно известны, что, однако, не означает их безоговорочного принятия.

Во-вторых, сам процесс адаптации в случае внутренней миграции сопровождается меньшими издержками. Отсутствует, в частности, сложный комплекс проблем и неопределенностей, связанных с получением легального статуса, разрешения на работу, других необходимых документов в новом обществе и преодолением связанных с этим бюрократических барьеров.

В-третьих, географически отправляющие и принимающие сообщества в условиях внутренней миграции, как правило, достаточно близки. Это упрощает предоставление помощи мигрантам (например, студентам) со стороны тех, кто остался на родине. Кроме того, если адаптироваться не удается, мигрант всегда может вернуться, на время или навсегда, что снижает психологическое давление. Такие примеры приводились, в частности, при исследовании северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге.

Однако результаты исследований демонстрируют, что подобные различия далеко не всегда предотвращают связанные с миграцией негативные эффекты, на которые обращают внимание проанализированные выше теории. Из исторических примеров можно упомянуть ситуацию в Москве и Санкт-Петербурге во второй половине XIX века, когда после отмены крепостного права в России начались активные урбанизационные процессы. Урбанизация в этот период сопровождалась острыми культурными конфликтами. Мигранты, не до конца оторванные от деревенских корней и не влившиеся в городскую жизнь, выходили из-под контроля традиционных институтов патриархальной семьи и общины, однако не становились носителями городской культуры. Широкое распространение среди них получили пьянство, беспорядочные сексуальные связи, кулачные бои как проявление маскулинности [15]. Сталкиваясь с разнообразными проблемами: тяжелые жилищные условия, отсутствие постоянной работы, криминализация - они ощущали отчуждение от города с его нормами и культурой. Города мигрантов в этих условиях становились благоприятной почвой для формирования контр-культур, отрицающих сами основы городской жизни, городскую систему ценностей. Хулиганство городских низов; нигилизм среди интеллигенции и студенчества; футуризм, отвергавший общепринятые эстетические нормы и позиционирующий себя как хулиганство в искусстве – во всех этих разнообразных формах проявлялся социальный хаос, привнесенный массовой урбанизацией. Причем подобные контр-культуры приобретали все более агрессивный и насильственный характер [16, 17].

Более современный, но во многом аналогичный пример - Махачкала постсоветского времени [18]. Процессы урбанизации в этот период приобрели в городе обвальный характер. С одной стороны, происходила замещающая миграция: коренные горожане (не только русские, но и образованные местные) уезжали, а их место занимали выходцы с гор. С другой стороны, территория города расплзалась, возникали мигрантские пригороды. Мигранты первого поколения испытывали значительные трудности

адаптации, часто не были способны реализовать себя в непривычных городских условиях. Среди них стали распространяться вредные привычки - алкоголизм, наркомания. Все это способствовало снижению в семьях традиционного авторитета старших. Родители - вчерашние сельские жители - не были способны передать рецепты жизненного успеха своим детям - уже горожанам. А тем приходилось строить жизненные стратегии в условиях социального хаоса (прежние городские нормы разрушились, новые не сформировались, сельские правила уже тоже не действовали) и неизбежного в таких условиях господства права сильного.

Разрыв социальных условий с предшествующим поколением, сформировавший запрос на легитимацию межпоколенческого конфликта, вместе с накоплением протестного потенциала против господствующего хаоса и несправедливости привели к широкому распространению отрицающей доминирующие ценности идеологии радикального ислама, которую можно рассматривать в этом контексте как контр-культуру. Городская молодежь, «дети улицы», не получившие особого образования и массово втянутые в криминал, постепенно воспринимали исламские идеи, способные дать им жизненные смыслы и ориентиры. Как справедливо отмечал Шиффауэр, радикальная исламская идеология выступала в двух формах - насильственной и мирной. Странники вооруженной борьбы делали ставку на насильственное установление исламского халифата, тогда как мирные радикалы считали, что необходимо обеспечить массовую поддержку исламскому правлению через исламский призыв - даават, а также социальную помощь мусульманам и защиту их прав. Причем в среде мирных радикалов существовали серьезные размежевания по вопросам восприятия светского государства и характера необходимых исламских реформ. Глобальность ислама в противовес локальной культуре предков получила в исламской среде широкое признание. Это выражалось в различных формах, в частности в отрицании необходимости изучения местных языков и предпочтении им арабского и английского. В Махачкале также сложилась своеобразная субкультура создания семьи с мусульманками другой этнической принадлежности, что вступало в жесткое противоречие с традиционно принятой в Дагестане эндогамией. Подобная установка не имела отношения к мусульманским нормам, но должна была манифестировать глобальность исламской уммы.

Таким образом, пример Махачкалы демонстрирует, что не только внешняя, но и внутренняя миграция, активное перетекание сельских жителей в города может приводить во втором поколении мигрантов к формированию протестных контр-культур, связанных в данном случае с исламской радикализацией. Причем эти контр-культуры не обязательно ограничиваются отдельными городскими районами, хотя на неблагоприятных окраинах Махачкалы они получили особое распространение. Выводы, сделанные применительно к исламской контр-культуре в контексте западных стран - о ее основных формах, о привлекательности глобального ислама в противовес культурно-специфическому - в случае Махачкалы нашли достаточно полное подтверждение. Многообразные различия исламских взглядов в радикальной среде, в первую очередь по вопросам текущего по-

зиционирования мусульман и их ближайших задач, отражают тенденцию к дифференциации и индивидуализации религиозности, хотя и несколько по-другому, чем в Европе. Означает ли это, что риски масштабной радикализации неизбежны в условиях активных урбанизационных процессов?

Исследование, проведенное в Астрахани [19], позволяет утверждать, что подобный вывод верен не всегда. На первый взгляд, миграция в Астрахань создавала чрезвычайно благоприятные условия для распространения радикальной исламской контр-культуры. В позднесоветское и особенно в постсоветское время в город массово переезжали семьи из трех дагестанских высокогорных сел, характеризующихся чрезвычайно высоким уровнем замкнутости и патриархальности. То есть культурная дистанция с городским сообществом была достаточно велика, хотя Астрахань и не являлась крупным городом. Более того, община одного из этих сел (Кванады) была расколота по религиозным вопросам, и лидер ее радикального крыла обосновался в Астрахани. Общины трех сел образовали крупный мигрантский анклав в центре города рядом с большими рынками со своей мечетью, воспринимаемой многими в городском сообществе как салафитская. Причем этот анклав имеет тенденцию к расширению. Еще один район с повышенным представительством выходцев с Северного Кавказа сложился на окраине города, в многоэтажном относительно дешевом жилье.

Однако, не смотря на имеющиеся факторы риска, процессы адаптации северокавказских мигрантов в Астрахани не вписываются в рассмотренную выше схему. Наибольшие сложности и конфликты, связанные как с участием в криминальных структурах, так и с радикальным исламом, были свойственны первому поколению дагестанских мигрантов в начальный период их адаптации. И до сих пор проблемы, если и возникают, то в основном с теми, кто недавно приехал в город - например, со студентами из Дагестана, среди которых астраханские ВУЗы пользуются высокой популярностью. Второе же поколение мигрантов уже достаточно органично вписалось в городскую жизнь. Чем же можно объяснить подобную динамику в Астрахани, столь существенно отличающую ее как от Махачкалы, так и от мигрантских анклавов в Европе? Представляется, что здесь важное значение имеют несколько причин.

Во-первых, массовый переезд жителей трех высокогорных сел в масштабе Астрахани не играл столь принципиальной роли. Численность населения города в постсоветский период росла медленно, урбанизация шла эволюционно, принципиальных этнических сдвигов не происходило. С 1989 года первые три места в населении города стабильно занимают русские, татары и казахи. Дагестанцы в совокупности, по имеющимся оценкам, вышли на четвертое место [20], но их относительная численность невелика. Тем самым инокультурная миграция в Астрахань не являлась критически важным вызовом городской культуре. Более того, для мигрантов эта культура не была полностью чуждой. У многих из них имелся опыт временного проживания в городе для ведения торговли еще в советское время, что смягчало первичный миграционный шок.

Во-вторых, дагестанские мигранты в основном не испытывали серьезной дискриминации. Толерантность и привычка к культурному разнообра-

зию отмечалась многими из них. Соблюдающие мусульмане жаловались на запрет хиджабов в школах и рейды силовиков в мечетях. Однако эти проблемы были не столь серьезны, чтобы приводить к массовому отчуждению от культурного мейнстрима. В городе созданы условия для соблюдения исламских ритуалов, функционирует 14 мечетей, имамы которых имеют некоторые различия в понимании ислама, что отражает многообразие исламского сообщества в городе. Нельзя сказать, что радикальные исламские контр-культуры вообще не присутствуют в городском культурном ландшафте, но они являются маргинальными.

В-третьих, образование рассматривается мигрантами и их потомками как реальная перспектива восходящей мобильности. Возможность получения качественного, во всяком случае по меркам Дагестана, высшего образования озвучивалась как одна из основных привлекательных черт Астрахани. В центральном мигрантском районе расположено достаточно престижный лицей, продвигающий модернистскую индивидуалистическую культуру и явно играющий роль успешного интеграционного механизма. Старшеклассники, в том числе девушки, в ходе общения делились планами продолжать образование и строить карьеру, возможно - за пределами Астрахани, чьи вузы для них уже недостаточно хороши. Преподаватели подчеркивали, что если родители многих учеников торгуют на рынке, то дети ориентированы на гораздо более высокий статус.

В-четвертых, так называемые «мигрантские районы» не стали территориями застойной бедности и социальной эксклюзии. Их жителей скорее можно отнести к среднему классу. В центральном районе улучшилось качество жилья, стоимость недвижимости здесь существенно превышает среднюю по городу. Крайний район больше похож на типичный полиэтничный мигрантский анклав с более дешевым жильем, однако проживающих здесь также нельзя отнести к социальным низам. В этих домах живут сотрудники Газпрома, чья работа считалась престижной и до последних лет хорошо оплачивалась. Молодежь района частично настроена на вертикальную, в том числе территориальную, мобильность, частично - на раннее начало трудовой деятельности и финансовую помощь семье. Оба варианта жизненных стратегий не связаны с контр-культурной ориентацией.

При этом необходимо отметить, что эволюционное встраивание в городскую среду предполагает более медленное и неравномерное размытие традиционных отношений, чем, например, в Махачкале, где радикальный ислам привел к ослаблению поколенческих иерархий и подрыву эндогамии. В Астрахани выходцы из наиболее консервативных дагестанских сел по-прежнему сохраняют обычай брать жен из своего сообщества, ограничивают образовательные и карьерные перспективы девушек (юноши как правило более свободны). Не во всех случаях образование является приоритетом, в некоторых семьях стремятся как можно раньше прекратить обучение, чтобы загрузить детей производственной либо домашней работой. Однако изменения происходят, и многие собеседники отмечали, что в перспективе ослабление патриархальных отношений неизбежно.

Итак, проведенные исследования позволяют выделить три варианта

последствий инокультурной миграции в города, создающие разные условия для распространения радикальных контр-культур:

- массовая урбанизация фактически разрушает прежнюю городскую культуру, создает предпосылки для межпоколенческого конфликта и протестных настроений, и это приводит к широкому распространению среди второго поколения мигрантов радикальных контр-культур (криминальной, исламской), по меньшей мере часть которых носит насильственный характер;
- инокультурные мигранты оседают на территориях застойной бедности и социальной эксклюзии, ощущают дискриминацию и отчуждение от культурного мейнстрима, что способствует появлению радикальных контр-культур, в том числе насильственного характера, у второго и последующих поколений мигрантов, которые социализировались в принимающем обществе и претендуют на статус его полноценных членов;
- в условиях отсутствия значимой дискриминации мигрантов, толерантности принимающего общества и превращения образования в инструмент интеграции и вертикальной мобильности адаптация второго и последующих поколений сельских мигрантов происходит более успешно даже в условиях формирования мигрантских анклавов; контр-культуры не становятся массовыми и носят маргинальный характер; в то же время традиционные отношения и определенная замкнутость мигрантских сообществ могут сохраняться достаточно долго.

Определив данную систему координат, важно понять, какой полюс в ее рамках формирует Алматы, к каким из обозначенных точек тяготеет социальная ситуация в городе, насколько велики связанные с миграцией риски. Для анализа данного вопроса летом-осенью 2025 года было проведено полевое исследование на части территории Наурызбайского района и примыкающих к нему пригородных поселков рядом с рынком Алтын-Орда. В исследование было включено 44 информанта. В основном это внутренние мигранты первого поколения молодого и среднего возраста, хотя внешняя миграция из Узбекистана и Афганистана также нашла определенное отражение. В выборку попали мигранты разного образовательного уровня, занятые на работах различной квалификации. Опрашивались как мужчины, так и женщины, хотя в выборке наблюдается некоторый сдвиг в пользу мигрантов мужского пола. Двое интервьюеров, участвовавших в полевой работе, также проживают на исследуемой территории, что позволило облегчить доступ к ее жителям и обогатить исследование большим объемом включенных наблюдений. Доступ к информантам обеспечивался в первую очередь методом «снежного кома», однако также предпринимались усилия по диверсификации входов в поле. Исследование в Алматы проводилось теми же методами, что и в Махачкале и Астрахани, что позволяет сопоставлять полученные результаты. В то же время на данном этапе оно не являлось столь масштабным, как в двух российских городах, тем самым его выводы скорее следует рассматривать как предварительные.

Результаты исследования демонстрируют, что в Алматы не просматри-

ваются предпосылки для широкого распространения протестных контр-культур. Это связано со следующими основными причинами.

Во-первых, мигранты не испытывают жестких ограничений социальной и территориальной мобильности, что выражалось, в частности, в регулярно повторяющейся в интервью характеристике Алматы как «города возможностей». Подавляющее большинство опрошенных отмечали улучшение своего материального положения в городе после тяжелого периода первичной адаптации. Истории некоторых мигрантов демонстрируют впечатляющие примеры вертикальных лифтов, связанных с полученным образованием и собственными трудовыми усилиями. Часть мигрантов не стремится к территориальной мобильности в рамках города, отмечая, что условия жизни в районе их проживания существенно улучшаются. Те же, кто хочет переехать в более «городские» районы, не упоминали о социальных барьерах для подобной мобильности.

Во-вторых, мигранты не ощущают дискриминацию как значимую жизненную трудность. Среди негативных характеристик города данная проблема не упоминалась - в основном звучали жалобы на пробки и дороговизну. При непосредственном обсуждении этого вопроса информанты либо вообще отрицали, что сталкиваются с дискриминацией, либо упоминали бытовую дискриминацию, но не дискриминацию со стороны власти либо работодателей.

В-третьих, традиционные поколенческие и гендерные иерархии, характерные для некоторых сельских районов Казахстана, в городе достаточно быстро размываются и не выступают источником протеста (как, например, это было в Махачкале). Молодые люди вполне самостоятельны в выборе жизненных траекторий, формировании кругов общения, проведении свободного времени. Ритуальное послушание, когда младшие формально спрашивают разрешение старших, но знают, что те не будут препятствовать их решениям, вытесняет отношения подчинения и контроля. Девушек, как и юношей, семьи ориентируют на карьерное продвижение, факты давления с целью раннего замужества в интервью не упоминались. Зато приводилось несколько примеров, когда девушек одних отпускали учиться за границу.

В то же время можно выделить факторы риска, способные сформировать контр-культурную ориентацию у определенных групп населения района. Одним из подобных факторов является стигматизация так называемых «квартирантов» - недавно прибывших мигрантов, арендующих жилье и недостаточно адаптированных к нормам городской жизни. С «квартирантами» связывают широкий круг негативных явлений - вандализм в отношении объектов благоустройства (дети ломают оборудование детских площадок), захламливание территорий (квартиранты не желают выбрасывать мусор в соответствии с установленными правилами), игнорирование интересов соседей, преступность. При этом ранее прибывшие и уже приспособившиеся к городским нормам мигранты не стремятся помогать «новичкам» и скорее испытывают антагонизм по отношению к ним. Это может способствовать отчужденности «квартирантов» от других групп населения и формированию среди них неприятия городской культуры. Подобные настроения нашли определенное отражение в ходе исследования.

Другим фактором риска можно считать слабость сетей поддержки. Многие информанты отмечали, что им приходилось преодолевать трудности вообще без какой-либо помощи. Если поддержка и оказывалась, то в основном со стороны членов семьи. Гораздо реже упоминалось содействие друзей и знакомых. В отдельных случаях речь шла о помощи со стороны работодателя. Ни в одном интервью не говорилось о поддержке односельчан либо организаций некоммерческого сектора. Подобная ситуация создает благоприятные условия возникновения спроса на альтернативные, в том числе контр-культурные сети поддержки (в частности, радикальные исламские).

Результаты исследования позволяют предположить, что в изучаемом районе присутствуют как криминальная, так и радикальная исламская контр-культуры, однако они носят маргинальный характер. Некоторые характеристики поведения молодежи - особый стиль одежды, демонстративное игнорирование мейнстримных культурных норм - могут также свидетельствовать о наличии протестных молодежных субкультур.

Заключение

Мировой опыт демонстрирует, что массовые миграционные процессы, в том числе связанные с урбанизацией - перетеканием сельского населения в города - могут иметь многообразные экономические и социальные последствия и сопровождаются определенными рисками. Эти риски определяются сложностями в адаптации и аккультурации мигрантов, дискриминацией со стороны принимающего общества, возникновением протестных контр-культур в так называемых «мигрантских анклавах».

Представленные в статье исследования показали, что подобные риски могут быть связаны не только с внешней, но и с внутренней миграцией, несмотря на то, что в последнем случае издержки адаптации меньше и миграционный шок может быть не столь силен. Массовый приток сельчан в города способен привести к подрыву основ городской культуры, отчуждению «новых горожан» от культурного мейнстрима, распространению протестных настроений, формированию разнообразных контр-культур. Для современных примеров подобного рода характерна «исламизация протеста» - в качестве доминирующей контр-культуры выступает радикальный ислам.

В то же время результаты исследований дают основания для вывода, что данные риски реализуются не всегда. Отсутствие системной дискриминации мигрантов; наличие для них каналов вертикальной мобильности, связанных в первую очередь с образованием; возможности территориальной мобильности; улучшение жилищных и социальных условий в мигрантских районах - все это уменьшает связанные с урбанизацией проблемы и позволяет процессам адаптации и аккультурации мигрантов протекать более успешно. Протестные контр-культуры в подобных условиях, даже если они возникают, носят маргинальный характер.

Итоги полевого исследования одного из районов Алматы, где массово селятся мигранты, позволяют предположить, что доминирующими среди них являются жизненные стратегии, связанные с вертикальной мобиль-

ностью, нацеленностью на образование и карьеру. Поступление в высшие учебные заведения является значимой мотивацией для миграции, студенты достаточно успешно встраиваются в городскую среду. Надежды на «лучшую жизнь» в значительной мере оправдываются - мигранты воспринимают Алматы как «город возможностей» и не считают дискриминацию значимым барьером для продвижения. В подобных условиях нет предпосылок для формирования массовой социальной базы протестных контр-культур. Подобные контр-культуры носят маргинальный характер. Однако стигматизация так называемых «квартирантов» - недавно прибывших мигрантов, арендующих жилье - создает определенные риски их отчуждения от городской культуры. Также слабость существующих сетей поддержки может усилить спрос на альтернативные сети, в том числе радикальные исламские.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН AP23489903 «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» программно-целевого финансирования на 2024-2026 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года [Электронный ресурс]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstv-nogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145>.
2. Portes A., Rumbaut R.G. (2001). Legacies: The story of the immigrant second generation. Berkley: University of California Press.
3. Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 530 (1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
4. Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. The International Migration Review, 31(4), 975–1008. <https://doi.org/10.1177/019791839703100408>.
5. Habecker S. (2017). Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. Journal of Pan African Studies, 10(1), 55–75.
6. Stepick A., Stepick C. D. (2010). The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. Ethnic and Racial Studies, 33 (7), 1149–1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.
7. Nielsen J. (2007). The question of Euro-Islam: restriction or opportunity? // Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 34-48.
8. Roy O. (2004). Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press. - 320 p.
9. Schiffauer W. (2007). From exile to diaspora: the development of transnational Islam in Europe // Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 68-95.
10. Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? Housing Studies, 32(3), 296– 318. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208161>.

11. Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018). Residential Segregation and 'Ethnic Flight' vs. 'Ethnic Avoidance' in Sweden. *European Sociological Review*, 34 (3), 268–285. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy010>.
12. Варшава Е. А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С.. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. - М.: Издательский дом «Дело», 2021. - 226 с.
13. Деминцева Е.Б. Создавая «гетто»: социальные кварталы Франции и их обитатели (1960-2010) // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 398. - С. 105-112. DOI 10.17223/15617793/398.
14. Стародубровская И., Исабаев Э. Что знает и чего не знает наука о процессах исламской радикализации // Аль-Фараби. - 2024. - Т. 87. - № 3. - С. 67–85. <https://doi.org/10.48010/2024.3/1999-5911.07>.
15. Brower D.R. (1990). *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850-1900*. Berkeley: University of California Press. - 281 p.
16. Neuberger J. (1993). *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914*. Berkeley: University of California Press. - 324 p.
17. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. - М. - 1909. - С. 146-181.
18. Стародубровская И. В., Идрисов Э. Ш., Казенин К. И. Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий // Демографическое обозрение. - 2022. - Т. 9. - № 2. - С. 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.
19. Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2021. - № 4. - С. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.
20. Сызранов А. В. Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность // Политическое образование - 2016. [Электронный ресурс]: <http://awinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost>.)

References

1. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana "Kazakhstan v epohu iskustvennogo intellekta: aktualniye zadachi i ih resheniya cherez tsifrovuyu transformatsiyu" [President Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address to the People of Kazakhstan "Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence: Current Challenges and Solutions through Digital Transformation"] ot 8 sentibrya 2025 goda [Elektronniy resurs]: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145>.
2. Portes A., Rumbaut R.G. (2001). *Legacies: The story of the immigrant second generation*. Berkley: University of California Press.
3. Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530 (1), 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
4. Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. *The International Migration Review*, 31(4), 975–1008. <https://doi.org/10.1177/019791839703100408>.
5. Habecker S. (2017). Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. *Journal of Pan African Studies*, 10(1), 55—75.
6. Stepick A., Stepick C. D. (2010). The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. *Ethnic and Racial Studies*, 33 (7), 1149—1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.
7. Nielsen J. (2007). The question of Euro-Islam: restriction or opportunity? // *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press. - P. 34-48.
8. Roy O. (2004). *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. New York: Columbia University Press. - 320 p.

9. Schiffauer W. (2007). From exile to diaspora: the development of transnational Islam in Europe // *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence* / Aziz al-Azmeh and Effie Fokas (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. - P. 68-95.
10. Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? *Housing Studies*, 32(3), 296– 318. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1208161>.
11. Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018). Residential Segregation and 'Ethnic Flight' vs. 'Ethnic Avoidance' in Sweden. *European Sociological Review*, 34 (3), 268–285. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy010>.
12. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. Migranti v rossiyskih gorodakh: rasseleniye, kontsentratsiya, integratsiya. [Migrants in Russian cities: settlement, concentration, integration] - M.: Izdatelskiy Tom "Delo", 2021. - 226 s.
13. Demintseva E.B. Sozdavaya "ghetto": sotsialniye kvartali Frantsii i ih obitateli (1960-2010) [Creating "ghettos": French banlieues and their inhabitants (1960-2010)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. - 2015. - № 398. - S. 105-112. DOI 10.17223/15617793/398.
14. Starodubrovskaya I., Isabaev E. Chto znaet i chego ne znaet nauka o protsessah islamskoy radikalizatsii [What science knows and what does not know about Islamic radicalization processes] // *Al'-Farabi*. - 2024. - T. 87. - № 3. - S. 67–85. <https://doi.org/10.48010/2024.3/1999-5911.07>.
15. Brower D.R. (1990). *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850-1900*. Berkeley: University of California Press. - 281 p.
16. Neuberger J. (1993). *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914*. Berkeley: University of California Press. - 324 p.
17. Frank S.L. *Etika nihilizma [Ethics of nihilism]* // *Vehi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii [Milestones: collection of essays about Russian intelligentsia]*. - M.: 1909. S. 146-181.
18. Starodubrovskaya I.V., Idrisov E.Sh., Kazenin K.I. Adaptatsiya migrantov iz selskoy mestnosti Dagestana v Makhachkale i Astrahani: prichiny razlichiy [Adaptation of migrants from rural areas of Dagestan in Makhachkala and Astrakhan: causes of differences] // *Demograficheskoye obozreniye*. - 2022. - T. 9. - № 2. - S. 22-41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.
19. Kazenin K.I., Starodubrovskaya I.V. Dagestanskiye migranti v Astrahani: opit issledovaniya integratsii [Dagestaniyan migrants in Astrakhan: a study of integration process] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsialniye peremeny* - 2021. - № 4. - S. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.
20. Sizranov A.V. *Etnicheskaya situatsiya v Astrakhanskoy oblasti: istoriya i sovremennost'* [Ethnic situation in Astrakhan region: history and present] // *Politicheskoye obrazovaniye* - 2016. [Elektronniy resurs]: <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situatsiya-v-astrakhanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost>.

Материал поступил в редакцию 06.10.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЗАХСТАНА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Серик Султанов^{1*}
Дина Нурпейсова²
Айкерим Байзакова³

^{1*} Доцент кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова, доктор политических наук; Шымкент, Казахстан, e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

² Старший преподаватель кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова; Шымкент, Казахстан, ORCID: 0009-0009-8854-4945

³ Магистр кафедры «Политология» Южно-Казахстанского исследовательского университета имени Мухтара Ауэзова; Шымкент, Казахстан

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.005>

Аннотация. В статье анализируется эволюция партийных систем стран Центральной Азии в контексте процессов политической модернизации и институциональных преобразований. Особое внимание уделяется Казахстану, где после конституционной реформы 2022 года произошли значительные изменения в партийно-политической структуре и электоральных механизмах. На основе официальных данных Центральных избирательных комиссий и парламентов пяти государств проведено сравнение уровня политической конкуренции, динамики регистрации партий, состава высших представительных органов и участия граждан в выборах. Анализ показывает наличие разных моделей партийного развития: от относительного плюрализма в Кыргызстане до жёстко контролируемых систем Таджикистана и Туркменистана. Казахстан и Узбекистан занимают

промежуточные позиции, демонстрируя сочетание элементов либерализации с сохранением доминирования правящих политических сил. Исследование выявляет снижение электоральной активности, институциональные барьеры для партий и ограниченность реальной политической конкуренции в большинстве стран региона, а также определяет возможные направления трансформации партийных систем в условиях продолжающейся модернизации.

Ключевые слова: партийные системы, политическая модернизация, политическая конкуренция, Центральная Азия, Казахстан, политические институты, выборы.

САЯСИ ЖАҢҒЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ: ҚАЗАҚСТАН МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Серік Сұлтанов^{1*}, Дина Нұрпейісова², Айкерім Байзақова³

^{1*} Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының доценті, саяси ғылымдар докторы, Шымкент, Қазақстан, e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

² Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының аға оқытушысы, Шымкент, Қазақстан, ORCID: 0009-0009-8854-4945

³ Мұхтар Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті «саясаттану» кафедрасының магистрі, Шымкент, Қазақстан, ORCID: 0009-0002-8684-1435

Аңдатпа. Мақалада Саяси модернизация және институционалдық қайта құру процестері аясында Орталық Азия елдерінің партиялық жүйелерінің эволюциясы талданады. 2022 жылғы конституциялық реформадан кейін партиялық-саяси құрылым мен сайлау тетіктерінде елеулі өзгерістер болған Қазақстанға ерекше назар аударылады. Орталық сайлау комиссиялары мен бес мемлекет парламенттерінің ресми деректері негізінде саяси бәсекелестік деңгейі, партияларды тіркеу динамикасы, жоғары өкілді органдар құрамы және азаматтардың сайлауға қатысуы салыстырылды. Талдау Қырғызстандағы салыстырмалы плюрализмнен бастап Тәжікстан мен Түрікменстанның қатаң бақыланатын жүйелеріне дейінгі партиялық дамудың әртүрлі модельдерінің болуын көрсетеді. Қазақстан мен Өзбекстан билеуші саяси күштердің үстемдігін сақтай отырып, ераықтандыру элементтерінің үйлесімін көрсете отырып, аралық позицияларды иеленеді. Зерттеу сайлау белсенділігінің төмендеуін, партиялар үшін институционалдық кедергілерді және аймақтағы көптеген елдердегі нақты саяси бәсекелестіктің шектелуін анықтайды, сондай-ақ жалғасып жатқан жаңғырту жағдайында партиялық жүйелерді трансформациялаудың ықтимал бағыттарын анықтайды.

Түйін сөздер: партиялық жүйелер, Саяси жаңғырту, саяси бәсекелестік, Орталық Азия, Қазақстан, Саяси институттар, сайлау.

EVOLUTION OF PARTY SYSTEMS IN THE CONTEXT OF POLITICAL MODERNIZATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Serik Sultanov^{1*}, Dina Nurpeysova², Aikerim Baizakova³

^{1*} Associate Professor of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, doctor of Political Sciences, Shymkent, Kazakhstan; e-mail: sultanovser999@mail.ru, ORCID: 0009-0009-8854-4945

²Senior lecturer of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan; ORCID: 0009-0009-8854-4945

³Master of the Department of Political Science of Mukhtar Auevov South Kazakhstan Research University, Shymkent, Kazakhstan; ORCID: 0009-0002-8684-1435

Abstract. The article analyzes the evolution of the party systems of the Central Asian countries in the context of the processes of political modernization and institutional transformations. Special attention is being paid to Kazakhstan, where significant changes have taken place in the party and political structure and electoral mechanisms since the constitutional reform of 2022. Based on official data from the Central Election Commissions and parliaments of the five states, a comparison was made of the level of political competition, the dynamics of party registration, the composition of the highest representative bodies and the participation of citizens in elections. The analysis shows the existence of different models of party development: from relative pluralism in Kyrgyzstan to the tightly controlled systems of Tajikistan and Turkmenistan. Kazakhstan and Uzbekistan occupy intermediate positions, demonstrating a combination of elements of liberalization while maintaining the dominance of the ruling political forces. The study reveals a decrease in electoral activity, institutional barriers for parties and limited real political competition in most countries of the region, and also identifies possible directions for the transformation of party systems in the context of ongoing modernization.

Keywords: *party systems, political modernization, political competition, Central Asia, Kazakhstan, political institutions, elections.*

Введение

Процессы политической модернизации в странах Центральной Азии представляют собой сложное и многоаспектное явление, которое тесно связано с развитием политических партийных систем. В современной политической обстановке региона изменения в структурах партий определяются как внутренними общественно-экономическими изменениями, так и воздействием внешних факторов, включая влияние глобальных политических тенденций. Особый интерес представляет сравнительный анализ систем партий Казахстана и других стран Центральной Азии. Эти государства имеют различные модели партийной конкуренции и отношений между государством и партией, несмотря на сходство исторического наследия и политической культуры.

Актуальность данного исследования обусловлена текущими изменениями институциональной среды политических систем в странах Центральной Азии. В регионе наблюдается устойчивое сочетание формально многопартийного устройства с авторитарными методами управления. Несмотря на заявленные цели политической модернизации и демократизации, фактическое участие политических партий в управлении государством и в реальной политической конкуренции остаётся ограниченным. В условиях глобальных геополитических вызовов и внутренней нестабильности отдельных режимов особенно важным становится сравнительный анализ партийных систем стран региона. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан демонстрируют различные модели партийной жизни от ограниченно конкурентных до полностью контролируемых или фактически однопартийных систем. Это требует всесторонней оценки уровня политической открытости, электоральной конкуренции и функциональной значимости партий в указанных государствах.

Это исследование направлено на изучение процессов развития партийных систем в условиях политической модернизации. Анализируются факторы, влияющие на изменение структуры партийных систем и определяется уровень демократизации партийного поля в странах региона. Основная гипотеза исследования заключается в том, что политическая модернизация оказывает разнобразное воздействие на партийные системы Центральной Азии. В результате формируются уникальные пути их развития в зависимости от уровня политического многообразия, институциональных изменений и участия гражданского общества в политических процессах. Для достижения поставленной цели в работе рассматриваются следующие задачи:

1. Проанализировать ключевые теоретико-методологические концепции изучения партийных систем в рамках политической модернизации.
2. Охарактеризовать основные этапы формирования политических партий в Казахстане и других странах Центральной Азии.
3. Изучить сходства и различия между моделями партийной конкуренции и структурой партийных систем в ракурсе институционального оформления.
4. Изучить, как политические изменения влияют на развитие партийных организаций.
5. Оценить возможности будущего развития политических систем региона с учетом мировых и региональных политических тенденций.

Основная методология исследования опирается на сопоставительный анализ, институциональный подход и теорию политической модернизации. Применение различных методов, как качественных, так и количественных, позволит осуществить всесторонний анализ изменения партийных систем и выявить основные направления их развития.

Таким образом, проведенное исследование поможет не только углубить теоретические представления о развитии политических партий в условиях политической модернизации, но также предложить практические рекомендации по увеличению эффективности партийных структур в Казахстане и странах Центральной Азии.

Литературный обзор

Изучение изменений в партийных системах в странах Центральной Азии

требует учета как эмпирических данных, так и теоретических подходов. Для анализа количественных показателей регистрации партий и их участия в выборах использовались информация, опубликованная на официальных сайтах Центральные избирательных комиссий пяти стран региона: Казахстана [1], Кыргызстана [2], Узбекистана [3], Таджикистана [4] и Туркменистана [5]. Эти ресурсы предоставляют информацию о действующих партиях, правилах регистрации, избирательных кампаниях и итогах голосований.

Теоретические концепции анализа политической культуры и процессов модернизации были рассмотрены в работах С.Г. Кара-Мурзы [6], где автор акцентирует внимание на влиянии традиционных институтов на осознание и принятие демократических принципов. Похожие акценты замечены у Г. Сатаров [7], исследующего особенности партийных структур в странах СНГ и указывающего на ограниченность их функционала, а также у А. Сулейменова [8] сосредоточившегося на вызовах модернизации политической системы в Центральной Азии, подчеркивая зависимость её скорости от легитимности и стабильности руководства региональных стран. Актуальные сравнительные анализы политических прав и свобод в этом регионе представлены годовыми обзорами Freedom House [9, 22], в которых подчёркивается замедление демократических процессов и ограничение возможностей политической конкуренции. Особенно заметно сокращение количества политических партий и ужесточение административного контроля над процессом выборов. Отчеты отмечают уменьшение числа партий и увеличение административного контроля над избирательным процессом в целом. Данные и аналитические отчеты International IDEA дополняют это описание институциональными характеристиками политических систем, включая информацию о финансировании, юридическом регулировании и представительстве интересов гражданства. [10, 23]. Важным концептом для понимания формальной многопартийности и реальной конкуренции является термин «конкурентный авторитаризм», предложенный С. Лвицкий и Л.А. Уэйем [11]. В соответствии с заявлениями авторов в некоторых странах постсоветского пространства - например в Казахстане и Узбекистане - проводятся выборы и существуют формальные институты демократии. Однако фактически политическое поле контролируется доминирующими элитами. В данном контексте исследование М. Фиш [12] рассматривает недостатки открытых политических процессов в постсоветской Евразии, в то время как Н. Мелвин [13] исследует Узбекистан как пример авторитарной консолидации власти при сохранении формальных институтов. К. Коллинз [14], в свою очередь, обращается к значению кланов и неформальных сетей в переходных режимах Центральной Азии и показывает их влияние на формирование партий и замену политических элит. Дж. Хизэршоу и Е. Шатц [15], проводя свое исследование, раскрывают парадоксальную устойчивость авторитарных режимов даже при наличии институциональной слабости [16]. Особенное внимание уделяется Казахстану и Кыргызстану как примерам «мягкого авторитаризма», где используются методы контроля над сообщениями и управляемого множественного представительства. С. Камингз [17], в своих исследованиях анализирует процессы изменения власти и политической конкуренции в этом регионе с фокусом на институциональные противоречия и символическую легитимизацию. М. Ларуэль [18] также изучает взаимодействие символов, риторики и социальной

действительности в контексте Казахстана. С.Кендзер [19] показывает интернет в Узбекистане как площадку для выражения оппозиционных мнений при строгом контроле над офлайн-политикой. Исследование М. Б. Олкотта [20] фокусируется на возможностях второй волны политических преобразований в условиях персоналистского правления. Данные ОБСЕ [21] предоставляют наблюдения за процессами выборов и фиксируют случаи нарушений избирательного процесса, ограниченный доступ оппозиции и доминирование структур власти. Эти сведения дополняют обширное изложение в ежегодных отчетах Freedom House [22] и International IDEA [23], где подчеркивается системное ограничение политической конкуренции в регионе при наличии формальных многопартийных систем. Таким образом, совокупность представленных источников представляет возможным не только оценить положение партийных систем и политической конкуренции в странах Центральной Азии, но и выявить их институциональные ограничения в рамках политической модернизации.

Методология исследования

Это исследование основано на комплексном подходе к изучению эволюции политических систем в странах Центральной Азии в период политического обновления. Методологическая основа включает сравнительный анализ системы партийных структур и использование как количественных, так и качественных методов исследования.

В рамках сравнительного анализа изучаются партийные системы Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана с целью выявления общих закономерностей и специфики их развития. Этот подход позволяет провести сравнение уровней политической конкуренции, изменения партийного ландшафта и влияние модернизационных процессов на институциональную структуру партий.

Изучение структуры и функционирования политических партий в рамках институционального анализа касается их взаимодействия с органами власти и общественными организациями. Особое внимание уделяется нормам законодательства, регулирующим процессы партийной деятельности: конституционные положения, законы о политических партиях и избирательное законодательство. Также изучаются механизмы государственного финансирования партий. Подход системного анализа позволяет рассматривать партийные системы как часть более обширной политической структуры, где взаимодействуют государственные органы власти, избиратели, гражданское общество и международные политические факторы. Этот методологический инструментариум способствует глубокому пониманию динамики партий при реформировании политической системы и изменении социально-экономических условий.

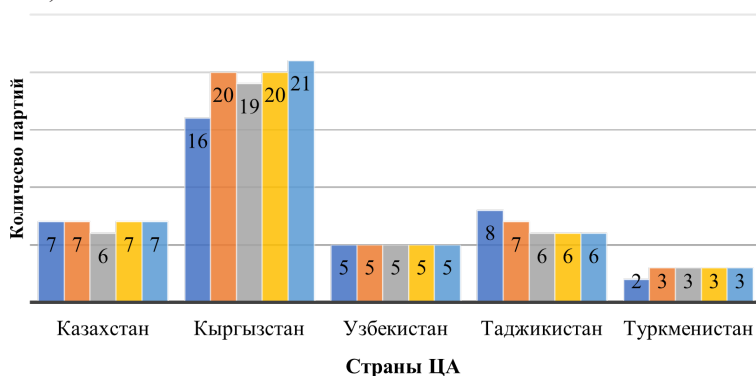
Важной составляющей исследования является анализ контента, который применяется для изучения документации политических партий: их идеологических оснований, электоральных стратегий и официальных заявлений для оценки эволюции партийной риторики и уровня идеологического разнообразия в контексте участия партий в политическом процессе. Для анализа количественных данных в исследовании применяется описание статистики. Это включает организацию и толкование выборочных показателей вроде ко-

личества зарегистрированных партий, уровня представительства в парламентах и явки избирателей. Информация представлена в виде таблиц и диаграмм для наглядного отображения основных тенденций развития политических систем стран Центральной Азии. В ходе исследования использованы официальные данные Центральных избирательных комиссий этих стран и аналитические отчеты международных организаций (ОБСЕ, Freedom House, International IDEA), а также научные статьи ведущих специалистов по политической модернизации и партийным системам. Таким образом, применение указанных методов и использование разнообразных фактических материалов позволяют провести всесторонний и объективный анализ изменений в партийных системах Центральной Азии. Это помогает выявить основные тенденции и оценить влияние политической модернизации на развитие партийного становления в этом регионе.

Анализ и результаты

В рамках исследования эволюции политических систем в Центральной Азии в условиях политических изменений было проведено сравнительное изучение политических партий и избирательных процессов в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Основные выводы включают анализ уровня конкуренции между партиями, динамику регистрации политических организаций и их участие в парламентских выборах. Также была произведена оценка степени политического развития в указанных странах. Для наглядного представления данных ниже приведена диаграмма, отражающая количественные показатели партийных систем Центральной Азии. Рисунок 1 демонстрирует изменения в количестве зарегистрированных партий в пяти странах Центральной Азии за последние 14 лет.

Рисунок 1. Количество зарегистрированных партий в Центральной Азии (2010–2024)

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов Центральных избирательных комиссий стран Центральной Азии

Представленный график 1 отражает динамику числа политических партий в странах Центральной Азии за рассматриваемый период и демонстрирует заметные различия в партийном ландшафте пяти государств. Несмотря на относительное сходство политических традиций, направления развития

партийных систем существенно расходятся. В Казахстане на протяжении всех лет показатель остаётся умеренным и относительно стабильным. Номинальное количество зарегистрированных партий держится на уровне 6–7 организаций, что само по себе не отражает глубины политической конкуренции. Формальная многопартийность сочетается с высокой степенью институционального контроля: сложные требования к регистрации, повышенные барьеры для участия в выборах и доминирование одной политической силы ограничивают возможности для появления новых субъектов политического процесса. Такая ситуация создаёт эффект стабильности, но одновременно сужает пространство для реальной конкуренции. В Кыргызстане картину приходится оценивать более осторожно. На графике отражены только те партии, которые допускались к участию в парламентских выборах, однако этот показатель не отражает масштаб всей партийной системы. Если учитывать официальные данные Министерства юстиции КР, то количество зарегистрированных политических партий в стране существенно выше: от около 100 организаций в 2010 году до более 280–290 партий к 2024 году. Однако в выборном процессе фактически участвуют лишь 15–20 партий. Это объясняется низким уровнем институциональной готовности большинства партий, слабой организационной структурой и фрагментированностью политического поля. Тем не менее даже сокращённый выборочный показатель, отражённый на графике, показывает: именно Кыргызстан сохраняет наиболее разнообразную и динамичную партийную среду в регионе, что делает его единственной страной ЦА с устойчивыми элементами конкурентной многопартийности. В Узбекистане ситуация характеризуется стабильностью формальных параметров: число зарегистрированных партий колеблется в пределах 5–6. Несмотря на декларируемые реформы и постепенное расширение политического поля после 2016 года, партийная система остаётся управляемой, а ключевые политические центры сохраняют контроль над основными каналами участия. Поэтому стабильность показателя скорее отражает ограниченность политической конкуренции, чем устойчивость партийной среды. В Таджикистане заметно минимальное колебание: число партий держится в пределах 6–8. Такая стабильность объясняется не зрелостью партийной системы, а её закрытостью. Доминирующая Народно-демократическая партия фактически определяет политическую повестку, а пространство для альтернативных структур предельно ограничено. Это приводит к сохранению формального плюрализма без реального соперничества. Туркменистан демонстрирует наиболее жёсткую модель. На протяжении всего периода действует 2–3 партии, и этот показатель не меняется. При отсутствии реальных механизмов политической конкуренции партии выполняют преимущественно символическую функцию, обеспечивая видимость многопартийности при фактическом сохранении однопартийной логики управления.

Сравнение данных показывает: чем более закрытой остаётся политическая система государства, тем меньше используется потенциал партий для представительства интересов общества. Кыргызстан, несмотря на внутреннюю турбулентность, остаётся единственной страной региона, где можно говорить о реальном политическом многообразии. Казахстан и Узбекистан демонстрируют умеренный, но управляемый плюрализм, а Таджикистан и Туркменистан сохраняют жёсткие ограничения, препятствующие развитию

партий. Общий же тренд в Центральной Азии подтверждает: даже при различиях партийные системы большинства стран сталкиваются с институциональными барьерами, которые сдерживают развитие полноценной политической конкуренции.

Анализ динамики участия политических партий в парламентских выборах Казахстана показывает, что до 2022 года партийная система действительно оставалась ограниченной и малоизменчивой. В 2012 году в выборах участвовало семь партий, однако уже к 2016 году их число сократилось до шести, а в 2021 году — до пяти. Эта тенденция отражала особенности прежней политической модели, ориентированной на доминирование одной политической силы и поддержание контролируемой конкурентности. Система оставалась закрытой для новых участников: жёсткие регистрационные требования и отсутствие стимулов к политической конкуренции приводили к постепенному сужению партийного поля. Ситуация изменилась после конституционной реформы 2022 года. Переход к смешанной избирательной системе, снижение барьеров для регистрации партий и расширение полномочий парламента создали условия для реального обновления политического пространства. Итоги выборов 2023 года стали подтверждением этих институциональных изменений: в электоральном процессе снова приняли участие семь политических партий — столько же, сколько в 2012 году, но уже в принципиально иной политической конфигурации. Таким образом, прежняя тенденция сокращения числа партий, участвовавших в выборах, сменилась обратным движением. Рост их количества в 2023 году отражает начало постепенного расширения политического поля и свидетельствует о том, что модернизационные процессы начали проявляться не только на уровне нормативных актов, но и в реальной партийной конкуренции.

Кыргызстан остаётся наиболее политически разнообразной страной региона, но в отличие от других государств формально зарегистрированных партий здесь значительно больше, чем отражено в парламентских результатах. Если в 2010 году в стране насчитывалось около ста партий, то к 2024 году их число приблизилось к трём сотням. Однако в электоральном процессе стабильно участвуют примерно 15–20 партий, и лишь 4–6 из них получают мандаты. Такая разница объясняется не искусственными ограничениями, а высокой фрагментацией партийного поля и частыми изменениями избирательных правил. Несмотря на это, именно Кыргызстан демонстрирует наиболее конкурентный формат выборов, что подтверждается представленными данными.

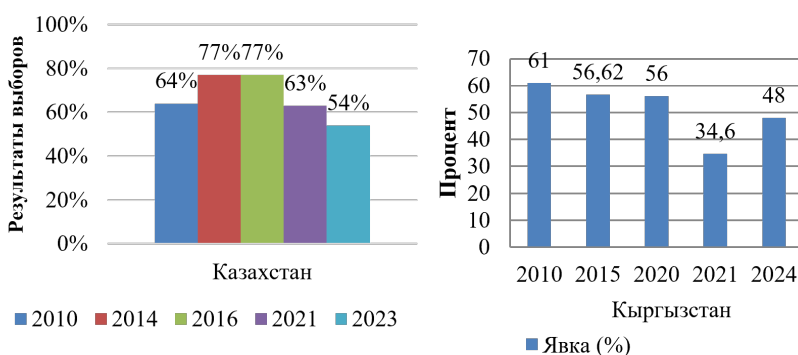
В Узбекистане наблюдается постепенное расширение парламентского представительства: с двух партий в 2010 году до пяти в последние годы. Однако этот рост следует трактовать осторожно. Политическая система Узбекистана остаётся структурно управляемой, а ключевые институты власти удерживают значительный контроль над партийным процессом. Формальное увеличение числа фракций не означает роста реальной политической конкуренции, но отражает постепенную корректировку официального курса после 2016 года. В Таджикистане ситуация остаётся наиболее стабильной и закрытой: хотя формально действует несколько партий, парламентское представительство на протяжении многих лет сохраняется на уровне двух политических сил. Это связано с жёсткой партийно-государственной моделью

и отсутствием условий для полноценной конкуренции. Верхняя палата — Маджлиси миллий — в значительной степени формируется за счёт назначений, что дополнительно снижает степень разнообразия мнений. Туркменистан демонстрирует минимальные параметры политического плюрализма: хотя с 2012 года в стране зарегистрированы три партии, парламент на практике функционирует как инструмент подтверждения курса действующей власти. Несмотря на присутствие нескольких организаций, идеологического или политического соперничества между ними не наблюдается.

В целом представленная динамика показывает, что политическая конкуренция в большинстве стран Центральной Азии остаётся ограниченной и во многом определяется институциональной архитектурой власти. Лишь Кыргызстан демонстрирует устойчивую многопартийность, тогда как Казахстан и Узбекистан движутся в направлении управляемой либерализации. Таджикистан и Туркменистан сохраняют жёсткие модели, не допускающие значимых изменений в политическом составе высших представительных органов.

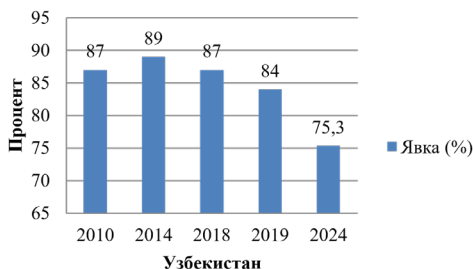
Для оценки политической активности граждан рассмотрим уровень явки на выборах. Ниже представлена таблица с процентами явки на парламентских выборах в 2010–2024 гг.

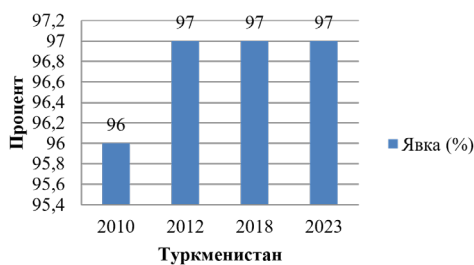
Рисунок 2. Уровень явки на парламентских выборах в Казахстане и Кыргызстане (%)

Источник: составлено автором по данным ЦИК стран ЦА, Freedom House и ОБСЕ

Рисунок 3. Уровень явки на парламентских выборах в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане (%)

Источник: составлено автором по данным ЦИК стран ЦА, Freedom House и ОБСЕ

Динамика электорального участия в странах Центральной Азии демонстрирует заметные различия, отражающие особенности политических режимов и степень доверия населения к избирательным институтам. В Казахстане динамика явки избирателей демонстрирует тенденцию к постепенному снижению, что отражает общий процесс трансформации политической системы и изменение общественных настроений. В 2010 году явка составляла около 64%, однако в последующие электоральные циклы показатель снижался: 77% в 2014 и в 2016 гг., 72%, 63% в 2021 году, а в ходе последних парламентских выборов 2023 года — 54%. На фоне политической модернизации, инициированной после событий 2022 года, снижение явки приобретает новое значение. Ключевая причина заключается не только в усталости общества от длительного доминирования одной политической силы, но и в росте критического восприятия институциональных механизмов, которые долгое время оставались практически неизменными. Несмотря на появление новых политических партий в результате реформы законодательства и перехода к смешанной избирательной системе, электоральная активность не получила существенного импульса. Для части избирателей расширение партийного поля, появление одномандатных округов и ослабление президентской модели пока не воспринимаются как фактор, способный изменить расстановку сил. Это объясняет, почему снижение явки происходит параллельно с расширением партийного представительства: модернизационные меры в институциональном плане пока опережают изменения в восприятии выборов со стороны граждан.

В Кыргызстане за рассматриваемый период наблюдается устойчивое снижение явки. Если в 2010 году на выборы пришли около 61% избирателей, то к последнему электоральному циклу показатель сократился примерно до 48%.

Такая динамика особенно значима, учитывая, что Кыргызстан считается наиболее конкурентной партийной системой региона. Однако снижение участия избирателей здесь, по всей видимости, связано не с отсутствием политической конкуренции, а с нарастающим недоверием к государственным институтам, частой сменой избирательных правил и чередой политических кризисов, которые подрывают уверенность граждан в эффективности выборов как механизма воздействия на власть. В Узбекистане электоральная активность традиционно остаётся высокой, хотя также демонстрирует тенденцию к постепенному снижению. В 2010 году явка составляла примерно 87–89%, а к 2024 году опустилась до 75–82% в зависимости от типа и уровня выборов. Снижение не является резким, что отражает характер узбекской политической системы, где участие в выборах во многом обеспечивается административным контролем и высокой степенью управляемости политического процесса. Несмотря на более заметную активизацию политических реформ последних лет, реальная степень конкурентности выборов остаётся ограниченной. В Таджикистане ситуация близка к узбекской: на протяжении 2010–2024 годов официальные показатели явки практически не опускались ниже 80–86%. Такие значения объясняются спецификой местной политической системы, где участие в выборах воспринимается скорее как обязательная административная процедура, чем как свободный акт политического выбора. Ограниченность политической конкуренции и доминирующая роль правящей партии создают условия, при которых высокая явка становится ожидаемым элементом электоральной модели. Туркменистан демонстрирует самую стабильную и при этом аномально высокую явку в регионе: в течение всего периода показатель остаётся в диапазоне 96–97%. Формальная неизменность таких цифр отражает характер туркменской политической системы, где выборы выполняют символическую функцию подтверждения курса действующей власти, а не являются механизмом политического соперничества. В условиях отсутствия альтернативных кандидатов и тотального административного контроля высокая явка скорее свидетельствует о ритуализированном характере избирательного процесса, чем о реальном гражданском участии.

Таким образом, несмотря на общую тенденцию к снижению участия избирателей в некоторых странах региона, электоральные модели Центральной Азии остаются крайне неоднородными. Кыргызстан демонстрирует падение явки на фоне конкурентной среды и институциональной нестабильности, тогда как Узбекистан, Таджикистан и особенно Туркменистан сохраняют высокие показатели, объясняемые скорее властным контролем, чем степенью политической вовлечённости населения.

Результаты проведённого исследования явно показывают, что несмотря на общую историческую и культурную близость стран Центральной Азии, их партийные системы развиваются по-разному. В то время как Кыргызстан продемонстрировал определённую динамику и плюрализм, в других странах региона, особенно в Туркменистане и Таджикистане, развитие партийной конкуренции остаётся чрезвычайно ограниченным. Одним из самых стабильных тенденций является уменьшение числа действующих политических партий в Казахстане и Узбекистане. Такая ситуация отражает не только внутренние политические процессы, но и наличие институциональных ограничений: сложные процедуры регистрации партий, высокие барьеры для

участия в выборах; административный контроль над деятельностью партий и недостаточная поддержка гражданского общества. Важно понимать, что в большинстве стран региона партии скорее выступают как инструменты государственной легитимации, а не как самостоятельные политические субъекты. Их участие в выборах часто имеет формальный характер и практически отсутствует реальная политическая конкуренция. Исключением здесь является Кыргызстан со своей более активной политической жизнью и определенным уровнем свободы для партийной деятельности - что подтверждается как числом зарегистрированных партий, так и их присутствием в парламенте. Почему политическая борьба не развивается настолько стремительно? Отчасти, потому что условий для справедливой и радикальной конкуренции не хватает. Во многих случаях граждане теряют интерес к участию в выборах из-за предварительно известного результата. Сокращение явки - особенно в Казахстане и Кыргызстане - свидетельствует о усиливающемся чувстве разочарования и недоверия к политическим структурам общества. Если люди лишены реального выбора, то постепенно пропадает желание голосовать.

Какие варианты развития могут быть предложены?

1. Сохранение текущего положения — политическая среда остается стабильной и недвижимой с небольшим количеством конкуренции и большим уровнем контроля. Это наиболее вероятный сценарий для Таджикистана и Туркменистана.

2. Постепенное освобождение - как например в Узбекистане, где видны осторожные шаги к увеличению участия партийных структур даже в рамках существующей политической системы.

3. Реальное улучшение демократии происходит в случае повышения активности гражданского общества и давления от общества в целом и особенно от молодежи при заинтересованности властей в законных институтах.

Исследование показывает, что партии в Центральной Азии пока не играют ключевую роль в демократической системе полностью. Однако различия между странами подталкивают нас к мысли о возможных позитивных изменениях в будущем — при наличии политической воли, общественного требования и поддержки демократических процессов со стороны международного сообщества.

Обсуждение

Результаты данного исследования подтверждают предположение о неравномерном воздействии политической модернизации в Средней Азии на эволюцию партийных систем. Несмотря на общее наследие после советских времен, траектории политической конкуренции и множества партий в пяти изученных странах значительно различаются. При сравнении наших результатов с работой Каммингса [17] становится очевидным, что Казахстан и Узбекистан продолжают придерживаться модели контролируемого политического либерализма: формально существуют многопартийные системы, но реальная конкуренция ограничена. В обоих исследованиях партийные структуры характеризуются административными барьерами и низкой предсказуемостью выборов; доминирующие партийные организации препятствуют развитию реальной оппозиции. Однако в обоих случаях обстановка в Кыргызстане опи-

сывается как довольно плюралистичная и немного нестабильная. Наши исследования указывают на то, что в Кыргызстане наблюдается наибольшее количество партий в парламенте по сравнению с другими странами региона. Это соответствует концепции «конкурентного авторитаризма», описанной Левицким и Уэем. Политическая система Кыргызстана отражает особенности институциональной среды, где политические элиты борются за власть, сохраняя при этом предпочтение чиновникам. Это расхождение подтверждается отчетом Freedom House [22], который относит Кыргызстан к категории «частично свободных» стран, в отличие от других государств Центральной Азии, оставшихся «несвободными». Наши анализы по явке на выборы и изменениям в регистрации политических партий подтверждают заключения Freedom House о сокращении политического пространства в странах Казахстан, Таджикистан и Туркменистан. Одним из ключевых результатов этого исследования является конкретное сравнение показателей электоральной конкуренции в этих регионах. Хотя количество официально зарегистрированных партий в этом районе уменьшилось, последствия этого процесса разнообразны. В Казахстане снижение активности выборов свидетельствует о росте централизации власти и ограничениях в законодательстве. В то время как в Узбекистане это может указывать на проводимые контролируемые реформы с целью продемонстрировать политическую открытость при сохранении доминирования элиты. Этот феномен также был освещен Коллинзом [14] в контексте сохранения режима на клановых основаниях. Еще одним отличием является участие избирателей. Наше исследование показывает значительное снижение активности избирателей в Казахстане и Кыргызстане, что может отражать увеличивающуюся политическую апатию и недоверие к честности выборов. В Туркменистане и Таджикистане явка на выборах всегда остается высокой — хотя, возможно, она иногда немного завышена. Здесь выборы чаще всего воспринимаются как способ подтверждения легитимности режима и не столько как механизм отчетности перед общественностью.

Это исследование вносит свой вклад в обсуждение о том, насколько эффективными могут быть партийные системы как средство для политической модернизации. В то время как предыдущие исследования сосредотачивались на структурных аспектах (например: юридическая основа и избирательные системы), наши результаты подчеркивают роль гражданского участия и политического доверия как ключевых факторов. Уменьшение явки избирателей и упрощение многообразия партий говорят о том, что модернизация без настоящей либерализации может привести к застою в демократии.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ демонстрирует, что политические системы государств Центральной Азии развиваются в разных траекториях, отражающих их институциональную зрелость, степень открытости и характер политического режима. Казахстан после конституционных реформ 2022 года формально перешёл к более конкурентной модели, включая снижение барьеров для регистрации партий и внедрение смешанной избирательной системы. Однако эти институциональные изменения пока не трансформировались в устойчивый рост партийной конкуренции: на практике парламент остаётся доминируемо одной политической силой, а уровень участия граждан в выбо-

рах снижается. Это свидетельствует о том, что модернизация политической системы вступила в фазу, когда институциональные реформы опережают общественную готовность к их восприятию. Кыргызстан сохраняет наиболее открытый и разнообразный партийный ландшафт в регионе, что подтверждается как количеством зарегистрированных партий, так и числом политических объединений, которые реально участвуют в выборах. Тем не менее сокращение явки и нарастающая политическая фрагментация указывают на то, что открытость системы не гарантирует стабильности и не исключает кризисов доверия. В этом контексте Кыргызстан выступает уникальным примером, где высокая партийная конкуренция сочетается с институциональной нестабильностью. В Узбекистане прослеживается эволюция от закрытой модели к более разнообразной партийной системе, однако доминирующая партия продолжает играть ключевую роль в принятии политических решений. Несмотря на рост числа партий, расширение электоральной базы и повышение активности официальных институтов, реальное политическое соперничество остаётся ограниченным. Это подтверждает, что реформы в Узбекистане носят поступательный, но контролируемый характер, обеспечивая модернизацию без серьёзных рисков для существующей вертикали власти. Таджикистан демонстрирует наиболее устойчивую модель централизованной политической системы: количество партий остаётся неизменным, а конкуренция сведена к минимуму. Доминирование одной политической силы, ограниченность доступа альтернативных партий к парламенту и высокая официальная явка показывают, что институциональная стабильность здесь достигается за счёт контролируемой политической среды, а не за счёт разнообразия политических позиций. Туркменистан остаётся самым закрытым политическим режимом региона, где политическая конкуренция носит характер формальности. Стабильно высокая явка, неизменный состав парламента и отсутствие политического плюрализма позволяют рассматривать партийную систему Туркменистана как имитационную, выполняющую преимущественно декоративные функции.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет заключить, что модернизация партийных систем в Центральной Азии развивается неравномерно и зависит от сочетания институциональных реформ, политической культуры и характера государственного управления. Казахстан и Узбекистан движутся в направлении осторожной либерализации, однако их партии пока сохраняют ограниченную способность к конкуренции. Кыргызстан продолжает оставаться наиболее динамичной и открытой системой, но сталкивается с проблемой институциональной нестабильности. Таджикистан и Туркменистан демонстрируют устойчивое воспроизводство моделей, основанных на доминировании власти и минимальной политической конкуренции.

В совокупности эти результаты подтверждают, что политическая модернизация в регионе зависит не только от формальных реформ, но и от готовности государственных институтов создавать условия для реальной партийной конкуренции и расширения гражданского участия. Результаты исследования позволяют использовать выявленные тенденции в дальнейших исследованиях процессов трансформации политических режимов, а также для разработки рекомендаций по повышению эффективности партийных систем в Центральной Азии.

Список литературы

1. Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.election.gov.kz>. – Дата обращения: 11.03.2025.
2. Центральная избирательная комиссия Кыргызской Республики. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shailoo.gov.kg> – Дата обращения: 11.03.2025.
3. Центральная избирательная комиссия Республики Узбекистан. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elections.uz> – Дата обращения: 11.03.2025.
4. Центральная избирательная комиссия Республики Таджикистан. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kmisl.tj> – Дата обращения: 11.03.2025.
5. Центральная избирательная комиссия Туркменистана. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saylav.gov.tm> – Дата обращения: 12.03.2025.
6. Кара-Мурза С.Г. Политическая культура: от модернизации к демократизации. – М.: Алгоритм, 2019. – 320 с.
7. Сатаров Г. Политические партии в странах СНГ: институциональный анализ. // Полис. – 2020. – №3. – С. 45–60.
8. Сулейменов А. Политическая модернизация в Центральной Азии: вызовы и перспективы. // Центральноазиатский обзор. – 2021. – №2. – С. 22–35.
9. Freedom House. Nations in Transit 2023: Kazakhstan Country Report. – Washington, D.C.: Freedom House, 2023. – 28 p.
10. International IDEA. Political Finance Database: Central Asia. – Stockholm: International IDEA, 2022.
11. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 384 p.
12. Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 312 p.
13. Melvin N.J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. – Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. – 256 p.
14. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
15. Heathershaw J., Schatz E. Paradox of Power and Weakness in Central Asia. // Current History. – 2017. – Vol. 116, No. 792. – P. 331–337.
16. Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit: Agenda-setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan. // Comparative Politics. – 2009. – Vol. 41, No. 2. – P. 203–222.
17. Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. – London: Routledge, 2012. – 192 p.
18. Laruelle M. Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. – 250 p.
19. Kendzior S. Digital Dissidents: The Internet and the Struggle for Political Change in Uzbekistan. // Central Asian Survey. – 2011. – Vol. 30, No. 3–4. – P. 259–274.
20. Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 120 p.
21. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Office for Democratic Institutions and Human Rights. Election Observation Reports. – URL: <https://www.osce.org/odihr/elections> – Accessed: 14.03.2025.
22. Freedom House. Nations in Transit 2023: Central Asia Overview. – URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2023> – Accessed: 14.03.2025.
23. International IDEA. Political Participation and Representation in Central Asia. – URL: <https://www.idea.int/publications> – Accessed: 15.03.2025.

References:

1. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Kazakhstan [Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan]. Ofitsial'nyy sayt

- [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.election.gov.kz>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
2. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Kyrgyzskoy Respubliki [Central Election Commission of the Kyrgyz Republic]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://shailoo.gov.kg>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
  3. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Uzbekistan [Central Election Commission of the Republic of Uzbekistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://elections.uz>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
  4. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Respubliki Tadjikistan [Central Election Commission of the Republic of Tajikistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kmisl.tj>. – Data obrashcheniya: 11.03.2025.
  5. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Turkmenistana [Central Election Commission of Turkmenistan]. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://saylav.gov.tm>. – Data obrashcheniya: 12.03.2025.
  6. Kara-Murza S.G. Politicheskaya kul'tura: ot modernizatsii k demokratizatsii [Political Culture: From Modernization to Democratization]. – Moscow: Algoritm, 2019. – 320 s.
  7. Satarov G. Politicheskie partii v stranakh SNG: institutsional'nyy analiz [Political Parties in the CIS Countries: Institutional Analysis]. // Polis. – 2020. – No. 3. – S. 45–60.
  8. Suleymenov A. Politicheskaya modernizatsiya v Tsentral'noy Azii: vyzovy i perspektivy [Political Modernization in Central Asia: Challenges and Prospects]. // Tsentral'noaziatskiy obzor. – 2021. – No. 2. – S. 22–35.
  9. Freedom House. Nations in Transit 2023: Kazakhstan Country Report. – Washington, D.C.: Freedom House, 2023. – 28 p.
  10. International IDEA. Political Finance Database: Central Asia. – Stockholm: International IDEA, 2022.
  11. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 384 p.
  12. Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 312 p.
  13. Melvin N.J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. – Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. – 256 p.
  14. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
  15. Heathershaw J., Schatz E. Paradox of Power and Weakness in Central Asia. // Current History. – 2017. – Vol. 116, No. 792. – P. 331–337.
  16. Schatz E. The Soft Authoritarian Tool Kit: Agenda-setting Power in Kazakhstan and Kyrgyzstan. // Comparative Politics. – 2009. – Vol. 41, No. 2. – P. 203–222.
  17. Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. – London: Routledge, 2012. – 192 p.
  18. Laruelle M. Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2016. – 250 p.
  19. Kendzior S. Digital Dissidents: The Internet and the Struggle for Political Change in Uzbekistan. // Central Asian Survey. – 2011. – Vol. 30, No. 3–4. – P. 259–274.
  20. Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 120 p.
  21. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). Office for Democratic Institutions and Human Rights. Election Observation Reports. – URL: <https://www.osce.org/odihr/elections>. – Accessed: 14.03.2025.
  22. Freedom House. Nations in Transit 2023: Central Asia Overview. – URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2023>. – Accessed: 14.03.2025.
  23. International IDEA. Political Participation and Representation in Central Asia. – URL: <https://www.idea.int/publications>. – Accessed: 15.03.2025.

Материал поступил в редакцию 24.04.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

GLOBAL FRAMES AND LOCAL REALITIES: HOW EXPERTS OUTSIDE AND INSIDE CENTRAL ASIA ASSESS THE REGION'S TRAJECTORY

Bauyrzhan Auken^{1*}
Aidar Kurmashev²

^{1*} Leading Expert of Asian Studies Department, KazISS under the President of the RK, Astana, Kazakhstan; e-mail: auken_b@kisi.kz, ORCID:0009-0004-7162-271X.

² Head of Asian Studies Department, KazISS under the President of the RK, PhD, Astana, Kazakhstan; e-mail: kurmashev_a@kisi.kz, ORCID:0000-0002-5953-6403.

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.006>

Abstract. This article offers a comparative analysis of how Central Asia is assessed by major global actors and by regional experts themselves. Drawing on fourteen policy reports published in 2025 by leading think tanks in the United States (US), the European Union (EU), China, India, and the United Kingdom (UK), as well as two expert surveys conducted by the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) in 2023 and 2025, the study reveals both convergences and divergences in strategic narratives. External assessments often frame Central Asia as a logistical corridor, energy supplier, and zone of geopolitical contestation, while regional experts emphasize internal vulnerabilities—such as water stress, infrastructure fragility, and resource dependency—as key development challenges. The study also examines indigenous analytical contributions from Central Asian platforms which articulate a distinctive epistemological perspective on sovereignty, diversification, and regional agency. By integrating external strategic visions with regional perceptions, the article argues that a nuanced understanding of Central Asia's trajectory requires attention not only to geopolitical interests.

Key words: *Central Asia, strategic narratives, expert survey, regional agency, infrastructure, green energy, geopolitical competition, regional epistemologies.*

**ЖАҒАНДЫҚ ЖАҚТАУЛАР ЖӘНЕ ЖЕРГІЛІКТІ ЖАҒДАЙ:
ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАН ТЫС ЖӘНЕ ІШІНДЕГІ САРАПШЫЛАР
АЙМАҚТЫҢ ТРАЕКТОРИЯСЫН ҚАЛАЙ БАҒАЛАЙДЫ?**

Бауыржан Әукен^{1*}, Айдар Құрмашев²

^{1*} ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ Азиялық зерттеулер бөлімінің жетекші сарапшысы, Астана, Қазақстан; e-mail: auken_b@kisi.kz ORCID:0009-0004-7162-271X.

² ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ Азиялық зерттеулер бөлімінің басшысы, PhD, Астана, Қазақстан; e-mail: kurmashev_a@kisi.kz, ORCID:0000-0002-5953-6403.

Аңдатпа. Бұл мақалада ірі жаһандық ойыншылар мен аймақтық сарапшылардың Орталық Азияға берген бағасының салыстырмалы талдауы берілген. Америка Құрама Штаттарының, Еуропалық Одақтың, Қытайдың, Үндістанның және Ұлыбританияның жетекші сараптамалық орталықтары 2025 жылы жариялаған он төрт аналитикалық баяндамаға, сондай-ақ Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты 2023 және 2025 жылдары жүргізген екі сараптамалық сауалнамаға сүйене отырып, зерттеу стратегиялық нарықтардағы ұқсастықтарды да, алшақтықтарды да көрсетеді. Сыртқы бағалаулар Орталық Азияны логистикалық дәліз, энергия жеткізушісі және геосаяси бәсекелестік аймағы ретінде жиі көрсетеді, ал аймақтық сарапшылар су тапшылығы, нәзік инфрақұрылым және ресурстарға тәуелділік сияқты ішкі осалдықтарды дамудың негізгі міндеттері ретінде атап көрсетеді. Зерттеу сонымен қатар егемендікке, әртараптандыруға және аймақтық агенттікке қатысты нақты гносеологиялық перспективаны тұжырымдайтын Орталық Азия платформаларында ұсынылған аналитикалық материалдарды зерттейді. Сыртқы стратегиялық перспективаларды аймақтық түсініктермен біріктіре отырып, бұл мақалада Орталық Азияның даму траекториясын мұқият түсіну тек геосаяси мүдделерге ғана емес, сонымен бірге аймақтың қалыптасып келе жатқан жаһандық тәртіптегі өз орнын қалай түсінетініне де назар аударуды талап етеді.

Түйін сөздер: *Орталық Азия, стратегиялық баяндаулар, сараптамалық сауалнама, аймақтық агенттік, инфрақұрылым, жасыл энергетика, геосаяси бәсеке, аймақтық эпистемологиялар.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ РАМКИ И МЕСТНЫЕ РЕАЛИИ: КАК ЭКСПЕРТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ И ВНУТРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ОЦЕНИВАЮТ ТРАЕКТОРИЮ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Бауыржан Ауен^{1*}, Айдар Курмашев²

^{1*} Ведущий эксперт Отдела азиатских исследований КИСИ при Президенте РК, Астана, Казахстан; e-mail: auken_b@kisi.kz, ORCID:0009-0004-7162-271X.

² Руководитель Отдела азиатских исследований КИСИ при Президенте РК, PhD, Астана, Казахстан; e-mail: kurmashev_a@kisi.kz, ORCID:0000-0002-5953-6403.

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный анализ оценок Центральной Азии основными мировыми игроками и региональными экспертами. Опираясь на четырнадцать аналитических докладов,

опубликованных в 2025 году ведущими аналитическими центрами США, Европейского союза, Китая, Индии и Великобритании, а также на два экспертных опроса, проведенных Казахстанским институтом стратегических исследований в 2023 и 2025 годах, исследование выявляет как сходства, так и расхождения в стратегических нарративах. Внешние оценки часто представляют Центральную Азию как логистический коридор, поставщика энергии и зону геополитической конкуренции, в то время как региональные эксперты подчеркивают внутренние уязвимости, такие как дефицит воды, хрупкость инфраструктуры и зависимость от ресурсов, как ключевые проблемы развития. В исследовании также рассматриваются аналитические материалы, представленные на центральноазиатских платформах, которые формулируют особую эпистемологическую перспективу суверенитета, диверсификации и регионального агентства. Объединяя внешние стратегические видения с региональными представлениями, в статье утверждается, что для детального понимания траектории развития Центральной Азии необходимо уделять внимание не только геополитическим интересам, но и тому, как регион осмысливает свое место в формирующемся мировом порядке.

Ключевые слова: *Центральная Азия, стратегические нарративы, экспертный опрос, региональное агентство, инфраструктура, зеленая энергетика, геополитическая конкуренция, региональные эпистемологии*

Introduction

Over the past two decades, Central Asia has undergone a quiet yet consequential transformation. No longer perceived as a passive geopolitical periphery shaped by the legacies of empire and the rivalries of global powers, the region is increasingly asserting itself as a nexus of strategic connectivity, resource wealth, and multilateral experimentation. The war in Ukraine, the U.S. withdrawal from Afghanistan, and mounting economic, energy, and transport-logistical challenges have redefined the role of Central Asia in global policy discourses. These developments have triggered a renewed wave of engagement from both traditional and emerging external actors.

This growing interest has produced a proliferation of policy documents and strategic assessments by think tanks across the US, the EU, China, India, UK. These external narratives often reflect geopolitical imperatives, development agendas, and normative aspirations that may or may not align with regional priorities. At the same time, voices from within Central Asia - scholars, policy practitioners, and strategic institutions - have offered increasingly mature and diverse evaluations of the region's risks, opportunities, and long-term trajectory.

This article seeks to bridge the analytical divide between external frames and internal perspectives. It does so by systematically comparing recent assessments from leading international think tanks published in 2025 with the findings of two rounds of expert surveys conducted in 2023 [1] and 2025 [2] by the KazISS. By juxtaposing global strategic visions with regionally grounded perceptions, the article aims to uncover both convergences and dissonances in how Central Asia's trajectory is understood.

The analysis proceeds in four stages. First, it examines the strategic outlooks on Central Asia articulated by major external actors, including the US, the EU and

selected European states, China, India, and the UK. Second, it turns to regional perspectives, drawing on original expert survey data to highlight evolving views on risks, cooperation, external partnerships, and institutional design. Third, the article identifies points of alignment and divergence between these global and local narratives. Fourth, it explores how regional think tanks and scholars articulate strategic discourses about Central Asia on their own terms. Finally, it reflects on what these insights imply for the future agency of Central Asian states in a multipolar world order.

By integrating external and internal assessments, this study contributes to a more nuanced understanding of the region's contested strategic identity - as both an object of geopolitical interest and a subject of regional initiative. It highlights the need to treat Central Asia not merely as a space of competition among great powers, but as an increasingly articulate actor in its own right, with distinct priorities and evolving capacities for regional cooperation and global engagement.

Methodology

This article combines qualitative and survey-based methods to compare how Central Asia is assessed by external strategic actors and regional experts. The study draws on two main types of sources: (1) recent policy papers and strategy reports published by leading international think tanks in 2025, and (2) original expert surveys conducted in 2023 and 2025 by the KazISS.

The analysis of external perspectives is based on 14 policy papers and reports produced in early 2025 by major think tanks from the US, EU member states, China, India, and the UK. These institutions were selected based on their recognized expertise in international affairs and their active engagement with Central Asian topics. The reports cover a range of thematic areas - including connectivity and infrastructure, energy security, critical raw materials, military balance, regional stability, and geopolitical competition - offering a comprehensive overview of how key global actors view the region's current trajectory and strategic relevance.

While the documents vary in format and institutional focus, they share a common temporal frame (Q1, Q2 2025) and are comparable in terms of analytical intent. Most of them were published in English, with the exception of one French-language report; all were reviewed in their original versions. The think tanks selected include the Caspian Policy Center (CPC), Atlantic Council (AC), Central Asia-Caucasus Institute (CACI) (United States); Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) (Germany); Institut français des relations internationales (IFRI), Institut de relations internationales et stratégiques (IRIS) (France); Clingendael (Netherlands); International Institute for Strategic Studies (IISS), Bloomsbury Intelligence and Security Institute (BISI), SOAS (United Kingdom); Shanghai Institutes for International Studies (SIIS) (China); and the Ananta Centre (AC) (India).

In addition to surveys, the article incorporates original research outputs and policy commentary produced by leading analytical institutions within Central Asia. These include the Institute for Advanced International Studies (IAIS) (Uzbekistan) and the Institute for War and Peace Reporting (IWPR). The selected materials - authored by experts from Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan - offer insight into how regional analysts assess geopolitical risks, environmental policy innovations, and the implications of global power competition from a local standpoint. This dimension, presented in the section Regional Epistemologies, expands

the empirical base of the study and enables a more grounded interpretation of strategic discourses generated within the region itself.

To assess perspectives from within the region, the article draws on the results of two structured surveys conducted by the KazISS via Google Forms. The first survey was held from January 20 to January 26, 2023, among 39 experts who participated in the high-level forum “Central Asia: Images of the Future.” The second survey took place between January 22 and February 17, 2025, and involved 66 experts from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. The expert pool included researchers, policy analysts, and civil society representatives with recognized expertise in regional affairs.

The surveys consisted of multiple-choice and open-ended questions covering six core domains:

- Perceived risks to regional development;
- Priority areas for intra-regional cooperation;
- Sectors with high growth potential;
- Preferred external economic partners;
- Assessment of institutional integration;
- Most likely trends for Central Asia by 2030.

Respondents were asked to select multiple items per question, allowing for a ranked overview of dominant concerns and expectations. Comparisons across the 2023 and 2025 datasets reveal changes in expert perceptions over time, offering insight into the evolving priorities of regional stakeholders.

Discussion and results

The article employs a thematic comparative framework. First, each group of external assessments is analyzed on its own terms, highlighting core narratives, strategic assumptions, and policy recommendations. Second, the internal perspective is reconstructed through expert survey data, emphasizing regional priorities, perceived threats, and institutional preferences. Finally, the article cross-references the two dimensions to identify key areas of convergence (e.g., shared concerns over infrastructure and water management) and divergence (e.g., differing views on digitalization, green transition, and the role of external actors).

By aligning discourse analysis with empirical survey data, the article seeks to provide a more integrated understanding of how Central Asia’s future is framed, imagined, and acted upon - both from within and without.

The US: Competing for Relevance Through Connectivity, Resources, and Stability. Recent U.S. strategic assessments reflect a shift from peripheral attention toward more proactive engagement in Central Asia, shaped by the U.S. withdrawal from Afghanistan, the Russia–Ukraine war, and intensifying U.S.–China rivalry. Across three major 2025 policy papers, Central Asia is framed as a geostrategic corridor, a resource hub, and a fragile frontier requiring sustained diplomatic attention.

Infrastructure Diplomacy and Strategic Reorientation. A key narrative across U.S. analyses is the reconfiguration of Central Asia’s connectivity landscape. The CPC promotes the “Trans-Caspian trajectory” as the backbone of a new American regional approach, in which the Middle Corridor becomes a geopolitical alternative to Russian and Chinese-controlled routes. This includes developing infrastructure links between Kazakhstan, the Caspian Sea, and the South Caucasus, with the ul-

timate aim of linking Central Asia directly to European markets [3]. Significantly, the report proposes expanding the C5+1 diplomatic platform to include Armenia, Azerbaijan, and Georgia - thereby integrating Central Asia and the Caucasus into a broader regional framework under U.S. strategic influence.

Meanwhile, the AC highlights legislative and economic mechanisms to unlock trade and investment potential, especially the repeal of the Jackson-Vanik amendment, which hampers normalized trade relations with Kazakhstan and Uzbekistan. The authors argue that this legal reform could serve as a gateway to deeper economic engagement [4]. Both Kazakhstan and Uzbekistan are positioned as gateway states: Kazakhstan due to its mineral wealth and logistical potential via the Middle Corridor, and Uzbekistan for its ambitions to become a regional IT hub and its openness to WTO accession.

Critical Minerals and Economic Security. A consistent emphasis on rare earth elements and energy security underscores the American pivot toward geoeconomic competition. With China controlling over 85% of global rare earth processing, U.S. policy documents advocate strategic partnerships with Kazakhstan and Uzbekistan to diversify access to these essential materials. Kazakhstan is described as a particularly promising partner due to its critical mineral reserves and willingness to engage in multi-vector foreign policy. Uzbekistan's reform-oriented agenda and pursuit of a digital economy make it another anchor state in Washington's regional calculus.

Additionally, U.S. think tanks suggest targeted infrastructure investments to compete with China's Belt and Road Initiative. In particular, Washington is encouraged to support the development of a trans-Caspian gas pipeline from Turkmenistan to Azerbaijan, providing a non-Russian route for Turkmen gas exports to Europe. This reflects the growing U.S. interest in using energy corridors to reshape Eurasian strategic alignments.

Stability, Governance, and Security Risks. In contrast to the forward-leaning tone of the CPC and AC, the CACI presents a cautionary assessment of regional volatility. Drawing on the post-2022 landscape, the report identifies multiple conflict flashpoints - from elite fragmentation in Kazakhstan to center-periphery tensions in Tajikistan and Uzbekistan, and inter-state border disputes between Kyrgyzstan and Tajikistan [5]. These trends are interpreted as symptoms of deeper structural weaknesses: weak institutions, hybrid political economies, and overdependence on external actors, especially Russia.

However, the report also notes resilience factors, particularly in Kazakhstan and Uzbekistan, which are seen as outliers progressing toward modern governance and economic diversification. The revival of regional formats and increasing institutional cooperation are acknowledged as significant counterweights to internal and external instability. Overall, the analysis paints a dual picture: Central Asia's future hinges on continued reform and the consolidation of regional solidarity, while its vulnerabilities remain potent in the absence of deeper governance transformation.

Strategic Implications and Policy Recommendations. All three reports call for a more institutionalized and multidimensional U.S. strategy in Central Asia. Key proposals include appointing a special U.S. envoy for Central Asia and the Caucasus, shifting regional oversight from CENTCOM to EUCOM to align the region with the European security framework, and increasing investments in infrastructure, energy, and education. Crucially, U.S. policy is advised to pair strategic

ambition with respect for regional agency, acknowledging that states such as Kazakhstan will maintain ties with Russia and China while still seeking diversified partnerships.

Collectively, these assessments signal a broader shift: Central Asia is no longer treated as a peripheral buffer but as a competitive arena shaped by connectivity, resource flows, and geopolitical rivalry.

The EU: Strategic Intentions, Institutional Inertia, and the Quest for Relevance in Central Asia. European engagement with Central Asia is marked by a growing recognition of the region's strategic relevance - both as a source of critical materials and as a pivotal node in the global energy transition. However, as recent 2025 reports from leading European think tanks show, this awareness is often tempered by institutional caution, fragmented efforts, and competition from more agile external actors. German, French, and Dutch perspectives reflect a common tension between Europe's normative aspirations and its practical limitations in Central Asia's contested geopolitical environment.

Competing for Green Energy Influence. The Gulf–China–Central Asia Triangle. A central theme in Germany's recent strategic thinking is the geopolitical implications of Central Asia's renewable energy transformation. According to a January 2025 report from the SWP, the green energy sector in Kazakhstan and Uzbekistan is increasingly shaped by a growing alliance between China and the Gulf States. Chinese firms provide infrastructure and capital, while Gulf actors such as ACWA Power contribute financing and technological expertise - often in hybrid ventures that blur geopolitical lines [6].

The report emphasizes that while Central Asian states aim to reduce dependence on both Russia and China, their financial and technological gaps make them vulnerable to external conditionalities. Kazakhstan and Uzbekistan, for instance, have set ambitious renewable energy targets - 35% and 40% respectively - but their implementation depends heavily on foreign investment. The EU's visibility in this sector remains limited, and without a significant policy shift, Europe risks losing ground in shaping the region's green transition.

Critical Raw Materials. Structural Barriers to Strategic Convergence. The FES's May 2025 report underlines the strategic potential - and chronic underperformance - of EU–Central Asia cooperation on critical materials. While the EU's Global Gateway initiative and its strategic communications stress the importance of Central Asia for Europe's clean energy supply chains, actual engagement has been slow, risk-averse, and procedurally burdened [7].

Local stakeholders perceive European actors as reliable but inflexible, hampered by bureaucracy, visa barriers, and weak mobility frameworks for scientists and entrepreneurs. Meanwhile, China's more transactional and centralized approach allows it to dominate both extraction and processing activities. The report suggests a paradigm shift is required: from waiting for regional conditions to mature, to actively co-shaping institutional frameworks and technological ecosystems in partnership with Central Asian states.

The Caspian as an Energy Hub. Strategic Potential, Logistical Constraints. France's approach, as reflected in a 2025 report by IFRI, focuses on the Caspian Sea as a potential energy corridor for Europe. Following the EU's decoupling from Russian energy, Kazakhstan, Azerbaijan, and Turkmenistan have become increasingly central to the European diversification agenda. However, geopolitical rival-

ries - especially with Russia and Iran - combined with infrastructural bottlenecks hinder the realization of a secure trans-Caspian supply chain [8].

Notably, the report underscores Kazakhstan's role as a linchpin in both fossil fuel and renewable energy strategies. The country's partnership with German firms to develop a hydrogen hub exemplifies emerging energy synergies. Still, high transport costs, environmental concerns, and the classification of uranium as a hazardous good complicate effort to redirect supply chains away from Russia. Without more robust logistical and political coordination, the Caspian energy corridor remains a vulnerable conduit rather than a stable hub.

Nuclear Energy and Geopolitical Balancing. Another facet of European strategic interest, highlighted in a May 2025 IRIS report, is the region's role in the global nuclear energy renaissance. Kazakhstan and Uzbekistan are not merely uranium exporters; they are attempting to move up the value chain, establishing themselves as strategic partners in civil nuclear development. France plays a key role through partnerships with Kazatomprom and Navoiyuran, while Germany has invested heavily in lithium extraction as part of its broader resource diversification efforts [9].

Yet infrastructure gaps, logistical hurdles, and dependency on Russian processing facilities constrain regional autonomy. Moreover, geopolitical decisions - such as Kazakhstan's upcoming selection of a nuclear reactor provider - are increasingly seen as indicators of broader strategic alignment. The EU's involvement in supporting regional nuclear cooperation platforms, joint safety standards, and fuel cycle governance could be a decisive factor in shaping this alignment.

Normative Commitments and Institutional Gaps. Beyond sectoral policies, a broader critique of EU engagement is offered in the Clingendael Institute's 2025 report. It acknowledges recent improvements in regional governance and security but warns that the EU's long-term presence is undermined by institutional asymmetries and diplomatic underrepresentation. Most EU member states maintain embassies only in Kazakhstan, with limited outreach to other republics [10].

The report recommends convening a long-overdue EU–Central Asia summit, expanding bilateral and regional education exchanges, and aligning member-state initiatives under a unified EU framework. It highlights green hydrogen, tourism, and rule-of-law cooperation as sectors where the EU maintains clear comparative advantages.

It further calls for strengthening intra-regional academic mobility and supporting education initiatives within Central Asia, arguing that investment not only in elite partnerships but also in vocational and secondary education would enhance the EU's normative influence across generations and institutions.

The UK: Security Recalibration, Economic Disruptions, and Strategic Observations. British analytical perspectives on Central Asia, as reflected in recent 2025 reports by the IISS, the BISI, and the SOAS, underscore the region's evolving strategic environment. While not presenting a unified policy agenda, these reports offer a composite view of Central Asia as a space of recalibrated security dependencies, contested economic alignments, and deepening Chinese influence - all observed from a British vantage point that blends geopolitical analysis with institutional detachment.

Post-Ukraine Strategic Drift. The IISS Military Balance 2025 offers a sobering assessment of Russia's declining capacity to project power in Central Asia. Protracted warfare in Ukraine and the effects of Western sanctions have dimin-

ished Moscow's material and symbolic authority across the former Soviet periphery. As a result, Central Asian states are reconfiguring their security partnerships, increasingly engaging with Turkey and Azerbaijan, while simultaneously broadening technological cooperation with European states [11].

Though formal military links with Russia persist - such as Kazakhstan's continued procurement of Su-30SM fighter jets - there is a visible diversification of defense ties. For instance, the 2024 Birlestik military exercises, involving all five Central Asian republics plus Azerbaijan and notably excluding Russia and China, signal a growing regional inclination toward autonomous security formats. This marks a significant departure from CSTO-dominated paradigms and points to Central Asia's search for post-Russian strategic pluralism.

U.S. Tariffs and the Symbolic Geopolitics of Economic Trust. The April 2025 BISI report shifts attention to trade policy, analyzing the impact of newly imposed U.S. tariffs on Central Asian states. The imposition of 27% tariffs on Kazakh imports - substantially higher than the 10% levied on other regional economies - has had limited economic impact due to the nature of Kazakhstan's U.S.-bound exports (primarily oil, uranium, and ferroalloys). However, the symbolic consequences are significant [12].

The report argues that such trade measures - irrespective of their practical effects - undermine trust in U.S. reliability as an economic partner. In a region that already leans toward multi-vector diplomacy, the perceived volatility of American policy may inadvertently strengthen China's appeal as a stable, albeit more transactional, alternative. The EU, meanwhile, is presented as a potential beneficiary of this disillusionment - especially if it can offer predictability in critical raw materials partnerships under frameworks like Global Gateway.

More broadly, BISI identifies a feedback loop: external uncertainty stimulates internal regionalism. The report cites the growing institutionalization of Central Asian cooperation - such as the Kyrgyz-Tajik-Uzbek border infrastructure agreements - as evidence that intra-regional connectivity is being accelerated not only by internal logic but also by disillusionment with external actors.

China's Strategic Reengineering of Central Asia's Energy Landscape. Complementing the geopolitical and economic focus of the IISS and BISI reports, the SOAS China Institute provides a sectoral deep dive into energy, highlighting China's expansive role in reshaping Central Asia's energy future - particularly in Uzbekistan. The study reveals how Chinese companies now constitute 20% of all foreign enterprises in the country and are central to gas infrastructure projects that redirect energy flows eastward, further marginalizing Russia's historic role as a transit hub [13].

The report details how Chinese investment is not only altering physical infrastructure, but also recalibrating elite preferences. Uzbekistan's leadership now views Chinese partnerships as more predictable and less politicized than Russian alternatives - exemplified by past pricing disputes with LUKOIL. However, the authors warn of trade-offs: while Chinese-backed pipelines increase export revenues, they also risk exacerbating domestic energy shortages, particularly during winter, with significant social consequences.

Simultaneously, China is expanding its footprint in Uzbekistan's green energy sector, financing solar and wind projects that offer both environmental and strategic benefits. Yet the socio-economic impact of these projects remains limited. The

report cautions that without accompanying industrial policy or employment strategies, green energy cooperation risks becoming an elite-driven vector of dependence, rather than a lever of sustainable development.

Strategic Takeaways and British Implications. The British analytical perspective highlights three main trends. First, regional security is gradually decoupling from Russian strategic patronage, with consequences for NATO and EU defense planning across Eurasia. Second, Western economic credibility depends not only on investment volumes but also on policy consistency-gaps in predictability create openings for China. Third, Central Asia's energy transition represents both geopolitical realignment and a domestic social challenge that could deepen inequalities if poorly managed.

China and India: Strategic Convergence and Competitive Caution in Central Asia. The 2025 reports by the SIIS and the AC offer complementary yet contrasting insights into how Asia's two most prominent powers, China and India, conceptualize and act upon their interests in Central Asia [14]. While China is portrayed as a deeply embedded strategic actor seeking long-term institutional integration, India positions itself as a cautious and normative alternative - aspiring to relevance but limited by structural constraints.

China: From Security Stabilizer to Regional Architect. The SIIS report presents China's current posture in Central Asia as a maturing phase of what it terms "peripheral security management". According to this view, the region has witnessed growing political predictability since 2023, underpinned by domestic reforms in Kazakhstan and Uzbekistan, progress in border demarcation between Kyrgyzstan and Tajikistan, and declining popular unrest post-COVID. From Beijing's perspective, such trends reduce the likelihood of violent state failure and improve the operational environment for Chinese infrastructure, trade, and investment.

China's approach is framed as defensive but increasingly assertive. While early engagement focused on stabilizing Xinjiang's periphery and avoiding the spillover of terrorism, the report acknowledges a shift toward regional institution-building and strategic agenda-setting. Initiatives like the Belt and Road have not only deepened China's economic footprint but also created friction points: public backlash in Kazakhstan and Kyrgyzstan over land use, labor practices, and opaque deals reveal a growing "social fatigue" with Chinese expansionism - even as elites continue to view China as a vital partner.

Key vulnerabilities are identified in two domains: Afghanistan and transboundary water disputes. The instability emanating from Afghanistan, especially the potential infiltration of extremist fighters with battlefield experience, remains China's principal regional security concern. Water scarcity, worsened by climate change and unresolved upstream-downstream tensions, is seen as a latent conflict trigger that could destabilize China's western periphery if unmediated.

Yet the report also points to a paradox: while China gains influence as Russia declines and Western actors hesitate, it faces diminishing marginal returns. Increasing strategic rivalry in the region - with the U.S., EU, Turkey, and Gulf States expanding their presence - requires China to balance assertiveness with restraint. Infrastructure investments that once seemed purely economic now operate within a contested geopolitical matrix, demanding adaptive governance and softer diplomacy.

India: The Distant Balancer with Normative Appeal. India's analytical narrative, as presented by the AC, positions New Delhi as a latecomer in Central Asia

with distinct strategic appeal - but persistent limitations. India is portrayed as a “non-threatening partner” that offers an alternative to Chinese and Russian dominance by avoiding coercive diplomacy or extractive investment models. This normative advantage is reinforced by the absence of territorial disputes and India’s rhetorical commitment to sovereign development and connectivity [15].

India’s Central Asia policy is historically shaped by two vectors: the desire to counter China’s westward expansion and to mitigate the strategic effects of Pakistan’s influence in Afghanistan. However, the lack of direct land connectivity, delayed infrastructure projects like Chabahar Port, and limited institutional presence have curtailed India’s ability to project power or deepen trade.

The report frames China’s dominance as structural but fragile. It traces how Beijing’s shift from bilateral security cooperation to direct regional leadership - symbolized by the 2023 Xi’an “C+C5” summit and \$3.7 billion in new aid commitments - has altered regional dynamics. While effective in the short term, China’s strategy also creates political liabilities: from growing dependency risks for Central Asian states to rising anti-China sentiments that democratic actors like India can potentially leverage.

In contrast, India’s influence in the security domain remains minimal, though it has cautiously expanded soft power initiatives - academic exchanges, IT partnerships, and cultural diplomacy. Without major economic leverage or military presence, New Delhi remains an observer of geopolitical realignments rather than a central actor. Still, its image as a democratic and pluralistic state, together with its rising global stature through the G20 and BRICS, allows India to claim moral capital in regional diplomacy.

Strategic Convergence and Divergence. China and India offer contrasting models for Central Asia’s external engagement. China aims to set rules, expand corridors, and institutionalize its regional leadership, relying on large-scale infrastructure, energy projects, and material leverage. India emphasizes multipolarity and strategic autonomy-an approach that resonates with regional preferences but is constrained by limited connectivity and resources.

These differences imply a dual trajectory: China will remain the dominant actor in the short and medium term, while India’s strategic relevance may grow only gradually, as Central Asian states continue seeking a more balanced and diversified external alignment.

Regional expert assessments. In addition to external strategic visions, perspectives from within Central Asia shed light on the region’s evolving self-perceptions. Two expert surveys conducted by KazISS - from 20 to 26 January 2023 (39 respondents) and from 20 January to 17 February 2025 (66 respondents) - provide a comparative overview of key findings, capturing shifts in perceived risks, cooperation priorities, preferred external partners, and long-term regional expectations.

Heightened Concern over Resource Vulnerabilities. Between 2023 and 2025, the most pronounced shift in expert opinion concerns the growing importance of material and environmental risks. The share of respondents citing “resource deficit” as a key threat to regional development increased from 64.1% to 74.2%, reflecting the rising salience of water scarcity, energy insecurity, and climate-induced stress. Concerns over “dependency on raw materials and energy exports” also rose from 38.5% to 45.5%, signaling deeper awareness of structural economic constraints.

Meanwhile, the perceived threat of “external actors growing influence” declined

(53.8% to 45.5%), suggesting either greater acceptance of multi-vector engagement or increasing confidence in regional autonomy. Notably, risks tied to “low human capital quality” (56.4% to 34.8%) and “socioeconomic conditions” (51.3% to 42.4%) saw a substantial decrease, perhaps due to modest improvements in governance and education, especially in Kazakhstan and Uzbekistan.

Enduring Foundations of Regional Cooperation. Core areas of cooperation have remained stable. Nearly identical majorities in 2023 and 2025 (79.5% and 81.8%) prioritized coordination in water and energy management, underscoring the issue’s centrality to both security and development. Similarly, regional connectivity through transport corridors retained top priority (79.5% in 2023 and 71.2% in 2025), affirming the long-term relevance of infrastructure diplomacy.

At the same time, support grew for “joint industrial production” (33.3% to 45.5%) and “scientific-educational programs” (38.5% to 43.9%). This points to a strategic pivot from raw material dependency toward added value production and knowledge-based cooperation. Interest in tourism, agriculture, and human development declined slightly, possibly due to shifting expectations amid growing geopolitical uncertainty.

Preferred Growth Sectors: Infrastructure Over Innovation? When asked about future growth sectors, regional experts reaffirmed infrastructure as the leading engine of development, with support increasing from 69.2% to 74.2%. This emphasis aligns with broader global trends portraying Central Asia as a future transit hub. Yet, confidence in technological sectors appeared to wane: support for “digital finance” dropped sharply (46.2% to 25.8%), and for “green technologies” (61.5% to 43.9%). These shifts may reflect the gap between strategic rhetoric and operational capacity in the digital and green domains.

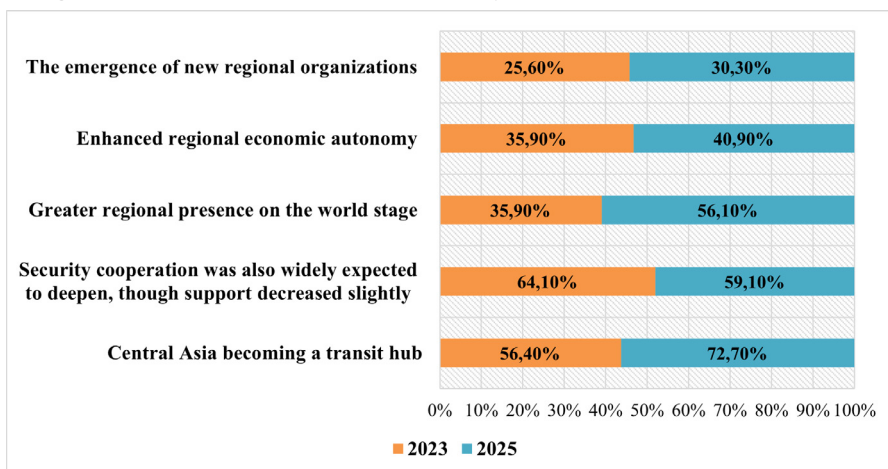
Shifting Geo-economic Preferences: China's Ascent, Turkey's Retreat. Between 2023 and 2025, regional perceptions of external partners shifted meaningfully. China strengthened its lead as the most important partner (84.6% to 92.4%), followed by notable gains for Russia (66.7% to 75.8%) and the EU (64.1% to 72.7%). The US also gained slightly (46.2% to 51.5%), despite simultaneous concerns over policy inconsistency.

In contrast, Turkey’s ranking fell sharply (71.8% to 48.5%), potentially indicating a recalibration of expectations around Ankara’s regional role. India’s rating declined even more steeply (41.0% to 24.2%), suggesting that normative appeal alone has not translated into strategic trust or economic presence.

Institutional Preferences: From Grand Designs to Sectoral Pragmatism. Assessments of regional institutionalization also evolved. In 2023, a slim majority (51.3%) advocated for the creation of a formal Central Asian organization. By 2025, support for this idea had dropped to 36.4%, while the share favoring sectoral institutionalization increased from 35.9% to 53.0%. This shift indicates a growing preference for flexible, functional cooperation mechanisms rather than comprehensive bureaucratic structures. Existing institutions were not widely seen as sufficient (only 7.6% in 2025 viewed them as adequate), nor were they seen as duplicative (1.5%).

Long-Term Outlook: Strategic Optimism with Structural Caution. When asked to project regional trends to 2030, experts expressed moderate optimism. The most widely expected developments were as following:

Figure 1. Please indicate the 5 most likely trends in Central Asia in 2030?

On the risk side, the intensification of competition for water emerged as a growing concern (41.0% to 54.5%), reflecting anxieties over environmental stress and resource-sharing. In contrast, expectations of political conflict within the region fell substantially (41.0% to 18.2%), perhaps indicating greater confidence in diplomatic maturity and crisis prevention mechanisms.

Overall, the 2025 survey suggests a region that is more confident, more pragmatic, and more committed to pursuing autonomous development through selective cooperation - yet still constrained by structural dependencies, regional asymmetries, and external volatility.

Convergences and Dissonances: Global Narratives vs. Regional Priorities.

The juxtaposition of global policy frames and internal expert assessments reveals both strategic alignments and critical mismatches. While certain thematic areas—such as infrastructure, resource governance, and connectivity—command broad consensus, others exhibit notable divergences. These gaps reflect differences in institutional priorities, risk perceptions, and geopolitical positioning between external actors and regional stakeholders.

Shared Priorities: Connectivity, Water-Energy Nexus, and Geo-economic Relevance. A strong area of convergence lies in the emphasis on connectivity and infrastructure development. Both external think tanks and regional experts identify transport corridors—particularly the Middle Corridor and trans-Caspian routes—as foundational to Central Asia’s regional integration and economic diversification. For example, U.S. policy reports highlight Kazakhstan’s role as a logistics hub linking Asia to Europe, while 74.2% of regional experts in 2025 cite infrastructure as the leading growth sector.

Similarly, water and energy cooperation appears as a shared concern. German and French think tanks (SWP, IFRI) stress the region’s green energy potential and its importance to global energy transitions, while over 80% of Central Asian experts identify water-energy coordination as the top priority for regional cooperation in both 2023 and 2025. Climate-related risks and transboundary resource governance are thus recognized across scales.

Finally, there is broad agreement on the region’s growing geo-economic signifi-

cance. External actors—especially from the EU, China, and the U.S.—increasingly see Central Asia as a strategic node in global supply chains, particularly for critical minerals and energy. This corresponds to expert views within the region, where China (92.4%), the EU (72.7%), and Russia (75.8%) are ranked among the most important partners, underscoring the region’s entanglement in multipolar competition for economic access.

Divergent Threat Perceptions: From Human Capital to Strategic Rivalry. Despite these areas of alignment, notable discrepancies emerge in threat perception and sectoral focus. Western reports—particularly from the U.S. and U.K.—tend to emphasize external threats such as Russian destabilization or Chinese economic dominance. In contrast, regional experts are increasingly concerned with resource-related and structural vulnerabilities. Between 2023 and 2025, “resource deficit” rose from 64.1% to 74.2% as the top perceived risk, whereas fears of “external influence” declined (53.8% to 45.5%).

This suggests a regional recalibration: rather than viewing global rivalry as the primary destabilizer, Central Asian experts focus on internal and environmental pressures, including the intensifying water crisis and infrastructure fragility. Likewise, while Western actors prioritize democratization, human rights, and digital finance as key leverage points, regional experts appear more cautious—support for digital finance as a growth sector fell sharply (46.2% to 25.8%) between 2023 and 2025, and the importance of human capital declined in the risk matrix.

Green Ambitions vs. Technological Pragmatism. Another divergence lies in the green transition narrative. EU strategies (e.g., SWP, FES, Clingendael) frame Central Asia as a vital partner in Europe’s decarbonization agenda, especially for green hydrogen and renewables. Yet enthusiasm for green technologies among regional experts declined from 61.5% in 2023 to 43.9% in 2025. While this may reflect concerns over feasibility, cost, and domestic capacity, it also highlights a mismatch between European normative agendas and regional absorptive realities.

Similarly, external advocacy for digitalization—especially in U.S. and Indian discourses—is not fully mirrored within the region. Interest in digital finance and information technologies has stagnated or declined in the expert surveys, suggesting either implementation fatigue or skepticism regarding short-term developmental gains from tech-oriented initiatives.

Strategic Preferences and Realignments. In terms of partnerships, the surveys show that China, Russia, and the EU are consolidating their positions, while India and Turkey are losing ground. This does not necessarily contradict external assessments but complicates them. While Indian analysis projects strategic ambition, regional experts downgraded India’s relevance by nearly half from 2023 to 2025 (41.0% to 24.2%). Turkey’s drop (71.8% to 48.5%) similarly challenges Ankara’s aspirations for Turkic leadership via the Organization of Turkic States.

Moreover, the symbolic gap between American strategic rhetoric and its economic unpredictability, as emphasized in BISI’s 2025 report on U.S. tariffs, finds resonance in regional skepticism. While U.S. favorability rose modestly (46.2% to 51.5%), it still lags behind other actors—a result reflecting reputational volatility more than hard economic impact.

Institutional Futures: Functionalism over Formalism. Finally, in the domain of institutional design, internal assessments show a shift from structural ambition to functional pragmatism. Whereas in 2023 a majority of experts called for a new re-

gional organization, by 2025 most favored sector-specific institutionalization. This matches external observations (e.g., Clingendael, IRIS) that highlight the need for flexible, adaptive mechanisms of coordination-rather than formalistic architectures modeled on EU or CIS-style integration.

This regional pragmatism may also explain why many global actors now propose modular, issue-based cooperation formats (e.g., “C5+1” platforms, green energy task forces, transport corridors), which align more closely with the region’s institutional preferences.

Regional Epistemologies: How Central Asian Experts Theorize Their Own Geopolitical Landscape. In contrast to foreign think tanks that often interpret Central Asia through frameworks rooted in great-power rivalry, regional analysts - publishing through platforms such as CABAR.asia, the IWPR, and Uzbekistan’s IAIS - increasingly articulate indigenous epistemologies that foreground asymmetrical dependencies, internal fragilities, and opportunities for recalibration in a volatile global order.

The Ukrainian Crisis and the Geopolitical Reordering of Central Asia. Analyst from Tajikistan writing for CABAR.asia, argues that the erosion of Russia’s geopolitical primacy following the war in Ukraine has generated not emancipation but “geopolitical indeterminacy” - an environment marked by fragmented partnerships and incoherent strategic offers from external actors including China, the EU, the U.S., and Türkiye. He stresses that current multilateral formats such as C5+1 and the China–Central Asia summits remain externally driven and ultimately reproduce asymmetrical dependencies. Azizi calls for internally rooted security architecture, cautioning that diversification without coordination risks entrenching vulnerability under new forms of influence [16].

Radicalization Risks: Foreign Fighters and Repatriation Gaps. A 2025 IWPR article analyzes the threat posed by approximately 300–500 Central Asian fighters still embedded with Hayat Tahrir al-Sham (HTS) in Syria [17]. The report notes that while Kazakhstan’s Zhusan and Uzbekistan’s Mehr repatriation programs represent positive models, most regional states lack systematic approaches to reintegration or deradicalization. Experts stress that absent social reintegration policies, exclusion may revive dormant networks.

Debt-for-Nature Swaps and Fiscal Green Sovereignty. A Kyrgyz expert contributing to CABAR.asia discusses the region’s potential use of debt-for-nature swaps as tools of “fiscal green sovereignty” [18]. While acknowledging structural limitations - including institutional fragility and poor donor coordination - the article argues that such mechanisms could reconcile debt relief with environmental priorities, offering an alternative to extractive growth strategies.

China’s Reform Agenda and Strategic Spillovers. In a policy brief from the IAIS in Uzbekistan, Uzbek expert links the outcomes of the Chinese Communist Party’s Third Plenum to a recalibration in Beijing’s regional engagement. He observes a shift from symbolic mega-projects to economically sustainable initiatives focused on logistics, renewable energy, and agribusiness. However, Bobokhonov also warns that unless Central Asian states cultivate balancing mechanisms - through partnerships with the EU, Gulf states, or India - they risk being structurally absorbed into China’s long-term development blueprint [19].

Conclusion

The comparative analysis of external strategic discourses and internal expert perspectives on Central Asia reveals a region that is simultaneously shaped by and actively shaping its geopolitical environment. International actors increasingly regard Central Asia not merely as a peripheral zone, but as a critical transit corridor, a supplier of strategic resources, and a potential partner in energy and climate transitions. U.S. documents emphasize connectivity, energy independence, and governance reform; European assessments stress critical raw materials and green diplomacy; while China and India project competing development models grounded in infrastructure, institutional engagement, and normative appeal.

Yet the juxtaposition with regional assessments exposes key dissonances. Central Asian experts place greater weight on structural vulnerabilities—particularly water stress, energy insecurity, and economic overdependence—than on external geopolitical rivalry. Moreover, their preferences suggest a move away from comprehensive institutional designs toward sector-specific, functional cooperation. Survey results indicate growing confidence in regional agency, yet this confidence remains constrained by uneven capacity, fragmented institutionalization, and asymmetric partnerships.

Importantly, the regional epistemologies emerging from platforms such as CABAR.asia and IAIS highlight a distinct intellectual trajectory—one that problematizes dependency, advocates recalibration, and situates Central Asia as a space of both contestation and innovation. These voices underline that the region's future cannot be fully understood through external frameworks alone. Rather, it must be analyzed as an evolving actor with its own strategies, constraints, and visions of regional order.

Taken together, this study underscores the importance of integrating external analyses with endogenous perspectives. For policymakers, scholars, and multilateral actors, the message is clear: engaging Central Asia effectively requires not only strategic ambition but contextual sensitivity. A sustainable regional architecture must align with the region's internal priorities, developmental asymmetries, and emerging epistemologies—treating Central Asia not as a passive object of strategy, but as a complex and capable subject of global and regional transformation.

References:

1. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS). Expert Survey: "Central Asia: Images of the Future". Astana, January 2023.
2. Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS). Expert Survey on Regional Development and Cooperation in Central Asia. Astana, February 2025.
3. Rudenshiold E. The Trans-Caspian Pivot: Infrastructure, Security, and U.S. Regional Priorities. – Washington, DC: Caspian Policy Center, 2025.
4. D'Anieri P., Spencer E. Rebalancing American Strategy in Central Asia: Economic Leverage and Strategic Diplomacy. – Washington, DC: Atlantic Council, 2025.
5. Cornell S. E. The Fragile Frontier: Stability Risks and Strategic Uncertainty in Central Asia. – Washington, DC: Central Asia–Caucasus Institute, 2025.
6. Ansari S. et al. Central Asia's Renewable Energy Frontiers: Gulf–China

- Convergence and European Dilemmas // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). – Berlin, 2025.
7. Vakulchuk R. Critical Materials and Strategic Dependency: Rethinking EU–Central Asia Cooperation // Friedrich-Ebert-Stiftung (FES). – Berlin, 2025.
  8. Sukhankin S. The Caspian Energy Corridor: France's Role and Strategic Challenges // Institut français des relations internationales (IFRI). – Paris, 2025.
  9. Cohen A. et al. Nuclear Energy and Strategic Autonomy in Central Asia // Institut de relations internationales et stratégiques (IRIS). – Paris, 2025.
  10. Drost D. et al. Rethinking European Presence in Central Asia: Norms, Interests, and Institutional Gaps // Clingendael Institute. – The Hague, 2025.
  11. Hackett J. (Ed.). The Military Balance 2025. – London: International Institute for Strategic Studies, 2025.
  12. Gruzer M. Tariff Geopolitics and Central Asia's Balancing Dilemmas // Bloomsbury Intelligence and Security Institute Policy Paper. – April 2025.
  13. Lombardoizzi L. China's Energy Footprint in Uzbekistan: Gas, Green, and Governance // SOAS China Institute Working Paper. – May 2025.
  14. Wu X. et al. Peripheral Security Management and Regional Integration // Shanghai Institutes for International Studies (SIIS). – January 2025.
  15. Sajjanhar A. India and Central Asia: Normative Engagement in a Competitive Landscape // Ananta Centre. – February 2025.
  16. Azizi R. The Geopolitics of the Ukraine Crisis and Its Impact on Central Asia: A View from Tajikistan // CABAR.asia. – 14 May 2025. – URL: <https://cabar.asia/ru/geopolitika-ukrainskogo-krizisa-i-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu-vzglyad-iz-tadzhikistana>
  17. Institute for War and Peace Reporting. Could Central Asian Insurgents in Syria Present a New Regional Threat? // IWPR. – 2 May 2025. – URL: <https://iwpr.net/global-voices/could-central-asian-insurgents-syria-present-new-regional-threat>
  18. CABAR.asia. Will Debt-for-Nature Swaps Become a Driver of Green Development in Central Asia? // CABAR.asia. – 28 April 2025. – URL: <https://cabar.asia/ru/stanut-li-obmeny-dolga-na-prirodu-drajverom-zelenogo-razvitiya-tsentralnoj-azii>
  19. Bobokhonov A. The Significance of the Third Plenary Session of the Chinese Communist Party for the Countries of Central Asia // Institute for Advanced International Studies. – 25 June 2025. – URL: <https://iais.uz/ru/outputnew/znachenie-tretego-plenuma-kommunisticheskoy-partii-kitaya-dlya-stranstvennoy-azii>

Материал поступил в редакцию 01.10.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

AMERICAN SOCIAL CYCLES AND GENERATIONAL ARCHETYPES: PROJECTING U.S.–CHINA RELATIONS UNDER A SECOND TRUMP PRESIDENCY (2025–2029)

Xiaotong Zhang¹,
Shi Chen²,
Nygmet Ibadildin³,
Yekaterina Petrikova^{4*}

¹ Professor, KIMEP University, Department of Political Science and International Relations, Almaty, Kazakhstan; e-mail: zhangxiaotong@kimep.kz

² Zhejiang Normal University, Law of school, Zhejiang, China; e-mail: chenshi@zjnu.edu.cn

³ Assistant Professor, KIMEP University, Department of Political Science and International Relations, Almaty, Kazakhstan; e-mail: ibadildin@icloud.com

^{4*} Lecturer at the Faculty of Philology and World Languages of Al-Farabi Kazakh National University, Master of Philology, Almaty, Kazakhstan; e-mail: katwriter85@gmail.com

---

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.008>

Abstract. This article examines how American social cycles and generational archetypes shape U.S. foreign-policy behavior toward China during Donald Trump’s second presidency (2025–2029). Drawing on Strauss–Howe generational cycle theory and Zhang & Chen’s dual-cycle framework, the study situates the 2025–2029 period within a late-stage Crisis turning characterized by Prophet-led leadership. Addressing a gap in international-relations scholarship, the article integrates sociocultural generational analysis into projections of U.S.–China relations, complementing structural approaches to great-power rivalry. Methodologically, the study operationalizes generational archetypes, turnings, and leadership succession patterns to assess strategic orientations under Trump’s anticipated second term, treating this presidency as a critical inflection point in American social and political cycles. The findings indicate that generational cohorts function as mediating variables between systemic pressures and elite decision-making. Boomer “Prophet” leadership intensifies crisis-driven confrontation, while emerging Generation X and Millennial cohorts introduce alternative preferences for pragmatic stabilization or managed competitive coexistence. Building on projections derived from the

2025–2029 period, the article outlines three post-presidency scenario pathways for U.S.–China relations — post-crisis stabilization, structured strategic co-opetition, and sustained ideological rivalry. The study contributes a generationally informed framework for projecting U.S.–China relations under a second Trump presidency and highlights how domestic social cycles influence the longer-term trajectory of American grand strategy.

Keywords: *Strauss–Howe generational theory; dual-cycle framework; leadership archetypes; generational turnings; American social cycles; Trump presidency; U.S.–China rivalry; foreign policy projection.*

АМЕРИКАЛЫҚ ӘЛЕУМЕТТІК ЦИКЛДЕР МЕН ҰРПАҚ АРХЕТИПТЕРІ: ТРАМПТЫҢ ЕКІНШІ ПРЕЗИДЕНТТІГІНДЕГІ (2025–2029) АҚШ–ҚЫТАЙ АРАСЫНДАҒЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТЫ БОЛЖАУ

Ксяотонг Жанг¹, Ши Чен², Нығмет Ибадильдин³, Екатерина Петрикова^{4*}

¹Профессор, КИМЭП Университеті, саясаттану және халықаралық қатынастар факультеті, Алматы, Қазақстан; e-mail: zhangxiaotong@kimer.kz

²Чжэцзян педагогикалық университеті, заң факультеті, Чжэцзян, Қытай; e-mail: chenshi@zjnu.edu.cn

³Доцент, КИМЭП Университеті, саясаттану және халықаралық қатынастар факультеті, Алматы, Қазақстан; e-mail: ibadildin@icloud.com

^{4*}ҚазҰУ филология және әлем тілдері факультетінің оқытушысы, әл-Фараби атындағы қазҰУ, филология ғылымдарының магистрі, Алматы, Қазақстан; e-mail: katwriter85@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада американдық әлеуметтік циклдер мен ұрпақтық архетиптердің Дональд Трамптың екінші президенттік мерзімі (2025–2029) кезеңінде АҚШ-тың Қытайға қатысты сыртқы саяси мінез-құлқына қалай әсер ететіні талданады. Страус–Хау ұрпақтық циклдер теориясы мен Чжан мен Чэньнің дуалдық циклдік моделіне сүйене отырып, зерттеу 2025–2029 жылдар аралығын «пайғамбар» буынының көшбасшылығымен сипатталатын дағдарыстық «айналымның» аяқталу кезеңі ретінде қарастырады. Халықаралық қатынастар теориясындағы олқылықты толтыра отырып, мақала социомәдени ұрпақтық талдауды АҚШ–Қытай қатынастарын болжауға енгізіп, ұлы державалар арасындағы бәсекелестікті зерттеудегі құрылымдық тәсілдерді толықтырады. Өдіснамалық тұрғыдан зерттеуде ұрпақтық архетиптер, циклдер және көшбасшылықтың ауысу үлгілері операциялдананады; Трамптың екінші президенттік мерзімі американдық әлеуметтік және саяси циклдердегі шешуші кезең ретінде қарастырылады. Нәтижелер ұрпақтық когорттардың жүйелік қысым мен элиталық шешім қабылдау арасындағы делдал айнымалы ретінде әрекет ететінін көрсетеді. Бумерлер буынының («пайғамбарлардың») көшбасшылығы дағдарыстық қақтығысты күшейтсе, X буыны мен миллениалдар прагматикалық тұрақтандыруға немесе басқарылатын бәсекелес қатар өмір сүруге бейімді балама ұстанымдарды ұсынады. 2025–2029 жылдар

кезеңіне негізделген болжамдарды жалғастыра отырып, мақала АҚШ–Қытай қатынастарының үш постпрезиденттік сценарийін айқындайды: дағдарыстан кейінгі тұрақтандыру, құрылымданған стратегиялық коопетиция және тұрақты идеологиялық бәсекелестік. Зерттеу Трамптың екінші президенттік мерзімі жағдайында АҚШ–Қытай қатынастарын болжауға арналған ұрпақтық негізделген аналитикалық үлгі ұсынып, ішкі әлеуметтік циклдердің американдық үлкен стратегияның ұзақ мерзімді траекториясына қалай ықпал ететінін көрсетеді.

***Түйін сөздер:** Страус–Хау ұрпақтық циклдер теориясы; дуалдық циклдік модель; көшбасшылық архетиптер; ұрпақтық айналымдар; американдық әлеуметтік циклдер; Трамптың президенттігі; АҚШ–Қытай бәсекелестігі; сыртқы саясатты болжау.*

АМЕРИКАНСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ США–КИТАЙ ПРИ ВТОРОМ ПРЕЗИДЕНТСТВЕ ТРАМПА (2025–2029)

Ксяотонг Жанг¹, Ши Чен², Ныгмет Ибадильдин³, Екатерина Петрикова^{4*}

¹ Профессор, университет КИМЭП, факультет политологии и международных отношений, Алматы, Казахстан; e-mail: zhangxiaotong@kimer.kz

² Чжэцзянский педагогический университет, юридический факультет, Чжэцзян, Китай; e-mail: chenshi@zjnu.edu.cn

³ Доцент, университет КИМЭП, факультет политологии и международных отношений, Алматы, Казахстан; e-mail: ibadildin@icloud.com

^{4*} Преподаватель КазНУ им. аль-Фараби, факультет филологии и мировых языков, магистр филологических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: katwriter85@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается, каким образом американские социальные циклы и поколенческие архетипы формируют внешнеполитическое поведение США в отношении Китая в период второго президентского срока Дональда Трампа (2025–2029). Опираясь на теорию поколенческих циклов Страуса–Хау и дуальную цикловую модель Чжана и Чэня, исследование помещает период 2025–2029 годов в рамки завершающей стадии кризисного «поворота», характеризуемого лидерством поколения «пророков». Устраняя пробел в исследованиях международных отношений, статья интегрирует социокультурный поколенческий анализ в прогнозирование отношений США–Китай, дополняя структурные подходы к соперничеству великих держав. С методологической точки зрения в работе операционализируются поколенческие архетипы, циклы и модели смены лидерства для оценки стратегических ориентаций в условиях ожидаемого второго президентского срока Трампа, рассматриваемого как критическая точка в американских социальных и политических циклах. Результаты показывают, что поколенческие когорты выступают посредническими переменными между системным давлением

и процессами принятия решений элитами. Лидерство поколения бумеров («пророков») усиливает кризисную конфронтацию, тогда как представители поколения X и миллениалов демонстрируют альтернативные установки, ориентированные на прагматическую стабилизацию или управляемое конкурентное сосуществование. Опираясь на проекции, сформированные на основе периода 2025–2029 годов, статья выделяет три постпрезидентских сценария развития отношений США–Китай: посткризисную стабилизацию, структурированную стратегическую коопетицию и устойчивое идеологическое соперничество. Вклад исследования заключается в разработке поколенчески обоснованной аналитической модели прогнозирования отношений США–Китай в условиях второго президентского срока Трампа, а также в демонстрации того, как внутренние социальные циклы влияют на долгосрочную траекторию американской большой стратегии.

Ключевые слова: теория поколенческих циклов *Страуса–Хау*; дуальная цикловая модель; лидерские архетипы; поколенческие повороты; американские социальные циклы; президентство Трампа; соперничество США–Китай; внешнеполитическое прогнозирование.

Introduction

The strategic relationship between the United States and China has become a central focus of contemporary international relations scholarship. A substantial body of research analyzes this rivalry through structural and systemic approaches, including power transition theory [1], the Thucydides Trap framework [2], and broader studies of strategic competition such as Friedberg [3], which conceptualize U.S.–China rivalry as a long-term structural contest shaped by shifts in power, ideology, and regional influence. These works emphasize material capabilities, geopolitical incentives, and international system dynamics as primary drivers of U.S.–China interactions.

Alongside these analyses, scholars have highlighted the role of cyclical political change and long-term patterns in shaping foreign policy. Studies of political-institutional cycles such as Doran [4] and examinations of recurring geopolitical realignments, including Mead [5], suggest that states may follow periodic shifts in strategic orientation grounded in domestic political rhythms. Yet, despite the analytical depth of these approaches, they seldom address how generational change influences foreign-policy preferences and leadership behavior.

In sociological research, generational analysis has been explored more fully. Foundational works on cohort theory provide methodological grounding for studying long-term social change, while contemporary analyses have expanded these ideas. Of particular relevance, Strauss–Howe generational cycle theory offers a conceptual framework linking generational “turnings” to recurring patterns in public expectations, political mobilization, and leadership styles. Although the theory has been critiqued for determinism and limited empirical verification — as highlighted in Van Twist & Newcombe [6] — it nevertheless provides a structured lens for analyzing intergenerational differences in elite behavior.

Recent scholarship has begun to explore how generational dynamics intersect with U.S. foreign policy. Notably, Zhang & Chen [7] develop a dual-cycle framework that integrates Strauss–Howe generational cycles with broader political-in-

stitutional shifts in American governance. Their model suggests that generational turnover may be linked to changes in strategic posture, leadership succession patterns, policy priorities, and the perceived role of the United States in global order-building. Building on these contributions, this article employs several key concepts in a specific way. “Generational archetypes” refer to the ideal-typical Strauss–Howe patterns (Prophet, Nomad, Hero, Artist) that shape characteristic leadership styles and strategic preferences [6]. “Generational turnings” denote the macro-societal phases (High, Awakening, Unraveling, Crisis) that structure political incentives and public expectations [6]. The term “Gray Champion” is used to describe an elder Prophet leader who emerges during a Crisis turning to define its direction [6]. “Strategic co-opetition” is understood here as a mode of U.S.–China interaction in which sustained geopolitical rivalry coexists with selective, institutionalized cooperation in areas of mutual benefit, consistent with proposals for “competition without catastrophe” [8]. “Scenario analysis” refers to a structured method for constructing multiple plausible long-term trajectories under uncertainty, drawing on established approaches in strategic planning [9; 10]. “Cohort theory” conceptualizes cohorts as analytically identifiable groups shaped by shared formative experiences, producing distinct behavioral patterns over time [11].

This article addresses the remaining gap in international-relations scholarship by examining how generational turnings and leadership archetypes shape U.S. foreign policy toward China from 2025 to 2040. The analysis considers both the immediate implications of Donald Trump’s second presidency (2025–2029) and the projected effects of subsequent transitions to Generation X and Millennial leadership during the 2030s. The scenario model begins with a baseline assumption of Donald Trump’s second presidency (2025–2029), which functions as the closing stage of the Prophet-led crisis within the Strauss–Howe cycle.

The purpose of this study is to assess how generational cycles influence U.S.–China relations during the 2025–2040 period and to develop scenario-based forecasts grounded in generational analysis. To achieve this objective, the article:

- (1) evaluates the applicability and limitations of generational cycle theory for international relations;
- (2) operationalizes generational archetypes as analytical variables for foreign-policy analysis;
- (3) examines the leadership orientations of U.S. presidential cohorts from 2016 through the 2030s;
- (4) constructs three long-term scenarios for U.S.–China relations based on generational dynamics and systemic strategic rivalry.

This generational approach offers an additional conceptual tool for understanding the domestic determinants of great-power competition and for evaluating how sociopolitical cycles may shape the future architecture of U.S.–China relations.

Methodology and Research Methods

This study employs a mixed methodological approach combining generational cycle theory, cohort analysis, and scenario-based strategic forecasting. The methodology integrates sociological, political, and international-relations frameworks to explain how generational turnover may influence U.S. foreign-policy behavior toward China from 2025 to 2040. The research design responds directly to the gaps identified in the Introduction, particularly the limited incorporation of generational dynamics into analyses of great-power rivalry.

Theoretical Framework

Traditional interpretations of U.S.–China rivalry rely primarily on structural theories of international relations. Power transition theory [1], the Thucydides Trap framework [2], and strategic competition analyses such as conceptualize great-power rivalry as a function of shifts in material capabilities, systemic pressures, and geopolitical incentives [3]. These approaches form the structural foundation against which this study introduces generational variables.

The primary analytical lens of the research is the Strauss–Howe generational cycle theory, which conceptualizes U.S. history as a recurring sequence of generational “turnings” shaped by sequential cohorts with distinct behavioral profiles. Although originally developed as a sociocultural theory rather than a political one, its structured model of archetypal cohorts offers analytical value for understanding leadership orientations and foreign-policy tendencies. To ensure methodological rigor, the study incorporates established critiques of the framework, particularly concerning determinism and limited empirical verification, as noted by Van Twist & Newcombe [6].

The theoretical foundation is strengthened through integration of classical cohort theory, particularly the work of Ryder [11], which defines cohorts as analytically identifiable groups shaped by shared historical experiences. Ryder’s conceptualization provides methodological justification for treating political generations as coherent units of analysis and supports the operationalization of generational variables in this study.

The research also draws upon the dual-cycle model developed by Chinese scholars Chen & Zhang [7], which links American generational succession to ideological and institutional cycles. Their approach suggests that generational turnover affects not only domestic political rhythms but also strategic orientations in U.S. foreign policy. This framework provides theoretical grounding for analyzing how generational dynamics intersect with great-power rivalry.

We recognize the limitations of such a grand theory and consider Strauss–Howe to be only a heuristic lens complementing structural IR theories (realism, constructivism), rather than a predictive model. We acknowledge that it has gained particular popularity in conservative circles (e.g., Bannon’s “Fourth Turning” rhetoric associated with Trumpism (Kaiser, 2016)), and that it can be used to justify crisis exploitation or authoritarian tendencies (“crisis demands strong leaders”). Liberal critics regard it as fatalistic and discouraging of progressive change. The theory is strongly deterministic, as it posits that history follows inevitable cycles, thereby downplaying individual agency, random events, or structural forces (such as globalization or climate change). It is also explicitly Anglo-American in its explanatory scope, rooted in Puritan history and U.S. exceptionalism. Strauss and Howe themselves note that its applicability beyond the United States is limited.

Empirical Foundation

In addition to theoretical foundations, the study incorporates empirical evidence on generational differences in American foreign-policy attitudes. Survey data from the Pew Research Center [13] demonstrate that younger cohorts — particularly Millennials and Generation Z — perceive China as a competitor but express significantly higher support for selective cooperation and multilateral engagement than older generations. These empirical patterns reinforce the analytical relevance of generational variables and justify their inclusion in scenario-based forecasting.

Operationalization of Key Concepts

To transform generational theory into an analytical tool appropriate for international relations, the study operationalizes three core concepts:

(a) Generational Archetypes

Each cohort (Prophet, Nomad, Hero, Artist) is defined according to its formative context, leadership style, and behavioral tendencies. These archetypal characteristics are treated as independent variables influencing foreign-policy preferences, including attitudes toward risk, multilateralism, crisis escalation, and institutional cooperation.

(b) Turnings

Turnings (e.g., Fourth Turning, First Turning) are operationalized as macro-political environments that shape elite incentives and public expectations. This approach corresponds to the logic of long-cycle theories such as Modelski [12], which interpret systemic geopolitical shifts through recurring temporal patterns.

(c) Leadership Generations

Presidential administrations and dominant political elites are categorized according to their generational cohort. Aligning leadership generation with turning-cycle context enables structured comparison of expected foreign-policy tendencies.

Research Design and Analytical Logic

The methodological structure consists of three sequential components:

Step 1: Generational Mapping (2016–2040)

Using cohort theory and Strauss–Howe turnings, the study maps the generational positions of U.S. leaders from 2016 through 2040. This mapping identifies expected transitions between Boomer, Generation X, and Millennial leadership and establishes the temporal basis for scenario analysis.

Step 2: Linking Generational Variables to Foreign-Policy Behavior

Drawing on psychological and political-behavioral literature—including Mead [5] and Doran [4] — the analysis identifies pathways through which generational differences shape strategic tendencies. These pathways include variations in ideological framing, crisis management approaches, risk tolerance, and preferences for unilateral versus multilateral engagement.

Step 3: Scenario-Based Forecasting

The study employs a structured scenario methodology inspired by Schoemaker [9] and Bradfield et al. [10], widely used in long-range strategic analysis. Variables used for constructing scenarios include:

- leadership generation;
- turning phase (e.g., Fourth Turning vs. First Turning);
- systemic rivalry intensity;
- domestic political polarization;
- institutional resilience.

Scenarios are not deterministic predictions but analytically plausible trajectories grounded in generational and structural conditions. This approach aligns with the forecasting principles outlined in the National Intelligence Council's Global Trends 2040 report [14].

Limitations of the Methodology

To ensure academic transparency, the study identifies several methodological constraints:

1. Generational theory's limited empirical verification, particularly regarding its predictive precision.

2. Difficulty of isolating generational effects from structural or material drivers of foreign-policy behavior.

3. Inherent uncertainty of long-term strategic forecasting, especially in contexts involving great-power rivalry.

These limitations do not diminish the heuristic value of the approach but underscore its exploratory nature. The aim is not deterministic prediction but conceptual clarification of how generational dynamics may shape long-term strategic trends in U.S.–China relations.

Results

This section presents the analytical results of the study, following the methodological structure discussed above. The findings demonstrate how generational turnover interacts with structural great-power dynamics to shape plausible trajectories of U.S.–China relations from 2025 to 2040. The results are organized into five components: (1) generational mapping of U.S. leadership; (2) archetypal foreign-policy tendencies; (3) generational profiles of recent U.S. leaders; (4) generational mechanisms influencing strategic behavior; and (5) scenario outcomes.

1. Generational Mapping of U.S. Political Leadership (2016–2040)

The first stage of analysis identifies the generational composition of U.S. leadership across the period under study. The results confirm the following sequence:

(1) Boomer (Prophet) leadership, 2016–2029

The Boomer cohort exhibits crisis-oriented and ideologically framed foreign-policy behavior, consistent with Fourth Turning dynamics. Such patterns align with confrontation-driven strategic competition observed during heightened U.S.–China tensions in the late 2010s and early 2020s.

(2) Generation X (Nomad) leadership, expected 2029–2037

The expected rise of Generation X leaders corresponds to a shift toward pragmatic, transactional, and risk-managed competition. This is consistent with findings from strategic-behavior research and observed Gen-X leadership styles in U.S. domestic politics.

(3) Millennial (Hero) leadership, expected 2037–2045

Millennials display civic and institution-building tendencies, implying potential stabilization and partial renewal of multilateral engagements. Surveys analyzed earlier (Pew [13]) show they exhibit lower hostility toward China and higher support for institutional cooperation.

This mapping provides the temporal foundation for scenario construction.

2. Generational Archetypes and Foreign-Policy Tendencies

Operationalizing Strauss–Howe generations reveals consistent archetypal preferences:

(a) Prophet (Boomer)

- ideological framing of rivalry;
- preference for unilateral action;
- greater likelihood of crisis escalation;
- skepticism toward institutional constraints.

(b) Nomad (Generation X)

- transactional, flexible approaches;
- tactical cooperation balanced with competitive posturing;
- preference for short- to medium-term strategic solutions;
- moderated ideological content.

(c) Hero (Millennial)

- emphasis on institutional mechanisms;
- support for multilateral and cooperative initiatives;
- long-term stabilization focus;
- willingness to compartmentalize confrontation and cooperation.

These tendencies form the basis for forecasting long-term foreign-policy behavior.

3. Generational Profiles of Recent U.S. Leaders

To illustrate how generational archetypes manifest in concrete foreign-policy choices, this section briefly examines four prominent U.S. leaders of recent decades: Donald Trump, Joe Biden, Barack Obama, and J. D. Vance. Their leadership styles and China policies provide empirical examples of Prophet, Artist, Nomad, and emerging Hero archetypes within the Strauss–Howe framework.

Donald Trump (Baby Boomer – Prophet). Donald Trump, born in 1946, exemplifies the Prophet archetype. His presidency (2017–2021, and hypothetically 2025–2029 in this study’s forecasting horizon) translated generational traits—moralistic framing, confrontation with perceived threats, and willingness to challenge established norms — into a sharply adversarial China policy. Trump abandoned the earlier bipartisan consensus on “engagement and hedging” and instead defined China as a principal strategic antagonist. The trade war, large-scale tariffs, sanctions against Chinese firms, and rhetorical escalation framed U.S.–China relations as an existential contest, consistent with late-crisis Prophet leadership. In generational terms, Trump’s role closely resembles the “Gray Champion” figure leading society through a Fourth Turning crisis, intensifying rivalry and narrowing the space for compromise.

Joe Biden (Silent Generation – Artist). Joe Biden (b. 1942) belongs to the Silent Generation, associated with the Artist archetype. Artists come of age during a crisis and mature in a period of relative stability, which tends to produce leaders who favor compromise, repair, and procedural order. Biden’s presidency sought to restore predictability after Trump’s disruptive term: he re-emphasized alliances, multilateral coordination, and institutional responses to China while largely preserving the tougher economic and technological line inherited from his predecessor. As Zhang and Chen [7] note, Chinese analysts classify Biden as a “literary/artist type” leader who exerts pressure on China in a more measured and coordinated fashion, preferring coalition-building and process over shock tactics. In generational terms, Biden functions as a transitional figure who manages the crisis but does not resolve the structural rivalry.

Barack Obama (Generation X – Nomad). Barack Obama (b. 1961) is often regarded as an early Gen X (Nomad) leader. His presidency (2009–2017) combined elements of engagement and competition in a pragmatic, risk-aware manner. Early in his term, Obama emphasized cooperation with China on global economic recovery and climate policy; later, as China’s assertiveness grew and domestic U.S. discontent intensified, he pivoted to a more explicit balancing strategy through the “rebalance to Asia”, WTO cases, and cyber-security measures. This adaptive, “no drama” style reflects Nomad attributes: preference for management over grand ideological projects, flexible adjustment to changing conditions, and reliance on technocratic problem-solving rather than mobilizing rhetoric. Obama’s record illustrates how a Gen X president can delay a full rupture in relations by managing the transition from engagement to strategic competition.

J. D. Vance and Emerging Millennial (Hero) Leadership. J. D. Vance (b. 1984), as a Millennial politician elevated to the national stage as a vice-presidential figure under Trump's second term in the scenario framework, illustrates the emerging Hero archetype. Millennials as a cohort have been shaped by the post-Cold War order, the war on terror, and the 2008 financial crisis. Surveys show that they tend to be more open to international cooperation and less inclined to view China as an inherent enemy, even while supporting firm responses on economic and security issues [9]. Vance's rhetoric combines economic nationalism and concern for the U.S. working class with a stated aversion to large-scale war with China. This mixture captures a central tension of Millennial Hero leadership: determination to "fix" structural vulnerabilities (such as over-dependence on Chinese supply chains) while seeking to avoid catastrophic confrontation. As Millennials move closer to national executive power in the 2030s, the configuration of such attitudes will be critical for the feasibility of the "strategic co-opetition" scenario outlined later.

Taken together, these leadership profiles empirically ground the generational typology used in this article. Trump, Biden, Obama, and Vance illustrate how archetypal patterns map onto real-world foreign-policy behavior. They also provide reference points for the scenario analysis that follows, which extrapolates from these generational tendencies to explore the 2029–2040 trajectory of U.S.–China relations.

4. Generational Mechanisms Influencing U.S.–China Strategic Behavior

Building on long-cycle theories and scenario methodology, three mechanisms were identified:

Mechanism 1: Crisis Intensification Under Prophet Leadership

Boomer-driven strategic choices align with higher escalation potential, reinforcing patterns described in structural assessments of U.S.–China military dynamics, such as Mastro [15].

Mechanism 2: Pragmatic Competition Under Nomad Leadership

Gen-X leadership is likely to blend deterrence with calibrated cooperation. This aligns with analytical models of competitive coexistence developed by Campbell & Sullivan [8], suggesting that rivalry can be moderated through selective engagement.

Mechanism 3: Managed Co-evolution Under Hero Leadership

Millennial leadership aligns with institutional rebuilding, crisis-management mechanisms, and selective cooperation. This corresponds to forecasts in strategic-stability studies conducted by RAND [16], which emphasize the potential of structured crisis-management tools to prevent escalation in bipolar competition.

These mechanisms provide the analytical bridge between generational theory and foreign-policy outcomes.

5. Scenario Outcomes for U.S.–China Relations (2029–2040)

Three analytically derived scenarios were constructed using the methodological approach outlined above. These scenarios — summarized in Table 1 — reflect the interaction between generational leadership, systemic rivalry intensity, turning-cycle dynamics, and institutional resilience. Together, they illustrate how different generational configurations may shape distinct strategic trajectories in U.S.–China relations during the 2029–2040 period.

Table 1. Generational Scenarios for U.S.–China Relations, 2029–2040

Scenario	Leadership Cohort	Archetype	Strategic Outlook	Key Features	Historical Analogy
1. Post-Crisis Stabilization	Generation X (e.g., Harris, DeSantis)	Nomad (Reactive)	Cautious management of rivalry	<ul style="list-style-type: none"> – selective rollback of tariffs; – diplomatic channel restoration; – de-escalation in Taiwan/SCS; – calibrated alliance coordination; – limited re-engagement in low-sensitivity trade 	1970s U.S.–USSR détente; 1972 Nixon–Mao rapprochement
2. Strategic Co-opetition	Millennials (e.g., Vance, Buttigieg)	Hero (Civic)	Managed competition + selective cooperation	<ul style="list-style-type: none"> – institutionalized cooperation in green tech & health; – climate & AI governance; – strengthened multilateral mechanisms; – structured crisis-management tools; – shared leadership on global issues 	1945–1950s U.S.–Western Europe post-war order-building
3. Reactionary Recurrence	Millennials under hardline pressures (or Gen X co-opted by ideology)	Hero/Hybrid (radicalized)	Prolonged ideological and systemic conflict	<ul style="list-style-type: none"> – accelerated decoupling; – militarized rivalry (Taiwan, cyber, space); – weakening multilateral institutions; – consolidation of rival geopolitical blocs; – intensification of proxy 	1950s–80s early–mid Cold War rivalry

Source: Compiled by the authors

Interpretation of Scenario Findings

Scenario 1

Shows moderate stabilization driven by Nomad pragmatism. Competition persists but becomes more predictable.

Scenario 2

Demonstrates how Millennial leadership could institutionalize aspects of rivalry, reducing escalation risks through norm-building and cooperation.

Scenario 3

Illustrates that structural pressures can override generational predispositions, particularly during periods of heightened systemic insecurity. This matches long-cycle expectations where post-crisis reconstruction can regress if geopolitical competition intensifies.

Discussion

The findings of this study demonstrate that generational dynamics provide an analytically meaningful supplement to traditional explanations of U.S.–China rivalry. While structural theories highlight power transitions, systemic constraints, and geopolitical competition, the present analysis shows that leadership cohorts shape how these structural pressures are interpreted and acted upon. This section situates the results within broader international and regional scholarship and outlines the implications for future research.

1. Alignment with International Research

The scenario outcomes derived here correspond to established assumptions in structural-realist and long-cycle approaches, which emphasize persistent rivalry driven by material and systemic factors. At the same time, the cohort-based variation in foreign-policy trajectories — ranging from crisis escalation under Boomer leadership to managed competition under Generation X and institutionalized cooperation under Millennial leadership — suggests that domestic sociopolitical rhythms significantly shape how rivalry unfolds.

2. Relevance to Regional and Kazakhstani Scholarship

Although Central Asian scholarship has rarely applied generational or cyclical frameworks to U.S.–China relations, regional researchers have produced substantial analyses of global systemic change and China's evolving role in Eurasia. Notably, work by Murat T. Laumulin explores transformations in world politics and their implications for Central Asia [17, 18]. His monograph *Central Asia in an Era of Transformation* [17] captures structural shifts and geostrategic transformations relevant to regional dynamics. Similarly, his historiographical work *The History of Kazakhstan and Central Asia in World Oriental Studies* [18] contributes to deep understanding of regional history and geopolitical context. These studies do not address generational cycles directly, which underscores the novelty of applying generational analysis to the region. Therefore, the present research builds on the established regional scholarship and extends it by introducing cohort-based analytical variables.

3. Theoretical and Empirical Implications

Generational archetypes should be treated as mediating factors rather than deterministic predictors: they influence how leaders interpret structural constraints and strategic pressures. Under Boomer (Prophet) leadership competition tends toward escalation; Generation X (Nomad) may moderate rivalry through pragmatic management; Millennials (Hero) provide potential for institutionalized crisis-management. This triangulation refines existing models of U.S.–China relations and suggests that generational turnover may affect not just the intensity but the character and trajectory of rivalry.

4. Limitations and Prospects for Future Research

Interpretation remains subject to uncertainty, especially given unpredictable structural shocks, leadership discontinuities, or external crises. Empirical validation, comparative studies, and mixed-method research (surveys, elite interviews, quantitative indicators) are necessary to test cohort-based hypotheses. Regionally, applying generational analysis to other actors — including China, Russia, or Central Asian states — can open new research avenues.

Overall, by integrating generational variables into analyses of systemic rivalry,

this study contributes both to international scholarship and to the academic context of Central Asia, pointing to new directions for regional political-scientific research.

Conclusion

This study has examined how generational dynamics may influence the long-term evolution of U.S.–China relations between 2025 and 2040. Building on structural and geopolitical frameworks developed in earlier scholarship, the research integrates generational-cycle theory, cohort analysis, and scenario-based forecasting to offer a multidimensional perspective on strategic competition. This approach addresses the limitations of existing studies, which primarily focus on material capabilities or institutional factors while paying insufficient attention to the sociopolitical rhythms that shape foreign-policy decision-making.

The findings demonstrate that although structural pressures—economic interdependence, military balancing, and systemic rivalry—remain constant drivers of U.S.–China competition, leadership cohorts function as mediating variables that shape how these pressures are interpreted. Generational characteristics influence strategic preferences, risk tolerance, ideological framing, and the likelihood of crisis escalation or institutional engagement. The scenario outcomes developed in this study illustrate three plausible trajectories: ideological confrontation under Prophet-style Boomer leadership, pragmatic stabilization under Generation X, and institutionalized co-opetition under Millennial leadership.

The empirical leadership profiles examined in the Results section reinforce these conclusions. The contrasting approaches of Donald Trump, Joe Biden, Barack Obama, and emerging Millennial figures such as J. D. Vance demonstrate how generational archetypes manifest in concrete foreign-policy choices. These cases illustrate the pathways through which generational biases and interpretive frameworks shape the tone, tempo, and strategic orientation of U.S.–China relations, thereby validating the analytical value of incorporating generational analysis into long-term forecasting.

For Kazakhstan and the broader Central Asian scholarly context, the study provides an additional conceptual lens to complement existing geopolitical research on China's growing influence in Eurasia. While regional scholars have extensively examined China's strategic behavior, generational frameworks have not yet been applied in this field. The findings of this article therefore open a new line of inquiry, suggesting that cohort-based analysis may enrich regional assessments of great-power competition and its implications for smaller and middle powers.

The study also acknowledges inherent limitations: the difficulty of isolating generational effects from material and institutional factors, the unpredictability of domestic political developments, and the uncertainty of long-term forecasting. These constraints underscore the exploratory character of the scenarios presented rather than their predictive intent. Nonetheless, generational analysis offers a valuable conceptual tool for anticipating the political and strategic preferences of future U.S. administrations.

Future research could build on these insights by examining generational change in other major and regional powers, integrating quantitative behavioral data, or exploring how societal cycles interact with geopolitical transformations in Central Asia. Such work would deepen the theoretical and practical relevance of

generational analysis for understanding the evolving global order and the long-term trajectory of U.S.–China relations.

References:

1. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
2. Allison G. T. *Destined for War? The National Interest*, 2017, no. 149, pp. 9–21.
3. Friedberg A. L. *A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia*. New York: W. W. Norton, 2011.
4. Doran C. F. *Why Forecasts Fail: The Limits and Potential of Forecasting in International Relations and Economics*. *International Studies Review*, 1999, vol. 1, no. 2, pp. 11–41.
5. Mead W. R. *The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers*. *Foreign Affairs*, 2014, vol. 93, pp. 69–80.
6. Twist A. E. D., Newcombe S. *Strauss–Howe Generational Theory*. 2021. Available at: <https://www.cdamm.org/articles/strauss-howe> (accessed 10 December 2025).
7. Chen S., Zhang X. *Assessing U.S. China Policy Trends from the Perspective of American Social and Generational Cycles*. *Fudan American Review*, 2023, no. 1, pp. 137–164.
8. Campbell K., Sullivan J. *Competition Without Catastrophe: How America Can Both Challenge and Coexist With China*. *Foreign Affairs*, 2019, vol. 98, no. 5, pp. 96–110.
9. Schoemaker P. J. H. *Scenario Planning: A Tool for Strategic Thinking*. *Sloan Management Review*, 1995, vol. 36, no. 2, pp. 25–40.
10. Bradfield R., Wright G., Burt G., Cairns G., Van der Heijden K. *The Origins and Evolution of Scenario Techniques in Long-Range Business Planning*. *Futures*, 2005, vol. 37, no. 8, pp. 795–812.
11. Ryder N. B. *The Cohort as a Concept in the Study of Social Change*. In: *Cohort Analysis in Social Research: Beyond the Identification Problem*. New York: Springer, 1985, pp. 9–44.
12. Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. Seattle: University of Washington Press, 1987.
13. Pew Research Center. *Americans' Views of China Remain Negative, but Young Adults Hold Less Hostile Attitudes*. 2023. Available at: <https://www.pewresearch.org> (accessed 10 December 2025).
14. National Intelligence Council. *Global Trends 2040: A More Contested World*. Washington, DC: NIC, 2021.
15. Mastro O. S. *The Stealth Superpower: How China Hid Its Global Ambitions*. *Foreign Affairs*, 2021, pp. 32–43.
16. RAND Corporation. *U.S.–China Escalation Dynamics: Assessing Risks in a Competitive Environment*. Santa Monica: RAND Corporation, 2022. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA223-1.html (accessed 10 December 2025).
17. Laumulin M. T. *Tsentral'naya Aziya v epokhe transformatsii [Central Asia in an Era of Transformation]*. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2020.
18. Laumulin M. T. *Istoriya Kazakhstana i Tsentral'noy Azii v mirovoy orientalistike [The History of Kazakhstan and Central Asia in World Oriental Studies]*. Astana: KISI, 2016.

Материал поступил в редакцию 21.06.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

PEOPLE'S DIPLOMACY AS A MEANS OF INTERACTION WITH THE PUBLIC

Adina Kamytbekova^{1*},
Nurshat Karatay²

^{1*} PhD Candidate at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of International Relations, Astana, Kazakhstan; e-mail: adina.kamytbekova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9238-0512>

² PhD Candidate at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of International Relations, Astana, Kazakhstan; e-mail: nurshatkaratay@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5049-1490>

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.009>

Abstract. This article examines the concept, structure and key mechanisms of people's diplomacy in Kazakhstan, which is relevant given the growing importance of establishing a dialogue with a wide audience.

The study clarifies the conceptual distinctions between people's, public, and citizen diplomacy and identifies the main actors involved, including government institutions, the Assembly of the People of Kazakhstan, NGOs, and diasporas. Using system analysis and comparative analysis the study systematizes the main tools used by people's diplomacy.

Attention is focused on the implementation of people's diplomacy tools to promote Kazakhstan's national interests by fostering effective communication with the public both domestically and internationally. The findings emphasize the importance of strengthening the practice of people's diplomacy as a strategic component of Kazakhstan's international communications and internal stability.

Keywords: *people's diplomacy, soft power, the public, the foreign policy of Kazakhstan, the Assembly of the People of Kazakhstan, NGOs.*

ХАЛЫҚТЫҚ ДИПЛОМАТИЯ ҚОҒАММЕН ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Адина Қамытбекова^{1*}, Нұршат Қаратай²

^{1*} Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторанты, халықаралық қатынастар факультеті, Астана, Қазақстан; e-mail: adina.kamytbekova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9238-0512>

² Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD

докторанты, халықаралық қатынастар факультеті, Астана, Қазақстан; e-mail: nurshatkaratay@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5049-1490>

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстандағы халықтық дипломатияның түсінігі, құрылымы және негізгі тетіктері қарастырылады. Бұл кең аудиториямен диалог орнатудың маңыздылығының артуы тұрғысынан өзекті болып көрінеді.

Мақалада халықтық, жария және азаматтық дипломатия арасындағы тұжырымдамалық айырмашылықтар түсіндіріледі. Негізгі қатысушылар- мемлекеттік институттар, Қазақстан халқы Ассамблеясы, үкіметтік емес ұйымдар және диаспоралар айқындалады.

Жүйелік талдау және салыстырмалы талдау әдістерін қолдану арқылы халықтық дипломатияның негізгі құралдары жүйелендірілді. Мақалада аталған тетіктердің Қазақстанның ұлттық мүдделерін ілгерілетуге, ел ішінде және халықаралық деңгейде қоғамдық топтармен тиімді өзара іс-қимыл жасауға қалай бағытталатыны көрсетілген. Зерттеу нәтижелері халықтық дипломатияны Қазақстанның халықаралық коммуникациялары мен ішкі тұрақтылығының стратегиялық құрамдас бөлігі ретінде нығайтудың маңыздылығын айқындайды.

Түйін сөздер: *халықтық дипломатия, жұмсақ күш, қоғам, Қазақстанның сыртқы саясаты, Қазақстан халқы Ассамблеясы, ҰЕҰ.*

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Адина Камытбекова^{1*}, Нуршат Каратай²

^{1*} Докторант PhD Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, факультет международных отношений, Астана, Казахстан; e-mail: adina.kamytbekova@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9238-0512>

² Докторант PhD Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, факультет международных отношений, Астана, Казахстан; e-mail: nurshatkaratay@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5049-1490>

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие, структура и ключевые механизмы народной дипломатии в Казахстане, что представляется актуальным в свете растущей важности установления диалога с широкой аудиторией.

В работе разъясняются концептуальные различия между народной, публичной и гражданской дипломатией и определяются основные вовлеченные стороны, включая государственные институты, Ассамблею народа Казахстана, НПО и диаспоры. Используя системный анализ и сравнительный анализ в исследовании систематизированы основные инструменты, с помощью которых действует народная дипломатия.

Акцентируется внимание на реализации инструментов народной дипломатии для продвижения национальных интересов Казахстана посредством эффективного взаимодействия с общественностью в стране и за рубежом. Полученные результаты подчеркивают важность укрепления практики народной дипломатии как стратегического компонента международных коммуникаций Казахстана и внутренней стабильности.

Ключевые слова: *народная дипломатия, мягкая сила, общественность, внешняя политика Казахстана, Ассамблея народа Казахстана, НПО.*

Introduction

The modern system of international relations is undergoing significant changes under the influence of globalization, the rapid development of information and communication technologies and the growing role of non-state actors. These processes empower citizens to influence both the foreign and domestic policies of their countries. In response to these trends, many countries are developing various mechanisms for engaging with the public that extend beyond traditional state-centric diplomacy. One of these mechanisms is people's diplomacy, which is considered as a system of establishing direct relations with the peoples of different countries. Unlike other approaches in international relations, it is aimed at promoting the interests and initiatives of the people themselves [1]. People's diplomacy includes the activities of citizen diplomacy, as well as direct appeals from politicians and government agencies to the foreign public to convey their position [2].

The modern system of foreign policy is shaped not only by the efforts of States but also by the active involvement of broad segments of society. In this regard, the study of the role of people's diplomacy in global political processes and the analysis of its interaction with other actors are becoming particularly relevant.

The sphere of public relations has become an important part of the system of interstate relations. Despite the existing international contradictions, direct contacts between people and friendly relations between citizens of different countries play an important role, and the influence of people's diplomacy on the formation of foreign policy is becoming more noticeable and significant. This field covers the activities of non-governmental organizations, public associations, cultural and scientific institutions, diasporas, bloggers, scientists and cultural figures. The expansion of the circle of participants in international communications confirms that people's diplomacy is developing within the context of a democratic society. Given the growing role of the public in the global political process, the study of people's diplomacy mechanisms as a tool for interaction with society is becoming particularly relevant.

People's diplomacy in Kazakhstan has a special significance both inside and outside the country. In the years following independence, the country faced a critical task: to preserve social harmony in a state where representatives of more than 130 ethnic groups live. Kazakhstan built its policy based on the tools of the rule of law as well as long-standing traditions that predate modern institutions. For example, the Kazakh steppe culture, based on the principles of peaceful coexistence and mutual respect, continues to transmit these values to the modern world. Accordingly, the Assembly of the People of Kazakhstan (APK), established in 1995, became both a reflection of this philosophy and an important institution for strengthening national harmony and unity of the nation [3].

People's diplomacy serves as an effective means of interacting with the society and represents an important resource within Kazakhstan's modern foreign policy course. However, it should be noted that the global academic literature lacks sufficient theoretical clarity regarding the concept of people's diplomacy, its subjects and mechanisms. The terms of people's diplomacy and public diplomacy are often used interchangeably, which creates conceptual gaps and highlights the need to clarify the substantive boundaries of people's diplomacy as an independent phenomenon.

For Kazakhstan, people's diplomacy is an important part of the model of social

harmony and international humanitarian cooperation. The country has a unique experience of interethnic dialogue, institutionalized through the APK, active NGOs, cultural and educational initiatives. Nevertheless, the contribution of these institutions to the formation of external cultural and social dialogue has been examined only partially and predominantly in a descriptive manner.

Under these circumstances, the need for a comprehensive study of Kazakhstan's people's diplomacy and the systematization of its theoretical foundations, and an examination of its role in public engagement makes this topic relevant.

The purpose of this study is to identify the features, structure and mechanisms of people's diplomacy in Kazakhstan, as well as to analyze its potential as an effective means of interacting with the public. To achieve this goal, the following tasks have been solved within the framework of the scientific article:

1. the theoretical content of the concept of "people's diplomacy" and its distinction from other forms of diplomacy has been clarified.
2. the structures and subjects of people's diplomacy have been identified, including government institutions, non-governmental organizations, and diasporas.
3. the main mechanisms and tools of people's diplomacy used in Kazakhstan are systematized;
4. the prospects for the further development of people's diplomacy in the country have been outlined.

Literature review

Today, people's diplomacy is a highly relevant topic in interstate relations. People's diplomacy has become an integral part of the political process, and research in this field has expanded considerably, although it remains conceptually diverse. The term people's diplomacy is not new, yet its meaning has evolved. Most scholars agree that it reflects the essence of public diplomacy. Edmund Gullion introduced the term public diplomacy in 1965, defining it as communication aimed at influencing foreign public opinion. This definition is still widely recognized today [4]. Although E. Gallion is not the author of the term "people's diplomacy", his ideas about expanding the circle of participants in international communications laid the foundation for the later development of the concept.

Researchers such as Nicholas Cull [5], Joseph Nye [6], and Jan Melissen [7] emphasize the growing role of non-governmental actors, civil society organizations, diasporas, and cultural and educational institutions. J. Nye's concept of "soft power" further strengthened the theoretical foundations of people's diplomacy by highlighting cultural attraction, communication, and humanitarian exchanges as key tools.

In the post-Soviet academic discourse, researchers such as O. Gabrielyan [8] and T. Medvedeva [9] analyze the information and civil dimensions of people's diplomacy, emphasizing its importance for building trust, reducing conflict and developing interpersonal interaction. Their research highlights that people's diplomacy relies on building trust, interpersonal interaction, and bottom-up initiatives that complement the official diplomatic agenda.

Studies on Kazakhstan remain relatively limited, although several authors have explored the institutional and cultural aspects of people's diplomacy. Research

dedicated to the Assembly of the People of Kazakhstan, including the works of A. Sadvakasova [10] and analytical reports of APK, explore the Kazakh model of interethnic dialogue as a unique platform for promoting national unity and intercultural communication. These sources underscore the APK's contribution to strengthening social cohesion and promoting Kazakhstan's image abroad.

Government and policy documents such as Kazakhstan's Foreign Policy Concept [11], reports from the Ministry of Foreign Affairs, and publications from strategic institutes provide additional information about the country's efforts to integrate people's diplomacy with broader foreign policy goals. These materials highlight the importance of cultural diplomacy, youth exchange programs, interaction with the diaspora, and educational cooperation as key mechanisms of soft power.

Overall, the existing body of literature shows that, although the conceptual framework of people's diplomacy is well developed at the international level, scientific research focused on Kazakhstan remains fragmented. This highlights the need for a comprehensive review summarizing current approaches and practices of people's diplomacy in the country.

Research methods

The study's objectives were achieved through information and analytical work that aimed to collect, process, and analyze information. A systematic analysis was used to study the structure of people's diplomacy, identify key actors and mechanisms of their interaction. Comparative analysis to compare people's diplomacy with other types of diplomacy. SWOT analysis is a strategic planning method used to assess the potential of Kazakhstan's people's diplomacy. A content analysis of the texts has been carried out, namely government statements, media publications, NGO reports and public activities aimed at promoting people's diplomacy. The key markers reflecting the main ideas and goals of people's diplomacy and the ways of its implementation were highlighted. The use of these methods makes it possible to conduct a comprehensive analysis of Kazakhstan's people's diplomacy, identify its specifics and offer recommendations for further development.

Results and discussion

The modern system of international relations is characterized by an expanding range of actors involved in foreign policy processes, which has led to the emergence of new forms of diplomacy such as people's, public and citizen diplomacy. These forms are interrelated, but they differ in subjects, mechanisms, and objectives, which makes their comparative analysis relevant.

People's diplomacy influences public opinion on the formation and conduct of foreign policy. It is defined as a means of achieving state goals or promoting values in the international community through the participation of public associations, foundations and non-governmental organizations in international relations [4].

People's diplomacy complements traditional diplomacy by presenting a wide range of tools that make it possible to gain the loyalty of the target audience to achieve the country's foreign policy objectives. Its distinguishing feature is that actors may include not only diplomats, but also representatives of culture, science, education, mass media, NGOs, and others [7]. It has several advantages over traditional diplomacy, as it allows people to communicate more openly and sincerely than the

formal, regulated language of official diplomacy. The level of people's diplomacy development is undoubtedly an indicator of the democratic nature of a political system. Its effective implementation aims to humanize international relations and serves as a tool for the "soft power" of a state and its people in promoting their interests and strengthening their image and authority abroad [6].

People's diplomacy is often associated with public diplomacy, which is implemented by government institutions to promote a positive image of the country abroad [12]. The target audience of public diplomacy is the people of various countries. This sphere is state-driven and is viewed as a means of communicating national policy objectives to the international community. It means that both forms have the same audiences, the expected results are different [13]. For people's diplomacy, the key tool is to reduce conflict at the interstate and international levels. This means that the public must influence and adjust government policy, rejecting violent and hybrid forms of confrontation.

Citizen diplomacy is closely related to people's diplomacy, but it has a more proactive and activist nature. In academic literature, citizen diplomacy (Track II) is defined as a form of cross-border civil society activity aimed at solving social, environmental, and humanitarian problems [14]. It is implemented by individual citizens, NGOs, experts, volunteers, and social movements, and often focuses on specific tasks (human rights protection, environmental initiatives, and peacekeeping projects). Unlike people's diplomacy, which has a broad cultural focus, citizen diplomacy has a more targeted social impact.

In Kazakhstan, these two approaches are viewed differently. People's diplomacy is carried out through the Ministry of Foreign Affairs, cultural centers, the "Bolashak" program, and international broadcasting. People's diplomacy is implemented through the Assembly of the People of Kazakhstan, ethnocultural centers, international festivals and educational exchanges. Citizen diplomacy is promoted through NGOs, volunteer movements, environmental and social initiatives. Together, they form a single multi-layered architecture of external communications: the state defines strategic directions, society reinforces the cultural foundation, and civic initiatives expand their influence on the global agenda [15].

Thus, comparative analysis allowed distinguishing that the people's, public and citizen diplomacy have different tasks and mechanisms, but they are united by a common function such as strengthening international dialogue and building mutual trust. Their interaction allows the state and society to have a more complete and effective presence on the world stage.

People's diplomacy holds strategic importance in Kazakhstan. As it is shown in Table 1, its key instruments are cultural initiatives, educational programs, international exchanges, and NGO activities that promote the country's image, strengthen social capital, and expand international cooperation. Culture promotes the unification of people of different nationalities and ensures a positive attitude of the foreign audience; educational programs promote interaction with the public, and NGOs, in turn, help influence other countries and peoples through the exchange of ideas and activities.

Thus, it can be argued that people's diplomacy contributes to shaping positive public opinion through effective engagement with various public groups.

Table 1. Subjects and instruments of the implementation of people's diplomacy in Kazakhstan

Subjects	Functions	Tools	Examples of implemented initiatives
Assembly of the People of Kazakhstan	<ul style="list-style-type: none"> i. Promoting interethnic harmony ii. Coordination of the activities of ethnocultural associations. iii. Organization of public events aimed at strengthening the unity of the nation. 	<ul style="list-style-type: none"> i. International cooperation of the APK with other States. ii. Congresses, round tables and conferences. iii. Educational and scientific projects on interethnic 	<ul style="list-style-type: none"> i. International Forum "30 years of APK: Unity, Stability, Development". ii. Ethnocultural festivals and folk-art contests.
Government agencies	<ul style="list-style-type: none"> i. Development and implementation of public policy in the field of people's diplomacy. ii. Financing and support of cultural, educational and international projects. iii. Kazakhstan's representation in the international arena. 	<ul style="list-style-type: none"> i. Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan ii. Embassies and consulates. iii. Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan 	<ul style="list-style-type: none"> i. "Rukhani zhangyru" ii. Cooperation programs with UNESCO, the United Nations and the SCO iii. EXPO-2017
Non-governmental organizations	<ul style="list-style-type: none"> i. Participation in people's diplomacy, cultural and educational initiatives. ii. Creation of independent platforms for dialogue among different communities. iii. Organization of international events, youth exchanges and forums. 	<ul style="list-style-type: none"> i. Youth organizations ii. Centers of intercultural dialogue and educational foundations. iii. Independent media initiatives and research institutes. 	<ul style="list-style-type: none"> i. International Youth Forum "Open Kazakhstan". ii. "Kazakh-Turkish dialogue". iii. Youth exchange programs.
Diasporas	<ul style="list-style-type: none"> i. Support of national identity abroad. ii. Development of international relations through cultural and educational projects. iii. Organization of events for compatriots abroad. 	<ul style="list-style-type: none"> i. Support programs for Kazakh diasporas abroad ii. International festivals and days of Kazakh culture. iii. Online information platforms. 	<ul style="list-style-type: none"> i. The World Kazakh Kurultai is a platform for strengthening ties with compatriots abroad. ii. The Days of Culture of Kazakhstan Festival abroad

Source: authors

People's diplomacy of Kazakhstan represents a comprehensive system of interaction between government agencies, public organizations and diasporas, which is aimed at promoting national interests and creating a positive image of the country through effective communication with the public. This system is designed to shape positive public opinion about Kazakhstan through interaction with the broad segments of society [10].

According to the table, one of the main actors in the development of people's diplomacy in Kazakhstan is the Assembly of the People of Kazakhstan. The APK cooperates with organizations of the Kazakh diaspora and cultural centers of compatriots abroad. It actively promotes Kazakhstan's experience in the field of interethnic relations. Moreover, the APK cooperates with various international organizations such as the UN, OSCE, UNESCO, and others, thereby strengthening the role of the state as a model of ethnopolitical stability [15].

Another important group of actors consists of government agencies, which play an important role in the development of people's diplomacy in the country. For instance, the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan coordinates international cultural, educational and public initiatives [16]. The Ministry of Culture and Information, in turn, is responsible for popularizing the national cultural heritage [17]. Initiatives such as "Rukhani Zhangyru" and other programs are being implemented in this context. The Foundation of the First President and the Kazakhstan Institute for Strategic Studies also provide analytical support, where concepts of international cooperation are being developed.

The activities of non-governmental organizations play an important role in the development of people's diplomacy. Representatives of civil society actively participate in people's diplomacy through NGO activities, various educational initiatives, as well as digital platforms.

The Kazakh diaspora abroad plays an important role in people's diplomacy. The "Otandastar Qory" Non-profit JSC implements projects to strengthen ties with Kazakh communities in various countries. Through ethnic media and cultural events, such as the Days of Culture of Kazakhstan Abroad, the foundation strives to promote the dissemination of Kazakh culture and identity, as well as create a positive image of Kazakhstan, thereby contributing to the development of public relations [11] [18].

Kazakhstan's people's diplomacy is implemented through various tools, which include international events, cultural initiatives, media relations, and educational programs. This can be seen in the example of the Expo-2017 exhibition and the G-Global project, which demonstrated the country's innovative potential. Cultural events, including ethnocultural festivals and concert performances by national theaters, contribute to the popularization of Kazakh traditions and contemporary art [19]. Media diplomacy is conducted through state-owned media (Kazinform, Khabar, etc.), as well as independent online platforms and blogs targeted at an international audience.

Educational initiatives, international youth exchange programs and academic partnership between Kazakhstan's universities help train specialists with international experience and strengthen scientific cooperation. These initiatives also contribute to the promotion of the Kazakh language and culture abroad. The introduction of Kazakh language courses for foreign students increased interest in the language and culture of Kazakhstan among foreign students and representatives of the Kazakh diaspora abroad.

Financial support for people's diplomacy in Kazakhstan is provided through various channels, including government subsidies, international grants and partnership programs. The country cooperates with organizations such as UNESCO, OSCE, TURKSOY, and others, to attract funding for cultural and educational

initiatives [20]. Government-funded institutions such as the “Otandastar Qory” Non-profit JSC, along with international donors such as the Soros Foundation-Kazakhstan, support projects aimed at promoting people’s diplomacy and developing cultural ties with other countries.

Thus, all these actors operate as a multi-level system and use a wide range of various instruments of people’s diplomacy. This, in turn, helps to establish and strengthen relationships both domestically and internationally. Through the active participation of state and public institutions, as well as through various platforms, Kazakhstan can effectively promote its national interests and create a positive image on the world stage. Moreover, all these efforts contribute to the development of stable intercultural relations, greater recognition of the national values and enhance mutual trust among people.

In scientific literature and public discourse, there is a lack of attention given to the development of people’s diplomacy, despite its significant potential to impact various aspects of public life. People’s diplomacy can contribute to building trust between nations, fostering cultural exchange, enhancing a country’s international image, and promoting economic growth through supporting entrepreneurship and attracting investment.

Below is a table presenting the strengths and weaknesses of people’s diplomacy in Kazakhstan, as well as its opportunities and threats in the context of public engagement:

Table 2. SWOT-analysis of the development of people’s diplomacy in Kazakhstan

Strengths	Weaknesses
1. Diversity of subjects (APK, NGOs, diasporas, government agencies) 2. Humanitarian and cultural instruments 3. Sustainable institutions 4. Trust in informal channels	1. Lack of coordination between actors 2. Limited resources of NGOs and diasporas 3. Lack of consistency and feedback 4. Short-term projects
Opportunities	Threats
1. Development of digital people’s diplomacy 2. International partnership through diasporas 3. Attracting young people and volunteers 4. The growing interest in "soft power"	1. Politicization of initiatives 2. Information wars and fakes 3. Declining public trust 4. Cultural and linguistic barriers

The diversity of institutional structures is one of the key resources of people’s diplomacy, with government agencies, APK, NGOs, and diasporas serving as its primary actors. This broad range of participants makes it possible to build a dialogue with a wide variety of population groups both inside and outside the country. Cultural events, educational projects, and interpersonal contacts serve as important instruments of people’s diplomacy. Such forms of interaction are perceived by people as warmer and sincere compared to official political statements. Moreover, the APK and the state cultural centers function as stable institutional foundations for people’s diplomacy, enabling the development of long-term relations with foreign countries, communities, and diasporas [10].

Along with the strengths, there are also weaknesses in the implementation of people’s diplomacy in the country. These include the problem of a lack of close

coordination between actors, who often do not interact with each other. As a result, initiatives are duplicated, resources are used inefficiently, and outcomes fall short of their potential. Limited funding, a shortage of skilled professionals, and insufficient organizational support, especially at the regional level which also hinder progress. The lack of feedback from the participants also negatively affects the establishment of contacts with the public, further complicating efforts to improve project quality and tailor programs to the needs of specific target groups (youth, diasporas, foreign audiences, etc.).

Despite the above challenges, people's diplomacy has great potential in interacting with the public. For example, digital technologies create new opportunities through social networks, blogs, and online forums which make it possible to spread cultural and educational information about the country and establish contact with young people and foreign audiences. This is especially important for diasporas, who will have the opportunity to participate in the cultural life of their homeland from a distance. The involvement of the youth audience and volunteers also expands the scope of interaction with society. Moreover, growing international interest in "soft power" creates a favorable external environment for the development of people's diplomacy. This is especially important for Kazakhstan, as a multiethnic state that strives to play an active role in global processes.

However, several threats should also be considered. There is a risk of politicization of people's diplomacy if it is perceived as an instrument of state propaganda or manipulation its sincerity may be questioned. In the era of information warfare and online misinformation, even well-intentioned initiatives can be distorted and criticized, moreover, they can be used against the country. Public trust can also decline quickly if results are not visible or if initiatives appear insincere. Cultural and linguistic barriers, especially when working with foreign audiences, require more advanced training and carefully designed programs [8].

Based on the analysis, people's diplomacy is a powerful but sensitive tool. For it to truly become an effective way of interacting with the public, the following measures are proposed:

1. Strengthen coordination among actors. Various organizations, NGOs, universities, diasporas abroad and ethnocultural associations inside Kazakhstan often work without knowing each other's activities, which leads to a decrease in efficiency. To solve this problem, it is possible to create a coordinating council or platform under the APK, the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan and the Ministry of Culture and Information. This would make it possible to share information about planned events and establish partnerships, which is especially important for external coordination.

2. Expand the participation of civil society. The main projects in the field of people's diplomacy are concentrated in large cities, while in other regions, there is a shortage of resources. To solve this problem, grant programs should be launched to support regional initiatives. Such grants can be implemented within the framework of the state social order, which is regulated by the law "On State Social Orders, Grants, and Awards for Non-governmental organizations in the Republic of Kazakhstan." This will allow active citizens and organizations from small towns and villages to propose and implement their projects aimed at developing intercultural dialogue, popularizing Kazakh culture abroad, and supporting interaction with diasporas.

3. Enhance the use of digital technologies. The use of modern technology will help create a digital community of supporters of Kazakhstan around the world by creating an online portal that will host various cultural initiatives, blogs, information about events and opportunities for participation. It is also possible to create various courses for representatives of NGOs, activists and students on digital skills, which can be conducted jointly with the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan.

4. Strengthen training and intercultural competencies. In the modern world, it is not enough just to know foreign languages; it is also important to deeply understand the cultural characteristics, history, traditions and values of other nations. These skills are necessary to build trusting and respectful relationships with representatives of other countries.

Kazakhstan has already made some progress in this area: the Eurasian National University after L.N. Gumilyov has a department of the Assembly of the People of Kazakhstan, which works to strengthen social harmony, civic unity and ethnopolitical education. Nevertheless, further expansion of educational programs in people's diplomacy, intercultural communication, and citizen-level foreign policy would be beneficial. Internship opportunities, exchange programs, and summer schools both domestically and internationally would help prepare a new generation of diplomacy-oriented specialists.

The measures proposed require an integrated and strategic approach. These challenges are not just barriers, but tasks that can be solved with the political will, support of civil society institutions and effective governance. The implementation of the proposed measures will bring people's diplomacy to a qualitatively new level and strengthen its role as an intermediary between the state and society. This is especially important for building trust, engagement, and civic engagement, as well as for promoting Kazakhstan abroad through real, vibrant connections between state and society. As a result, this will contribute not only to improving the country's international image, but also to strengthening national unity, forming a culture of open dialogue and sustainable development of interethnic peace within society.

Conclusion.

The study revealed that people's diplomacy in Kazakhstan is a multifaceted system that brings together state institutions, the Assembly of People of Kazakhstan, non-governmental organizations, diasporas, youth groups, and digital platforms. To achieve the goal of the research, the analysis delved into the conceptual essence of people's diplomacy, distinguishing it from public and citizen diplomacy, identifying its key players, and categorizing the major mechanisms through which it engages with society.

Findings indicate that people's diplomacy serves twofold purposes for Kazakhstan. Externally, it enhances the country's soft power, cultural visibility, and international reputation. Internally, it fosters interethnic harmony and social cohesion. Compared to other diplomatic approaches, people's diplomacy has a broader societal base and relies on sincere interpersonal communication, making it a delicate yet highly effective tool for building trust.

At the same time, the SWOT analysis identified several challenges, including lack of coordination among participants, disparities in regional resources, and

the risk of politicization. Nevertheless, the identified opportunities such as digital diplomacy, youth engagement and cooperation with diaspora communities, and increasing global interest in soft power. Taken together, these factors create favorable conditions for future development.

Overall, the results of the study suggest that people's diplomacy has the potential to significantly strengthen Kazakhstan's international relations and internal unity, if supported by coordinated efforts, professional training, open dialogue, and ongoing modernization. Enhancing this area would allow Kazakhstan to advance its national interests internationally and contribute to long-term social harmony within the country.

References

1. Vasilenko I.A. Znachenie publichnoi diplomatii v imidzhevoi politike Rossii [The importance of public diplomacy in Russia's image policy]. *Vlast'*. 2015. No2. pp. 48-53
2. Medvedeva T.I. Osnovnye metody i formy grazhdanskoi diplomatii v sovremennom politicheskom protsesse [Basic methods and forms of civil diplomacy in the modern political process]. *Vlast'*. 2007. No4. pp. 71-74.
3. Assambleya narodov Kazakhstana [Assembly of the Peoples of Kazakhstan]. 2025. http://www.akorda.kz/ru/national_projects/assambleya-naroda-kazahstana (date of access 23.11.2025)
4. Cull N., "Public diplomacy" before Gullion: the evolution of a phrase. Apr 18, 2006. <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (date of access 17.04.2025)
5. Cull N. *Public Diplomacy: Lessons from the Past.* – Los Angeles : Figueroa Press, 2009
6. Nye J., *Soft Power: The Means to Success in World Politics.* New York: Basic Books, 2004
7. Melissen J. *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations.* – Palgrave Macmillan, 2005.
8. Gabrielyan O.A., Gabrielyan G.O. Narodnaya diplomatiya kak informatsionno-kommunikativnaya tekhnologiya: potrebnost', vozmozhnosti, perspektiva [People's diplomacy as an information and communication technology: need, opportunities, perspective] *Rossiya i mir: nauchnyi dialog.* 2021. No 1(1). pp.115-125. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-115-125>
9. Medvedeva S.V. Grazhdanskaya diplomatiya kak instrument mezhdunarodnogo vzaimodeistviya [Civil diplomacy as an instrument of international cooperation]. *Vestnik MGIMO.* 2017. No2. pp. 77–89.
10. Sadvakasova A., Etnokul'turnye ob"edineniya Kazakhstana kak mosty narodnoi diplomatii [Ethnocultural associations of Kazakhstan as a country of people's democracy]. repository.apa.kz/bitstream/handle/123456789/430/KS_3-8-19%20%281%29.pdf (date of access 20.04.2025)
11. O Kontseptsii vneshnei politiki Respubliki Kazakhstan na 2020 – 2030 gody [On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020 – 2030 years]. 2020. https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody (date of access 22.04.2025)

12. Martynenko E.V., Matvienko V.V., Narodnaya (obshchestvennaya diplomatiya v kontekste sovremennogo mezhgosudarstvennogo obshcheniya [People's (public) diplomacy in the context of the international community]. Vestnik RUDN. 2012. No1.pp. 57-60
13. Lebedeva O. Osobennosti instituta publichnoi diplomatii v Rossii [Features of the Institute of Public Diplomacy in Russia].<https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315> (date of access 18.04.2025)
14. Chigas D., Track II (Citizen) Diplomacy. Beyond Intractability, 2016. - URL: https://www.beyondintractability.org/essay/track2_diplomacy.
15. Azil'khanov M.A., Nechaeva E.L., Sydyknazarov M.K., Zhusupova A.S., Pivovarov, E.I. i dr. Etnopolitologiya [Ethnopolology]. 2024.pp. 348-375).
16. Assambleya naroda Kazakhstana-novator v mirovoi praktitke, 2018. <https://assembly.kz/analitika/assambleya-naroda-kazakhstana-novator-v-mirovoy-praktitke/> (date of access 20.04.2025)
17. Natsional'naya sistema ofitsial'noi pomoshchi razvitiyu Respubliki Kazakhstan [National System of Official Development Assistance of the Republic of Kazakhstan]. 2021.<https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/586> (date of access 20.04.2025)
18. Realizatsiya proekta po sokhraneniyu nematerial'nogo kul'turnogo naslediya: podpisany memorandum s regionami [Implementation of the project for the preservation of intangible cultural heritage: signed memoranda with the regions].2025. <https://astanatv.kz/ru/news/140757/> (date of access 22.04.2025)
19. 2025 god obeshchaet byt' znakovym v kul'turnoi zhizni Kazakhstana [2025 promises to be a landmark year in the cultural life of Kazakhstan].2025. https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/907877?directionId=_35619&lang=ru (date of access 20.04.2025)
20. Soft power's next steppe: National Projection at the Astana EXPO 2017, 2017. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41254-017-0074-6> (date of access 22.04.2025)
21. Turkic Investment Fund officially started its activities, 2024. https://primeminister.kz/en/news/turkic-investment-fund-officially-started-its-activities-28431?utm_source (date of access 22.04.2025)

Материал поступил в редакцию 29.04.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Әдемі Ибраева

Докторант PhD Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, факультет международных отношений, Астана, Казахстан; e-mail: newadema50@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.011>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ торгово-экономических отношений стран Центральной Азии с Китайской Народной Республикой (КНР) и Соединёнными Штатами Америки (США) за последнее десятилетие. Исследование опирается на бенчмаркинг-подход и охватывает динамику внешней торговли, структуру экспорта и импорта, инвестиционные потоки и инфраструктурные проекты. Показано, что Китай за этот период превратился в ведущего внешнеэкономического партнёра региона, значительно увеличив объём товарооборота и став основным источником импорта и одним из крупнейших рынков для сырьевой продукции. В противоположность комплексной и многоуровневой китайской стратегии, экономическое присутствие США остаётся ограниченным и носит преимущественно нишевой характер. Американская активность сосредоточена в высокотехнологичных секторах и сырьевых инвестициях, главным образом в нефтегазовой отрасли Казахстана. Вместе с тем в последние годы наблюдается институциональное усиление американской модели через механизмы «С5+1», «В5+1» и Инициативу экономической устойчивости для Центральной Азии (ERICEN), а также поддержка развития Транскаспийского транспортного коридора (ТТК) и сотрудничества по критическим минералам. Сопоставление двух моделей демонстрирует смещение регионального геоэкономического баланса при сохранении интереса стран Центральной Азии к многовекторности и диверсификации внешних партнёров.

Ключевые слова: Центральная Азия, КНР, США, торгово-экономические отношения, инвестиции, «Один пояс – один путь», геоэкономика.

ҚЫТАЙ МЕН АҚШ-ТЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӘСЕРІ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Әдемі Ибраева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD

докторанты, халықаралық қатынастар факультеті, Астана, Қазақстан; e-mail: newadema50@gmail.com

Андатпа. Мақалада соңғы он жыл ішіндегі Орталық Азия елдерінің Қытай Халық Республикасы (ҚХР) және Америка Құрама Штаттарымен (США) сауда-экономикалық қатынастарына жан-жақты салыстырмалы талдау жүргізіледі. Зерттеу бенчмаркинг-тәсіліне сүйеніп, сыртқы сауда динамикасын, экспорт пен импорт құрылымын, инвестициялық ағымдарды және инфрақұрылымдық жобаларды қамтиды. Осы кезеңде Қытайдың өңірдің жетекші сыртқы экономикалық әріптесіне айналып, тауар айналымын едәуір ұлғайтып, импорттың негізгі көзіне және шикізат өнімдерінің ірі нарықтарының біріне айналғаны көрсетіледі. Көпдеңгейлі және ауқымды қытайлық стратегияға қарама-қарсы, АҚШ-тың экономикалық қатысуы шектеулі болып қалып, негізінен тар салаларға бағытталған сипатқа ие. Америка тарапынан белсенділік жоғары технологиялық салалар мен шикізаттық инвестицияларда, әсіресе Қазақстанның мұнай-газ секторында шоғырланған. Сонымен қатар соңғы жылдары «С5+1», «В5+1» тетіктері және Орталық Азияның экономикалық тұрақтылығын арттыру бастамасы (ERICEN) бастамасы арқылы америкалық модельдің институционалдық нығаюы, сондай-ақ Транскаспий көлік дәлізін дамыту мен стратегиялық минералдар бойынша ынтымақтастықты қолдау байқалады. Екі модельді салыстыру өңірлік геэкономикалық тепе-теңдіктің өзгергенін, сонымен бірге Орталық Азия елдерінің көпвекторлы саясат пен сыртқы әріптестерді әртараптандыруға деген жоғары қызығушылығын сақтап отырғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: *Орталық Азия, Қытай, АҚШ, Сауда-экономикалық қатынастар, инвестициялар, «Бір белдеу-бір жол», геээкономика.*

ECONOMIC INFLUENCE OF CHINA AND THE USA IN CENTRAL ASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Ademi Ibrayeva

PhD Candidate at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of International Relations, Astana, Kazakhstan; e-mail: newadema50@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive comparative analysis of the trade and economic relations of Central Asian countries with Peoples Republic of China (PRC) and the United States of America (USA) over the past decade. The study is based on a benchmarking approach and covers the dynamics of foreign trade, the structure of exports and imports, investment flows, and infrastructure projects. It is shown that during this period China has become the leading external economic partner of the region, significantly increasing the volume of trade and emerging as the main source of imports as well as one of the largest markets for raw materials. In contrast to China's extensive and multi-layered strategy, the economic presence of the United States remains limited and primarily niche-oriented. American engagement is concentrated in high-tech sectors and resource-based investments, particularly

in Kazakhstan's oil and gas industry. At the same time, recent years have seen an institutional strengthening of the U.S. model through the mechanisms of «C5+1», «B5+1», and the Economic Resilience Initiative for Central Asia (ERICEN), as well as support for the development of the Trans-Caspian transport corridor and cooperation on critical minerals. A comparison of the two models demonstrates a shift in the regional geo-economic balance, while Central Asian states continue to show strong interest in multi-vector foreign policy and diversification of economic partnerships.

Keywords: *Central Asia, China, USA, Trade and economic relations, investments, One Belt – One Road, geoeconomics.*

Введение

Экономическая динамика Центральной Азии в последние десятилетия характеризуется глубокими трансформациями, происходящими на фоне растущего интереса мировых держав к политическим и ресурсным возможностям региона. Центральная Азия, располагающая значительными запасами углеводородов, стратегическим транзитным положением и растущим экономическим потенциалом, постепенно превращается в пространство конкурирующих внешнеэкономических моделей. В этих условиях особую значимость приобретают два ключевых актора – Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки, чьи подходы к экономическому присутствию в регионе существенно различаются по масштабу, содержанию и стратегической направленности. Сопоставление этих двух моделей позволяет выявить наиболее существенные тенденции, определяющие формирование будущей геоэкономической архитектуры Евразии.

Страны Центральной Азии и КНР выстраивают многоуровневое партнёрство, развивающееся как в двустороннем формате, так и в рамках международных институтов. Сотрудничество осуществляется в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), форуме «Азия – Европа», Азиатском диалоге сотрудничества, а также в Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). С 2020-х годов усиливается значение формата C5+1, где Казахстан выступает одним из ключевых участников регионального блока. Базой для политико-экономического взаимодействия стали стратегические программы, соглашения и дорожные карты, определявшие содержание сотрудничества на протяжении двух десятилетий.

Аналитические исследования последних лет свидетельствуют об активизации «мягкой силы» Китая в отношении Центральной Азии, включая дипломатическое, образовательное и гуманитарное измерения. Саммит «Китай – Центральная Азия» стал новой опорной платформой для реализации китайских стратегических инициатив и укрепил институциональную основу сотрудничества, подчеркнув роль Центральной Азии как одного из ключевых направлений внешней политики Пекина. Исследования также показывают, что регион стал важнейшим звеном инициативы «Один пояс – один путь» (BRI) благодаря своему транзитному потенциалу и богатой ресурсной базе, что объясняет масштабное участие Китая в транспортных, энергетических и сырьевых проектах.

Актуальность темы усиливается на фоне изменяющейся глобальной гео-

экономической конъюнктуры. Центральная Азия, обладая значительными энергетическими ресурсами, всё активнее включается в так называемую «новую Большую игру», связанную с конкуренцией за энергетические и транспортно-транзитные коридоры. Именно эта ресурсная база привлекает внешних акторов и стимулирует рост соперничества между ними, усиливая стремление Китая расширять своё присутствие и одновременно увеличивая интерес США к формированию новых дипломатических и экономических инструментов работы с регионом.

На этом фоне Соединённые Штаты постепенно активизируют политико-экономическое взаимодействие с государствами Центральной Азии, стремясь сбалансировать влияние КНР. Форматы C5+1 и B5+1, обновлённая американская стратегия, возобновление высших саммитов и запуск бизнес-платформ свидетельствуют о попытках Вашингтона предложить альтернативную модель взаимодействия, основанную на инвестициях, технологическом сотрудничестве и институциональной поддержке. Однако экономическое влияние США остаётся ограниченным, что делает необходимым сравнительный анализ не только масштабов взаимодействия, но и фундаментальных различий внешнеэкономических моделей двух держав.

Таким образом, потребность в углублённом исследовании экономического влияния КНР и США обусловлена ростом конкуренции в регионе, усложнением геоэкономических процессов и изменением внешнеторговых приоритетов государств Центральной Азии. Усиление китайского присутствия и стремление США укрепить свои позиции делают анализ двух моделей значимым как в теоретическом, так и в практическом отношении. Системное сравнение позволит глубже понять характер текущих трансформаций, оценить их стратегические последствия и определить, каким образом страны Центральной Азии могут выстраивать устойчивую, многовекторную и безопасную внешнеэкономическую политику.

Статья выстроена логично и последовательно. В методологическом разделе обосновывается выбор бенчмаркинг-подхода, позволяющего корректно сравнить две внешнеэкономические модели. В аналитической части рассматриваются основные параметры экономического влияния Китая и США, что формирует основу для их содержательного сопоставления. Далее анализируются ключевые различия этих моделей и их возможные геоэкономические последствия для региона. Завершает исследование заключительный раздел, в котором подводятся итоги и формулируются практические рекомендации для государств Центральной Азии.

Методология

В основе данного исследования лежит бенчмаркинг-подход, позволяющий сравнить экономическое влияние Китая и США в Центральной Азии не только по отдельным количественным показателям, но и как две различные модели внешнеэкономического присутствия. Такой метод даёт возможность определить, какие инструменты используют обе державы, насколько они эффективны в региональном контексте и какие последствия формируют для государств Центральной Азии.

Цель анализа заключается в выявлении общих черт, различий и стратегических эффектов двух моделей влияния, а также в оценке того, каким обра-

зом эти различия влияют на формирование экономического будущего стран региона.

В качестве объектов исследования рассматриваются две внешнеэкономические модели, каждая из которых представляет самостоятельный подход к экономическому взаимодействию с государствами Центральной Азии.

Сравнительные измерения в рамках бенчмаркинг-подхода предполагают сопоставление китайской и американской моделей по нескольким ключевым направлениям. Прежде всего анализируются торговые параметры, включая динамику товарооборота за десятилетний период, структуру экспорта и импорта, торговое сальдо и степень зависимости стран региона от поставок китайских и американских товаров. Эти показатели позволяют определить глубину интеграции каждой из моделей в повседневную экономическую деятельность государств Центральной Азии.

Далее рассматриваются инвестиционные параметры, отражающие долгосрочный характер взаимодействия. Особое внимание уделяется инфраструктурному влиянию, проявляющемуся в реализации крупных проектов, участии в формировании логистических коридоров, включая Средний транскаспийский маршрут (Trans-Caspian Middle Corridor), а также в воздействии на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры региона. Именно на этом направлении наиболее отчётливо проявляются различия между комплексной, многоуровневой китайской стратегией и более точечной американской поддержкой.

Система сравнительных измерений завершается анализом институционально-политических механизмов, который включает оценку инициатив и форматов сотрудничества – от китайской концепции «Один пояс – один путь» до американских платформ C5+1 и B5+1, а также дипломатических инструментов продвижения экономических интересов и их геоэкономических последствий. Этот аспект позволяет увидеть, каким образом экономическая активность Китая и США встроена в более широкие внешнеполитические стратегии обеих держав.

Применение данной методологии позволяет выявить ключевые различия между двумя моделями экономического влияния. Анализ также даёт возможность определить, как каждая из моделей формирует торговую структуру региона и влияет на долгосрочные экономические траектории государств Центральной Азии. На основе полученных результатов возможно выработать практические рекомендации, включая сочетание преимуществ обеих моделей при сохранении многовекторности, снижение торговых дисбалансов, более тщательную оценку долговых рисков и укрепление регионального сотрудничества.

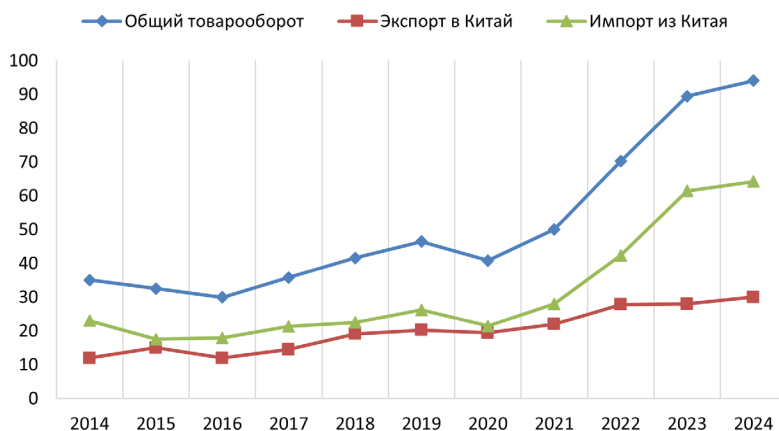
Китайская модель экономического влияния в Центральной Азии

Торгово-экономическое присутствие Китая в Центральной Азии

За последнее десятилетие торговые отношения между странами Центральной Азии и Китаем значительно укрепились, что позволило Китаю занять позицию ведущего внешнеэкономического партнера региона, опередив Россию. В позапрошлом году общий товарооборот между Китаем и пятью странами ЦА достиг 89,4 млрд долл.США, что на 27% больше в сравнении с

предыдущим годом. Такой стремительный рост объясняется экономическим доминированием Китая как в сфере инфраструктурных инвестиций, так и с растущим спросом на природные ресурсы региона. В начале 2010-х годов объемы торговли были около 30-40 млрд долл.США. Однако между 2014 и 2024 гг. наблюдается резкий рост товарооборота, чему способствовала реализация инициативы «Один пояс, один путь», которая стимулировала крупные инфраструктурные проекты и более глубокую экономическую интеграцию региона с Китаем [1]. Динамика роста торговли между Китаем и странами ЦА представлена на графике 1.

Рисунок 1. Товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии в 2014-2024 гг. (млрд долл.США)

Китай по-прежнему занимает лидирующую позицию в торговле со странами Центральной Азии, в основном благодаря положительному торговому балансу. В 2023 году Китай экспортировал в Центральную Азию товаров и услуг на сумму 61 млрд долл. США, а импортировал оттуда на 28 млрд долл. США. Значительное торговое неравенствие наблюдается во всех странах ЦА, кроме Туркменистана, который имеет излишки лишь за счет экспорта природного газа [2]. В итоге доля Китая во внешней торговле региона неуклонно растет. На 2020 год приходилось около 22% всего экспорта стран ЦА направленного в КНР и свыше 37% их импорта из Китая. Эти показатели продолжают увеличиваться, укрепляя зависимость Центральной Азии от китайского рынка.

Китай востребован как крупный рынок сбыта центральноазиатского сырья и, одновременно, как основной поставщик различных товаров в регион. Экспорт Центральной Азии в Китай состоит преимущественно из природных ресурсов и сырья: нефть, нефтепродукты, газ, уран, металлы, руды, хлопок и продовольствие. В то время как структура импорта из Китая в страны ЦА состоит из промышленных товаров, оборудования, транспортных средств, электроники, одежды и потребительских товаров широкого спектра. К примеру, Казахстан экспортирует в КНР нефть и природный газ, медь, уран, а импортирует из Китая машины, электронику, одежду и медикаменты, Туркменистан 94% всего своего экспортируемого газа направляет в Китай. Узбекистан экспортиру-

ет в Китай природный газ, медь, золото и хлопок, а экспортирует автомобиль, оборудование и электронику. Две страны региона – Киргизская Республика и Таджикистан менее интегрированы в экспортный сектор Китая (всего экспорт составляет 4-5% от общего объема), однако довольно критически зависят от импорта китайских товаров: Китай уже с давних пор является лидером по импорту, где в процентном соотношении это более 35% импорта Киргизии и около 18% импорта Таджикистана из Китая [3]. Так, Китай удерживает первые позиции среди торговых партнеров всех стран Центральной Азии.

Отдельно стоит отметить дисбаланс торговых потоков. Все страны региона, кроме Туркменистана, имеют крупный дефицит в торговле с Китаем: все покупают больше, чем продают. ЦА все больше привязана к Китаю в торговом отношении, закупая там значительную долю необходимых товаров. По оценке на 2020 год, Китай принимал около 22% всего экспорта стран региона, и обеспечивал более 37% их импорта, что составляет более четверти внешнеторгового оборота региона. Эти показатели вероятнее всего будут продолжать расти, если посмотреть период за 2023-2024 гг. они стали еще выше [4].

Китайские инвестиции и проекты.

Экономическое воздействие КНР проявляется не только в торговле, но и в инвестициях. Со времен запуска инициативы «Один пояс – один путь», т.е. с 2013 г. Китай активно инвестирует в инфраструктурные и энергетические проекты в ЦА. За последнее десятилетие объем накопленных китайских инвестиций в регион измеряется десятками миллиардов долларов. По оценкам, инвестиции Китая в регион составили 40 млрд долл. США в конце 2020 г. (где половина этой суммы пришлось на Казахстан, благодаря нефтегазовым и транспортным проектам) [5]. Первоначально китайские вложения были сосредоточены в основном в добыче сырья (нефтепроводы Казахстан-Китай, газопровод Центральная Азия – Китай), а также в горной промышленности и строительстве инфраструктуры по вывозу сырья. Однако в последние годы прослеживается диверсификация китайских инвестиций: помимо сырьевого сектора, КНР начинает финансировать долгосрочные проекты в промышленности и энергетике, включая проекты «зеленой» энергетики и создание производств на территории ЦА. Например, в Узбекистане при участии Китая строятся автозаводы, солнечные и ветряные электростанции, в Казахстане расширяется сотрудничество в сфере логистики, реализуется проект Транскаспийского коридора [6]. Китайские компании присутствуют почти во всех отраслях. Всего в странах ЦА действует более 12000 компании с участием китайского капитала [7]. В целом, за последние десять лет Китай превратился в главный внешний инвестор и экономический партнер для стран ЦА.

Необходимо отметить и обратную сторону стремительного роста китайского финансирования – усиление долговой зависимости некоторых государств региона от Китая. Китайские кредиты, предоставляемые преимущественно через Эксимбанк, нередко идут на инфраструктурные проекты под гарантии правительства-заемщика. В результате на Кыргызстан и Таджикистан пришелся наиболее высокий уровень задолженности перед Китаем. Доля Пекина во внешнем госдолге этих стран приближается к 40% [8]. Например, по состоянию на 2022 год Киргизия задолжала Эксимбанку Китая около 1,7 млрд долл. США, что составляло 43% ее совокупного внешнего долга. Схожая ситуация в Таджикистане, где почти половина внешних заимствований получена

из Китая. Эксперты все чаще обсуждают проблему «долговой ловушки», когда страна-должник может утратить контроль над стратегическими объектами или принять невыгодные условия в пользу кредитора. Хотя в целом по региону совокупный долг перед КНР (около 15,7 млрд Долл. на середину 2023 г.) составляет лишь 7,6% от суммарного внешнего долга Центральной Азии.

Страны Центральной Азии играют ключевую роль в реализации трансконтинентальных инфраструктурных планов Китая. Регион расположен в центре сухопутных маршрутов инициативы «Один пояс – один путь», соединяющих Китай с Ближним Востоком и Европой. Казахстан стал одним из стратегических узлов этих маршрутов: масштабная государственная программа «Нұрлы жол» (Светлый путь), запущенная в 2015 г., была сопряжена с BRI и направлена на модернизацию национальной транспортной сети. Такое сопряжение — казахстанского «Нұрлы жол» и китайской инициативы BRI — значительно повысило эффективность транзитных коридоров [9].

В Казахстане при поддержке Китая построены и модернизированы тысячи километров автомобильных и железных дорог, включая международную автомагистраль «Западная Европа – Западный Китай», которая существенно сократила сроки доставки грузов из Китая в Россию и Европу. На границе создан крупнейший сухой порт «Хоргос», через который ежегодно проходят десятки миллионов тонн грузов и тысячи контейнерных поездов направления Китай – Европа.

Кроме того, Китай инвестирует в развитие так называемого Транскаспийского международного транспортного маршрута (Middle Corridor), проходящего через Кавказ. На саммите в Сиане Пекин подтвердил поддержку расширения транскаспийских маршрутов с использованием портов Актау и Курык на побережье Казахстана и Туркменбаши в Туркменистане [10].

Наконец, особое значение имеет новый проект железнодорожного коридора Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Договоренности о строительстве этой железной дороги были активизированы в 2022–2023 гг. Реализация маршрута через горы Тянь-Шаня свяжет китайскую дорогу в Кашгаре с узбекистанским Ферганским железнодорожным узлом через территорию Кыргызстана. Эта линия станет кратчайшим выходом Китая к Центральной Азии и Южной Азии, сократив путь до Ближнего Востока. В целом, развитие инфраструктурных коридоров под эгидой BRI трансформирует транспортно-логистический ландшафт Центральной Азии, делая регион не сухопутным тупиком, а важнейшим транзитным мостом между Востоком и Западом [11].

Формат сотрудничества «Китай–Центральная Азия»: C5+1

Новым этапом институционального влияния КНР стало формирование формата прямого диалога «Центральная Азия + Китай» (так называемый формат «C5+1»). Если ранее Пекин работал со странами региона в основном индивидуально или через ШОС, то теперь, учитывая активизацию других игроков (США, ЕС, Россия, Турция и даже Япония с намерением провести аналогичные встречи) Китай создал собственную площадку координации со всей «пятеркой» стран ЦА. Первая онлайн-встреча лидеров «Китай–ЦА» состоялась в 2022 г., а первый очный саммит глав государств прошёл 18–19 мая 2023 года в Сиане (КНР). На саммите было подписано множество соглашений, принята совместная Сианьская декларация, а председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул восемь крупных инициатив сотрудничества, охватывающих торговлю,

инвестиции, инфраструктуру, сельское хозяйство, энергетику, безопасность и культурные обмены. Китай фактически предложил комплексную программу углубления взаимодействия, основанную на индивидуальном подходе к потребностям каждой страны ЦА. Среди ключевых результатов саммита – объявление о регулярном характере таких встреч. Главы договорились проводить саммит «Китай–Центральная Азия» каждые два года, поочередно в Китае и одной из стран ЦА. В Сиане также обсуждалось создание постоянного Секретариата формата 5+1, который занимался бы мониторингом выполнения договоренностей и координацией новых проектов.

На саммитах «Китай–ЦА» Китай делает акцент на наиболее чувствительных для региона направлениях. Во-первых, это экономическое сотрудничество: в Сиане была запущена разработка Дорожной карты регионального сотрудничества 2022–2025, определяющей приоритетные сферы взаимодействия. Во-вторых, акцентировано развитие торговли и устранение барьеров – Китай пообещал обновить двусторонние соглашения об инвестициях и принять меры для упрощения торговых процедур, чтобы нарастить экспорт стран ЦА в КНР. В-третьих, огромная роль отведена транспортно-транзитной инфраструктуре: помимо уже упомянутых коридоров, лидеры договорились ускорить реализацию проекта газопровода «Центральная Азия – Китай» (линия D), который через Кыргызстан и Таджикистан добавит мощностей к существующим трем ниткам трубопровода из Туркменистана. В-четвертых, Китай включил в повестку вопросы продовольственной безопасности, борьбу с бедностью и экологические проекты (например, создание регионального центра по борьбе с опустыниванием), демонстрируя готовность содействовать устойчивому развитию ЦА.

Важно, что Китай подкрепляет политические обещания существенными финансовыми стимулами. На первом саммите в Сиане было объявлено о финансовой поддержке в 26 млрд юаней (3,72 млрд долл. США) в виде безвозмездной помощи и льготных кредитов странам Центральной Азии [12].

Китай на протяжении многих лет остаётся одним из трёх главных зарубежных инвесторов в странах Центральной Азии. Несмотря на широкий охват сфер сотрудничества, ключевым направлением его вложений продолжает быть энергетика (см. таблицу 1).

Таблица 1. Инвестиции Китая по отраслям в странах Центральной Азии (2008–2024)

Страна	Объём инвестиций (млрд долл.)	Отрасли инвестиций	Крупнейшие проекты	Комментарии / Значение
Казахстан	23-25 млрд	Энергетика, нефтегаз, транспорт, металлургия, логистика	МЦПС «Хоргос-Восточные ворота» (2012-н.в.); Сухие порты Сиань-Хоргос-Актау (2018-2023)	Крупнейший получатель инвестиций; ключевой коридор BRI

Узбекистан	15-18 млрд	Промышленность, транспорт, химия, энергетика, цифровизация	СЭЗ «Навои» (2008-н.в.) Модернизация промышленности (2015-2024);	Быстро растущая индустриальная база, высокий интерес Китая
Кыргызстан	4-5 млрд	Транспорт, дороги, ГЭС, логистика	Дороги «Север-Юг» (2014-2023); ГЭС и энергетические сети	Высокая доля кредитных инвестиций, уязвимость к долгам
Таджикистан	3-4 млрд	Энергетика, горнодобыча, индустрия, цемент, текстиль	СЭЗ «Дангара» (с 2011 г.); Цементные заводы (2013–2020)	Китай - крупнейший инвестор и кредитор страны
Туркменистан	более 20 млрд	Газовая промышленность, газопроводная инфраструктура	Газопровод «Центральная Азия -Китай» (2009-2022)	Одни из крупнейших энергетических контрактов в Евразии

Примечание: составлена на основе источника [13]

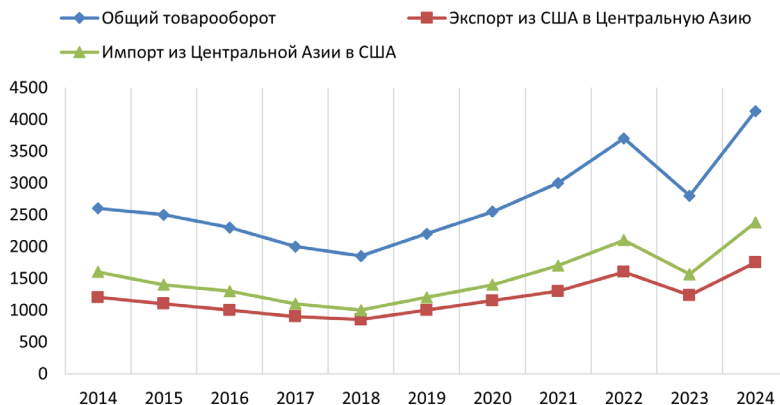
За последние годы Китай стал одним из ключевых внешних партнёров Центральноазиатского региона, предлагая масштабные инфраструктурные проекты, инвестиции и технологические решения. Основные направления сотрудничества охватывают транспортно-логистические коридоры, торговлю, промышленность, энергетику, цифровые технологии и гуманитарные инициативы. Представленная система программ демонстрирует переход от традиционной ресурсной модели к более комплексному, многоуровневому взаимодействию.

Американская модель экономического влияния в Центральной Азии

Торговля Центральной Азии с США: ограниченное участие и узкая направленность

На фоне бурного роста связей с Китаем, торгово-инвестиционное присутствие США в ЦА за последнее десятилетие оставалось скромным. Хотя США активно сотрудничали с государствами региона в политической и военной сферах (особенно в контексте Афганистана до 2021 г.), объем торговли между США и странами ЦА невелик. На Центральную Азию приходится лишь около 0,1% от общего товарооборота США. Даже в лучшие годы за последнее десятилетие двусторонняя торговля не превышала нескольких миллиардов долларов в год, что несопоставимо с показателями торговли региона с Китаем или ЕС. Тем не менее, и здесь за 10 лет произошли некоторые изменения и имеются свои важные тенденции. На графике 2 представлена динамика товарооборота между странами Центральной Азии и США за период 2014-2024 годов, что позволяет проследить общие тенденции и масштабы экономического взаимодействия [14].

График 2. Товарооборот между США и странами Центральной Азии в 2014-2024 гг. (млн долл.США)

Торговля между США и странами Центральной Азией носит преимущественно специализированный характер. Регион экспортирует в США главным образом сырье – особенно нефть и металлы из Казахстана. Именно Казахстан обеспечивает огромную долю центральноазиатского экспорта в США (на него приходится порядка 90% объема торговли с США). Так, в 2024 г. Казахстан обеспечил 96,7% совокупного экспорта стран ЦА в США (2,4 млрд долл. США из 2,5 млрд долл.США). Для сравнения, второй по величине экспортер Узбекистан продал в США товаров лишь на 44 млн долл.США. Ключевыми статьями импорта США из региона были и остается нефть и нефтепродукты из Казахстана, а также руды и металлы. В импорте других стран ЦА в США прослеживается схожая сырьевая направленность (например, узбекское золото или туркменский хлопок в некоторые годы). Обратно, экспорт США в Центральную Азию состоит из промышленной и высокотехнологичной продукции: это машины и оборудование, автомобили, авиационная и космическая техника, электроника, медикаменты и др. Опять же, основным получателем является Казахстан. Казахстан импортировал из США товары на 1,1 млрд долл.США в 2024 г. (62% американского экспорта в ЦА), тогда как импорт США в Узбекистан составил 381 млн долл.США, в Туркменистан – 82 млн долл.США, в Таджикистан – 57 млн долл.США. Торговля с Кыргызстаном измеряется десятками миллионов долларов и статистически мало влияет на общую картину (в 2024 г. экспорт США в Кыргызстан составил порядка 133 млн долл.США, импорт из Кыргызстана 17 млн долл.США). Среди крупнейших американских экспортных позиций в РК были самолеты и их части, промышленное оборудование, электроника. Узбекистан закупает у США оборудования для модернизации промышленности и сельского хозяйства, однако объемы относительно невелики. Киргизия и Таджикистан импортируют из США совсем мало, главным образом специализированное оборудование или транспорт (самолеты, если происходят поставки, или некоторые виды техники). Таким образом, США занимают нишевую роль: они поставляют в регион товары, требующие высоких технологий (авиатехника, энергетическое обо-

рудование, специализированные станки), и берут ограниченное количество сырья. Массовый же рынок потребительских и недорогих промышленных товаров полностью покрывается Китаем, Россией и другими партнерами [15].

Американские инвестиции и проекты

В сфере инвестиций США имеют в Центральной Азии точечное, но значимое присутствие. За последние десятилетия американские компании вложили крупные средства прежде всего в нефтегазовые проекты Казахстана. Благодаря участию компаний вроде Chevron и ExxonMobil в разработке казахстанских месторождений Тенгиз, Карачаганак, Кашаган и др., США стали одним из ведущих инвесторов в экономику Казахстана – совокупный объем прямых инвестиций США в Казахстан с 1993 г. превысил 60 млрд долл.США, (причем значительная часть – в 2010-е годы). По официальным данным, на начало 2023 г. накопленный объем прямых инвестиций из США в Казахстан достиг 43-45 млрд долл.США, что составляет примерно четверть всего иностранного капитала в стране. В других центральноазиатских государствах масштабы американских инвестиций намного скромнее. Узбекистан привлек некоторые вложения из США в текстильную отрасль, сельское хозяйство и недавно в энергетический сектор (например, проекты по газохимии), однако основные инвесторы там – Россия, Китай, ЕС и соседние страны. Киргизия и Таджикистан получили немного инвестиций из США преимущественно через программы помощи и в горнодобычу (канадско-американская компания Centerra Gold длительное время разрабатывала крупнейшее золотое месторождение Кумтор в Киргизии, хотя это канадская инвестиция). В целом структура американских инвестиций в регионе сосредоточена на добывающей отрасли, основной объем вложений США идет именно в сырьевой сектор и сопутствующую инфраструктуру [16]. Это означает, что американский капитал в ЦА ориентирован на добычу нефти, газа, урана, цветных и драгоценных металлов, а также на проекты транспортировки этих ресурсов (нефтепроводы, терминалы и пр.). Меньше внимания уделялось не сырьевым отраслям, хотя в последние годы предпринимались шаги к расширению сотрудничества: например, в 2018 г. американская компания General Electric заключила сделки по модернизации тепловых электростанций Узбекистана, ведутся переговоры о проектах в сфере возобновляемой энергетики и цифровизации. Тем не менее, по масштабам США существенно уступают Китаю в роли инвестора в ЦА.

В последние годы усиливающийся интерес США к региону проявляется также в транспортно-инфраструктурных проектах, что становится ключевым направлением диверсификации американского присутствия в Центральной Азии. Одним из наиболее значимых факторов является быстрое развитие Среднего транскаспийского коридора (Trans-Caspian Middle Corridor), который Вашингтон рассматривает как стратегическую альтернативу маршрутам, проходящим через Россию и Китай. Согласно аналитическим оценкам Caspian Policy Center, за последние годы коридор претерпел качественные изменения: время транзита грузов из Китая к Чёрному морю сократилось с 42 до 14 дней, а таможенные процедуры уменьшились с пяти часов до тридцати минут благодаря цифровизации и созданию единого «single window» для грузоперевозок. Контейнерные перевозки по линии Казахстан-Азербайджан-Гру-

зия увеличились в 14 раз в результате внедрения общего реестра грузов [17].

Эти изменения сделали Средний коридор конкурентоспособным инструментом евразийской логистики, что отвечает интересам США по диверсификации торговых путей и снижению зависимости региона от российских и китайских маршрутов. На этом фоне активизировалась региональная интеграция: Казахстан и Узбекистан увеличили взаимную торговлю до целевого уровня в 10 млрд долл. США, модернизируются порты Актау и Курык, а также реализуются или обсуждаются новые железнодорожные проекты (Китай-Киргизия-Узбекистан, Узбекистан-Афганистан-Пакистан, Казахстан-Туркменистан-Афганистан). В совокупности это формирует новый инфраструктурный каркас, который США могут поддерживать через инициативы C5+1, корпорация по международному развитию США (DFC) и программы по развитию критически важных цепочек поставок. Особое значение Средний коридор приобретает для американского доступа к стратегическим материалам региона – урану, меди, титану и редкоземельным металлам, что делает инфраструктурную повестку неотъемлемой частью экономической стратегии США в Центральной Азии.

Формат сотрудничества «США–Центральная Азия»: C5+1

Стремясь усилить свое экономическое присутствие, США в последние годы запустили ряд дипломатических и экономических инициатив, которые приобрели более институциональный характер. Формат C5+1, созданный в 2015 г., сначала носил ограниченный и преимущественно диалоговый характер, однако к 2022–2024 гг. трансформировался в полноценную многостороннюю платформу с секретариатом и системой специализированных программ [18]. На втором министерском заседании C5+1 в 2016 г. Вашингтон выделил 15 млн долл. на запуск пяти региональных проектов, включая инициативу по развитию транспортных коридоров, программу повышения конкурентоспособности бизнеса, проект Power the Future по расширению использования возобновляемой энергии и программу по адаптации к изменению климата.

После 2021 г. активность США существенно усилилась. В сентябре 2022 г. США объявили о запуске Инициативы экономической устойчивости ERICEN, предусматривающей выделение 50 млн долл. США на диверсификацию торговых маршрутов, привлечение инвестиций и развитие трудовых навыков в регионе. Одним из ключевых элементов стала программа C5+1, направленная на формирование профессиональной англоязычной среды в критически важных отраслях.

Качественный поворот произошёл в сентябре 2023 года, когда состоялся первый в истории саммит глав государств в формате C5+1. На нём президент США Дж. Байден инициировал запуск Диалога по критически важным минералам для расширения сотрудничества в цепочках поставок урана, редкоземельных элементов и металлов региона, что отражает растущую стратегическую значимость Центральной Азии для энергетической безопасности США. В дополнение была создана бизнес-платформа B5+1, первый форум которой прошёл в Алматы в 2024 г., став площадкой для прямых контактов между государствами и частным сектором и выработки рекомендаций по улучшению инвестиционного климата [19].

Дополнительный импульс американо-центральноазиатскому взаимодействию придала последняя встреча лидеров стран Центральной Азии и США, состоявшаяся 6 ноября в Вашингтоне. Саммит подтвердил переход к устойчивому стратегическому диалогу и обозначил ряд приоритетных направлений, среди которых ключевое место заняли развитие транспорта и логистики, поддержка экономической трансформации и координация по критически важным минералам. Особое внимание было уделено продвижению Транскаспийского маршрута: за последние пять лет объём перевозок по Среднему коридору вырос в шесть раз и достиг 4,5 млн тонн, а страны региона совместно с США обозначили цель увеличить транзит до 10 млн тонн в среднесрочной перспективе. Также стороны подтвердили намерение углублять сотрудничество в сферах цифровизации, «зелёной» энергетики и промышленной кооперации, что отражает стремление США расширить своё присутствие в несырьевых сегментах экономики региона и сделать формат C5+1 инструментом долгосрочного экономического партнёрства.

В последние годы США усилили своё участие в Центральной Азии, продвигая экономические, цифровые и энергетические инициативы. Сотрудничество охватывает модернизацию торговли, развитие высоких технологий, «зелёную» энергетику, транспортную связанность и образовательные программы, что отражает стремление США поддерживать устойчивое развитие стран региона (см. таблицу 2).

Таблица 2. Инвестиции США в странах Центральной Азии (2000–2024 гг.)

Страна	Объём инвестиций (млрд долл.)	Отрасли инвестиций	Крупнейшие проекты	Комментарии / Значение
Казахстан	45 млрд	Нефтегаз, энергетика, горнодобыча, авиация, финтех, ИИ	Контракт Air Astana-Boeing (2023-2025); AI/Fintech проекты Alatau City Bank-DDH (2024)	Один из крупнейших рынков США в Евразии; лидер по привлечению ПИИ
Узбекистан	2.5-3 млрд	Авиация, критические минералы, ИИ, сельское хозяйство, МСБ	Соглашения по критическим минералам (2023-2024); Заказ на Boeing 787 (2024);	Страна активно увеличивает долю американских инвестиций после реформ
Кыргызстан	0.3–0.4 млрд	Услуги, МСБ, цифровизация, образование	USAID Business Growth Programs (2019-2024); ICT/Startup поддержка	Низкая доля ПИИ, но заметная роль США в поддержке реформ
Таджикистан	0.5–0.6 млрд	Транспортные услуги, авиация, энергетические сервисы	Проект Somon Air -Boeing (2024); Программы энергетической устойчивости (2020–2023)	США- важный поставщик услуг и технологий

Туркменистан	1 млрд	Энергетические сервисы, телеком, логистика	Точечные энергетические проекты; Сотрудничество в ИКТ (2021-2024)	Ограниченное присутствие США из-за закрытости экономики
--------------	--------	--	---	---

Примечание: составлена на основе источника [20]

Совокупность реализуемых США программ демонстрирует переход от узкоэкономической модели взаимодействия к более комплексному партнёрству, ориентированному на устойчивое развитие, инновации и институциональное укрепление региональных государств. Такой подход отражает стремление США содействовать долгосрочной стабильности Центральной Азии, одновременно расширяя собственное стратегическое и геоэкономическое влияние в регионе.

Основные тенденции и выводы

Представленный сравнительный анализ экономического влияния Китая и США в Центральной Азии позволяет сделать несколько обобщающих и в то же время аналитически углублённых выводов, основанных на системе сопоставимых индикаторов – динамике торговли, структуре импорта и экспорта, инвестиционных потоках, инфраструктурных проектах и институциональных механизмах взаимодействия.

Во-первых, исследование подтверждает, что за последнее десятилетие Китай сформировал комплексную, многоуровневую и институционально оформленную модель внешнеэкономического присутствия в Центральной Азии. Китай обладает крупнейшим торговым оборотом с государствами региона; вносит масштабные прямые инвестиции в инфраструктуру, энергетику, добывающие отрасли; участвует в создании логистических коридоров и предлагает развитую систему политико-экономических инструментов (BRI, фонд Шёлкового пути, Exim Bank, форматы «Китай–ЦА»). Анализ показывает не только количественное доминирование, но и качественное изменение профиля китайского присутствия – от сырьевого и транспортного сотрудничества к промышленной кооперации, цифровым проектам и «зелёной» энергетике. При этом сохраняются и дискуссионные аспекты, включая долговую нагрузку Кыргызстана и Таджикистана, а также значительный торговый дисбаланс.

Во-вторых, модель США имеет более нишевый и селективный характер, но последние годы демонстрируют её институциональное усиление. Несмотря на то, что американская торговля и инвестиции в регионе значительно уступают китайским, США активизировали экономическую дипломатию через программы C5+1, ERICEN, USAID Trade Central Asia, PGI, DFC, инициативы по критическим минералам и развитию Среднего транскаспийского маршрута. В статье выявлено, что американская модель ориентирована преимущественно на высокотехнологичные отрасли, энергетику и институциональные реформы, что отличает её от инфраструктурно-инвестиционного подхода Китая. Данные в целом подтверждают, что влияние США растёт не за счёт объёмов торговли, а за счёт расширения спектра инструментов экономической политики и опоры на частный сектор.

В-третьих, сопоставление двух моделей демонстрирует, что региональная геоэкономическая архитектура формируется по логике асимметричной многовекторности. Китай – доминирующий актор в количественном выражении; США – важный поставщик технологий, инвестор в стратегические сектора и инициатор реформаторских и институциональных проектов. Различия моделей усиливают стремление государств Центральной Азии диверсифицировать партнёрства и избегать критической зависимости от одного центра силы. Регион, сохраняя высокий уровень взаимодействия с КНР, одновременно расширяет форматы сотрудничества с США, ЕС и другими государствами.

В-четвёртых, выявлены структурные ограничения обеих моделей. Китайская модель характеризуется долговыми рисками, торговым дисбалансом и высокой концентрацией на сырьевых отраслях. Американская же ограничена малым объёмом торговли, отсутствием крупных инфраструктурных инвестиций и зависимостью от политических циклов США. Это указывает на то, что ни одна из моделей в отдельности не является достаточной для устойчивого экономического развития стран региона.

В-пятых, научная новизна исследования заключается в систематизации двух внешнеэкономических моделей на основе единого набора сравнительных индикаторов — торгового баланса, структуры экспорта и импорта, инвестиционных потоков, институциональных механизмов и транспортно-логистических параметров, что позволяет не только описать текущую ситуацию, но и выявить стратегические эффекты, включая усиление транзитной роли Центральной Азии, рост значения критических минералов для обоих акторов, формирование альтернативных логистических цепочек и изменение природы региональной зависимости.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что Центральная Азия находится в точке пересечения двух различных по масштабу, инструментарию и целям моделей экономического влияния. Китай формирует материальный и инфраструктурный контур развития региона; США же институциональный, технологический и нормативный. Для государств Центральной Азии оптимальной стратегией остаётся комбинация возможностей обеих моделей при сохранении многовекторности, усилении внутренней экономической устойчивости, управлении долговыми рисками и минимизации односторонних зависимостей.

Полученные результаты также создают основание для дальнейших исследований, в частности, построения индекса внешнеэкономической зависимости, анализа корреляции между структурой инвестиций и торговыми потоками, а также оценки долгосрочных эффектов конкуренции Китая и США на региональную безопасность и экономическое развитие.

Китай и Грузия достигли значительных результатов в сфере культурного сотрудничества и обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это является примером для стран, участвующих в инициативе, в области культурного обмена и сотрудничества, а также предоставляет полезные ориентиры для культурного взаимодействия между Китаем и другими государствами.

Список литературы

1. China reports robust trade growth with Central Asian states // Eurasianet. URL: <https://eurasianet.org/china-reports-robust-trade-growth-with-central-asian-states> (дата обращения: 06.02.2025).
2. Countries & Regions: South & Central Asia // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia> (дата обращения: 07.02.2025).
3. China and Central Asia: Bilateral Trade Relationships and Future Outlook // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-central-asia-bilateral-trade-relationships-and-future-outlook/> (дата обращения: 10.02.2025).
4. China Regional Snapshot: Central Asia // Committee on Foreign Affairs, U.S. Congress. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-snapshot-project-central-asia> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Economic Cooperation between Central Asia and China // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china> (дата обращения: 12.02.2025).
6. The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road // Caspian Policy Center. URL: <https://caspianpolicy.org/research/economy/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Махмутова Е. В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28. – № 28. – С. 88-99.
8. Далелхан А. Особенности региональной политики КНР и ее отражение в отношениях с Казахстаном // Қазақстан шығыстануы. – 2024. – Т. 11, № 3.
9. Иброхимзода У. Х., Дмитриева М. О., Ризоён Ш. Ш. Саммит" Центральная Азия–Китай": региональные аспекты и геополитические последствия // Известия Восточного института. – 2023. – № 4 (60). – С. 131-139.
10. The New Era of Central Asia–China Cooperation: The Case of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway> (дата обращения: 20.11.2025).
11. Байзакова К., Оракбаева У., Усен М. Политика Китая в Центральной Азии // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – 2023. – Т. 53, № 3. – DOI: <https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.53.3.011>.
12. General Administration of Customs of the People's Republic of China. Customs statistics. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexen> (дата обращения: 12.02.2025).
13. Central Asia: A Brief Overview of International Trade // U.S. International Trade Commission. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_central_asia_brief_overview_trade.pdf (дата обращения: 13.02.2025).
14. US Investments in Kazakhstan's Economy Exceed \$60 Billion // The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2023/07/us-investments-in-kazakhstans-economy-exceed-60-billion> (дата обращения: 13.02.2025).

15. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. – 464 с.
16. Rentschler J., et al. The Trans-Caspian Corridor – Geopolitical implications and transport opportunities // *Journal of Transport Geography*. – 2025. – Vol. 125. – P. 104211.
17. Десятилетие сотрудничества Центральной Азии с США в формате «С5+1» // Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). URL: <https://kisi.kz/ru/desyatiletie-sotrudnichestva-centralnoj-azii-s-ssha-v-formate-c5-1> (дата обращения: 15.02.2025).
18. Лексютина Я. В. Механизм «5+1» во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2025. – № 2 (73). – С. 140–146.
19. Саммит «Центральная Азия + США»: развитие устойчивого стратегического диалога // Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). URL: <https://kisi.kz/ru/sammit-centralnaya-aziya-ssha-razvitiye-ustojchivogo-strategicheskogo-dialoga>
20. United States State Department. Countries & Regions. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.02.2025).

References:

1. China reports robust trade growth with Central Asian states // *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/china-reports-robust-trade-growth-with-central-asian-states> (data obrashheniya: 06.02.2025).
2. Countries & Regions: South & Central Asia // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia> (data obrashheniya: 07.02.2025).
3. China and Central Asia: Bilateral Trade Relationships and Future Outlook // *China Briefing*. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-central-asia-bilateral-trade-relationships-and-future-outlook/> (data obrashheniya: 10.02.2025).
4. China Regional Snapshot: Central Asia // Committee on Foreign Affairs, U.S. Congress. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-snapshot-project-central-asia> (data obrashheniya: 10.02.2025).
5. Economic Cooperation between Central Asia and China // *Eurasian Research Institute*. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china> (data obrashheniya: 12.02.2025).
6. The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road // *Caspian Policy Center*. URL: <https://caspiantpolicy.org/research/economy/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (data obrashheniya: 12.02.2025).
7. Maxmutova E. V. O novom politicheskom mexanizme Kitaya v Central'noj Azii [On China's New Political Mechanism in Central Asia] // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. – 2023. – Т. 28. – №. 28. – С. 88-99.
8. Dalelxan A. Osobennosti regional'noj politiki KNR i ee otrazhenie v otnosheniyax s Kazaxstanom [Peculiarities of China's regional policy and its reflection in relations with Kazakhstan] // *Қазақстан shy'ry' stanuy'*. – 2024. – Т. 11, № 3.
9. Ibroximzoda U. X., Dmitrieva M. O., Rizoyon Sh. Sh. Sammit Central'naya Aziya–Kitaj: regional'ny'e aspekty' i geopoliticheskie posledstviya [Central Asia–China Summit: Regional Aspects and Geopolitical Implications] // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. – 2023. – №. 4

- (60). – S. 131-139.
10. The New Era of Central Asia–China Cooperation: The Case of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway> (data obrashheniya: 20.11.2025).
  11. Bajzakova K., Orakbaeva U., Usen M. Politika Kitaya v Central'noj Azii [China's Policy in Central Asia] // Izvestiya. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya i regionovedenie. – 2023. – T. 53, № 3. – DOI: <https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.53.3.011>.
  12. General Administration of Customs of the People's Republic of China. Customs statistics. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexen> (data obrashheniya: 12.02.2025).
  13. Central Asia: A Brief Overview of International Trade // U.S. International Trade Commission. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_central_asia_brief_overview_trade.pdf (data obrashheniya: 13.02.2025).
  14. US Investments in Kazakhstan's Economy Exceed \$60 Billion // The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2023/07/us-investments-in-kazakhstan-economy-exceed-60-billion> (data obrashheniya: 13.02.2025).
  15. Laumulin M.T. Central'naya Aziya v e'poxu transformacii [Central Asia in its transformation phase]. – Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2020. – 464 s.
  16. Rentschler J., et al. The Trans-Caspian Corridor – Geopolitical implications and transport opportunities // Journal of Transport Geography. – 2025. – Vol. 125. – P. 104211.
  17. Desyatiletie sotrudnichestva Central'noj Azii s SShA v formate «C5+1» [Decade of cooperation between Central Asia and the United States in the "C5+1" format] // Kazaxstanskij institut strategicheskix issledovanij (KISI). URL: <https://kisi.kz/ru/desyatiletie-sotrudnichestva-centralnoj-azii-s-ssha-v-formate-c5-1> (data obrashheniya: 15.02.2025).
  18. Leksyutina Ya. V. Mexanizm «5+1» vo vzaimodejstvii SShA s Central'noj Aziej: motivaciya primeneniya i vy'dvinuty'e iniciativy` [The 5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Application and Initiatives Put Forward] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. – 2025. – № 2 (73). – S. 140–146.
  19. Sammit «Central'naya Aziya + SShA»: razvitie ustojchivogo strategicheskogo dialoga [Central Asia + US Summit: Developing a Sustainable Strategic Dialogue] // Kazaxstanskij institut strategicheskix issledovanij (KISI). URL: <https://kisi.kz/ru/sammit-centralnaya-aziya-ssha-razvitie-ustojchivogo-strategicheskogo-dialoga>
  20. United States State Department. Countries & Regions. URL: <https://www.state.gov/> (data obrashheniya: 16.02.2025).

Материал поступил в редакцию 28.03.2025
Утвержден к публикации 18.12.2025

IRSTI:
06.81.65

**PRESIDENTIAL YOUTH
PERSONNEL RESERVE OF
KAZAKHSTAN: EVOLUTION AND
PROSPECTS FOR MERITOCRATIC
PUBLIC ADMINISTRATION**

**Meirambek Yerbatyrov^{1*}
Mukhtarima Zhetpisbayeva²
Zhelyu Vladimirov³**

^{1*} PhD student of Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: yerbatyr.meirambek@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6382-9553>

² Professor of Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Candidate of Economic Sciences, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: rimakeu@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1341-3563>, Scopus Author ID: 57193690902

³ Professor of University of Sofia St Kliment Ohridski, Doctor of Economic Sciences, Sofia, Bulgaria; e-mail: jeve@feb.uni-sofia.bg, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0435-6827>, Scopus Author ID: 36783781200

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.002>

Abstract. Drawing on administrative microdata and official reports, the article presents the first comprehensive evaluation study of Kazakhstan's Presidential Youth Personnel Reserve as an instrument of meritocratic renewal within the post-Soviet public administration system. It analyzes the demographic composition, multi-stage selection procedures, and career outcomes of three cohorts (2019, 2021, 2023) comprising 400 participants. Descriptive statistics indicate a significant increase in competitiveness, while gender and regional disparities persist. Logistic regression demonstrates that foreign education and prior managerial experience substantially increase the likelihood of appointments to central government bodies. A comparative analysis with international programs (Fast Stream, Presidential Management Fellows, Administrative Service Singapore) reveals a high level of competitiveness within the PYPR alongside limitations in mentoring and rotational mechanisms. The SWOT analysis highlights the program's strengths while identifying risks related to

a narrowing selection funnel and decreasing inclusivity. The recommendations aim to enhance regional representation, gender-sensitive recruitment, structured mentorship, and transparency of career pathways.

It should be specifically emphasized that the scientific work was carried out independently by the author. Artificial intelligence was not used in preparing the main text, analyzing data, or generating conclusions. In accordance with paragraphs 5 and 5-2 of the Rules for the Awarding of Degrees, AI technologies were used solely for minor technical language corrections, which do not affect the scientific content or authorship.

Keywords. *Presidential Youth Personnel Reserve; meritocratic recruitment; Kazakhstan civil service; talent pipeline; public administration reform.*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ПРЕЗИДЕНТТІК ЖАСТАР КАДР РЕЗЕРВІ: ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ МЕРИТОКРАТИЯЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУДЫҢ БОЛАШАҒЫ

Мейрамбек Ербатыров^{1*}, Мұхтарима Жетпісбаева², Желю Владимиров³

^{1*}«Қазтұтынуодағы Қарағанды университетінің PhD докторанты, Қарағанды, Қазақстан; e-mail: yerbatyr.meirambek@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6382-9553>

²Қазтұтынуодағы Қарағанды университетінің профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты, Қарағанды, Қазақстан; e-mail: rimakeu@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1341-3563>, Scopus Author ID: 57193690902

³«Св. Климент Охридский» атындағы София университетінің профессоры, экономика ғылымдарының докторы, София, Болгария; e-mail: jeve@feb-uni.sofia.bg, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0435-6827>, Scopus Author ID: 36783781200

Аңдатпа. Әкімшілік микродеректер мен ресми есептерге сүйене отырып, бұл мақала Қазақстанның Президенттік жастар кадр резервін посткеңестік мемлекеттік басқару жүйесін меритократиялық жаңғырту құралы ретінде жан-жақты бағалайтын алғашқы зерттеу болып табылады. Зерттеу барысында үш іріктеу кезеңінің (2019, 2021, 2023 жж.) демографиялық құрамы, көпсатылы бағалау рәсімдері және 400 қатысушының карьерлік нәтижелері талданады. Сипаттамалық статистика конкурс деңгейінің айтарлықтай артқанын көрсеткенімен, гендерлік және өңірлік теңсіздіктер сақталуда. Логистикалық регрессия шетелдік білім мен басқарушылық тәжірибенің орталық мемлекеттік органдарға тағайындалу ықтималдығын едәуір арттыратынын айқындайды. Fast Stream, Presidential Management Fellows және Administrative Service Singapore сияқты халықаралық бағдарламалармен салыстырмалы талдау ПЖКР-дың жоғары бәсекелестік деңгейін растайды, бірақ менторлық пен ротациялық механизмдердің жеткіліксіздігін көрсетеді. SWOT-талдау бағдарламаның күшті жақтарын айқындап, «воронканың» тарылуы мен инклюзивтіліктің төмендеуі сияқты тәуекелдерге назар аудара-

ды. Ұсыныстар өңірлік қамтуды кеңейтуге, гендерге сезімтал рекрутингті дамытуға, құрылымдалған менторлықты нығайтуға және мансаптық траекториялардың ашықтығын арттыруға бағытталған.

Ғылыми жұмыстың автор тарапынан толықтай дербес орындалғанын ерекше атап өткен жөн. Жасанды интеллект негізгі мәтінді дайындау, деректерді талдау немесе қорытынды жасау үшін қолданылған жоқ. Диссертациялық жұмыстарға қойылатын талаптардың 5 және 5-2-тармақтарына сәйкес, ЖИ технологиялары тек техникалық тілдік түзетулер үшін ғана қолданылды, бұл ғылыми мазмұнға және авторлыққа әсер етпейді.

***Түйін сөздер:** Президенттік жастар кадр резерві; меритократиялық іріктеу; Қазақстан мемлекеттік қызметі; кадрлық лифт; мемлекеттік басқару реформасы.*

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ КАЗАХСТАНА: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕРИТОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Мейрамбек Ербатыров^{1*}, Мухтарима Жетписбаева², Желю Владимиров³

¹ Докторант PhD Карагандинского университета Казпотребсоюза, Караганды, Казахстан; e-mail: yerbatyr.meirambek@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6382-9553>

² Профессор Карагандинского университета Казпотребсоюза, кандидат экономических наук, Караганды, Казахстан; e-mail: rimakeu@mail.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1341-3563>, Scopus Author ID: 57193690902

³ Профессор Софийского университета «Св. Климент Охридский», доктор экономических наук, София, Болгария; e-mail: jeve@feb-uni.sofia.bg, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0435-6827>, Scopus Author ID: 36783781200

Аннотация. Опираясь на административные микроданные и официальные отчёты, статья представляет первое комплексное оценочное исследование Президентского молодежного кадрового резерва Казахстана как инструмента меритократического обновления постсоветской системы государственного управления. Анализируются демографический состав, многоэтапные процедуры отбора и карьерные результаты трёх наборов (2019, 2021, 2023), охватывающих 400 участников. Описательная статистика фиксирует значительный рост конкурсности, при этом сохраняются гендерные и региональные дисбалансы. Логистическая регрессия показывает, что иностранное образование и предыдущий управленческий опыт существенно повышают вероятность назначения в центральные органы. Сравнительный анализ с международными программами (Fast Stream, Presidential Management Fellows, Administrative Service Singapore) выявляет высокий уровень конкурсности ПМКР при недостатке менторских и ротационных механизмов. SWOT-анализ подчёркивает сильные стороны программы, но указывает на

риски, связанные с сужением «воронки» и снижением инклюзивности. Представленные рекомендации ориентированы на усиление регионального охвата, гендерно-чувствительного рекрутинга, структурированного наставничества и прозрачных карьерных траекторий.

Отдельно следует подчеркнуть, что научная работа выполнена автором самостоятельно. Искусственный интеллект не применялся для подготовки основного текста, анализа данных или выводов. В соответствии с п. 5 и п. 5-2 Правил присуждения степеней ИИ использовался исключительно для технических языковых корректур, что не оказывает влияния на научное содержание и авторство.

Ключевые слова: Президентский молодежный кадровый резерв (ПМКР); меритократический отбор; государственная служба Казахстана; кадровый лифт; реформа государственного управления.

Introduction

In the contemporary context of global administrative reforms and increasing demands for public sector efficiency, the systematic development of human resources in public administration has emerged as a pivotal component of institutional modernization. The pursuit of meritocracy, transparency, and evidence-based talent management has become a hallmark of governance reforms across developed and emerging economies alike [1, 2]. Within this paradigm, the Republic of Kazakhstan has launched a unique initiative—the Presidential Youth Personnel Reserve (PYPR)—designed to establish a transparent social elevator for talented young professionals aspiring to contribute to public service at the highest levels.

Since its inception in 2019, the PYPR has undergone substantial evolution in scope, procedural design, and strategic focus. Initially conceived as a large-scale program to attract up to 300 candidates for leadership positions in government and quasi-governmental organizations, the Reserve has transformed into a more selective, specialized mechanism prioritizing the development of narrowly profiled sectoral leaders. This trajectory mirrors international best practices such as the Fast Stream in the United Kingdom, the Presidential Management Fellows (PMF) program in the United States, and the Administrative Service Scheme in Singapore, while also reflecting the unique institutional and socio-political context of Kazakhstan.

Despite its prominence in public discourse, the scholarly examination of the PYPR remains limited. Existing literature on public sector human resource management in emerging economies [3, 4, 5] highlights the importance of analyzing talent identification mechanisms not only as technical recruitment tools but also as instruments of legitimacy, professionalization, and social mobility. From this perspective, the PYPR represents a compelling case for investigating how meritocratic principles are operationalized within a post-Soviet administrative system and what implications such mechanisms have for public sector modernization.

This article contributes to the literature by offering a comprehensive analysis of the PYPR's evolution, demographic composition, selection processes, and career outcomes of its participants over three waves of implementation (2019, 2021, and 2023).

In addressing these questions, the study seeks to advance both the theoretical

understanding and practical discourse on meritocracy, public sector talent pipelines, and institutional reforms in transitional economies.

In doing so, it offers a rare empirical examination of an understudied region—Central Asia—and contextualizes Kazakhstan's experience within global debates on administrative modernization.

Contribution to Theory and Practice

This study advances scholarship on public-sector talent pipelines in transitional economies in four ways. First, it integrates meritocratic theory, social-mobility frameworks, and Public Service Motivation into a single analytical lens, offering a theoretically grounded model for evaluating elite-selection programs. Second, by analysing three PYPR cohorts (2019, 2021, 2023) with original administrative micro-data, it provides one of the first longitudinal examinations of Kazakhstan's civil-service talent pipeline. Third, comparative benchmarking against flagship international programmes (Fast Stream, PMF, Administrative Service) refines existing typologies of state-sponsored talent management. Fourth, the findings generate actionable recommendations—mentorship structures, regional outreach, and gender-sensitive recruitment—that help practitioners balance meritocratic selectivity with social equity.

2 Literature Review

The emergence of talent management systems in public administration has been extensively discussed in the literature as a response to the evolving expectations of citizens, the increasing complexity of governance, and the intensification of competition for qualified human capital [3, 5, 6]. This section critically examines the theoretical frameworks and empirical studies that inform the analysis of the PYPR, with a focus on three interrelated concepts: meritocracy, social mobility (social elevators), and PSM.

2.1 Meritocracy as an Organizing Principle

The notion of meritocracy has evolved from Michael Young's [7] original satirical critique into a normative principle that underpins modern bureaucracies. Meritocracy entails that access to public sector positions and career advancement should be determined primarily by demonstrated competencies, qualifications, and performance, rather than personal networks, patronage, or arbitrary criteria [8, 9].

Weber's [10] theory of rational-legal authority provides the foundational justification for meritocratic recruitment, arguing that bureaucratic efficiency depends on systematic selection processes that favor objective assessments over ascriptive characteristics. Subsequent scholarship [11, 12] has demonstrated that merit-based systems contribute to higher organizational performance, citizen trust, and administrative legitimacy.

In transitional economies, including post-Soviet states, implementing meritocracy has been both a priority and a challenge. Researchers have identified persistent risks of «informal networks», nepotism, and limited transparency in selection processes [6, 13]. The PYPR can thus be seen as an institutional experiment to strengthen meritocratic foundations in Kazakhstan's civil service.

2.2 Social Mobility and Talent Pipelines

The concept of social mobility, or the capacity of individuals to ascend to higher

social or professional strata, is closely linked to the idea of «social elevators». Sorokin [14] distinguished between vertical and horizontal mobility, noting that state institutions often act as gatekeepers of vertical advancement.

In public administration, talent pipelines such as fast-track programs and leadership reserves serve dual purposes: they professionalize the bureaucratic corps and signal inclusiveness and opportunity [15, 16]. The OECD [1] has emphasized that transparent selection mechanisms can reduce perceptions of elitism and enhance the attractiveness of public service careers.

Studies on international programs provide relevant insights:

Fast Stream (UK): Established to attract graduates into a career trajectory involving structured rotations and rapid promotion. Evaluations highlight high competition, rigorous competency assessments, and strong career development support [5].

PMF (US): A prestigious two-year program designed to prepare graduates for leadership roles. While it emphasizes merit-based selection, researchers note challenges related to limited positions and inconsistent mentorship [3].

Administrative Service Scheme (Singapore): A model characterized by early identification of talent, strong investment in overseas education, and a culture of performance-driven progression. Scholars often cite it as an exemplar of integrated talent management [6].

Leaders of Russia (Russia): A competition combining assessment centers, mentorship, and public visibility. Though widely publicized, it has been critiqued for potential politicization and opacity [17].

Comparing these models suggests that the effectiveness of a talent reserve depends not only on selection mechanisms but also on structured career support, transparent communication, and alignment with broader public administration reforms.

However, the existing literature provides limited empirical scrutiny of how such programs function in non-Western and post-Soviet environments. While prior research highlights the normative appeal of meritocratic recruitment, there is a lack of evidence regarding the long-term implications for diversity, organizational performance, and social legitimacy. This gap underscores the relevance of studying the PYPR in Kazakhstan as a distinctive institutional experiment.

2.3 Public Service Motivation

PSM refers to the intrinsic motivation individuals experience when pursuing goals aligned with public interest, social equity, and civic duty [11]. PSM has been shown to correlate with higher job satisfaction, organizational commitment, and performance [6, 13, 18].

Recent research has stressed the importance of infusing PSM throughout the talent management cycle, from recruitment messaging to performance evaluation [5, 6]. For example, job advertisements emphasizing public value attract candidates with higher PSM, improving retention and engagement [19].

In the case of the PYPR, public narratives often position the program as a patriotic duty and a vehicle for contributing to the nation's development. However, there is limited empirical evidence on whether these narratives translate into sustained PSM among participants, highlighting an area for further inquiry.

2.4 Gaps in the Literature

While extensive scholarship exists on meritocracy and talent pipelines in Western contexts, studies focusing on post-Soviet and Central Asian countries remain sparse. Notably, the intersection of: rigorous selection mechanisms, social mobility narratives, and long-term career trajectories has not been systematically examined in Kazakhstan.

Most available analyses are either descriptive reports or policy documents lacking in theoretical framing and critical evaluation.

Moreover, there is a paucity of research exploring how demographic factors (gender, region of origin, prior sector experience) influence selection outcomes and subsequent promotions in such programs. The PYPR thus offers a unique empirical context to contribute to the literature on merit-based recruitment, PSM, and public sector modernization in transitional economies.

2.5 Contribution of This Study

This article addresses the identified gaps by:

- Providing a longitudinal analysis of PYPR demographics, selection processes, and career trajectories over three cohorts.
- Situating the findings within global debates on meritocracy and public service attractiveness.
- Offering a critical evaluation of program effectiveness through a SWOT framework.

Advancing recommendations for policy and practice that can inform not only Kazakhstan but also other countries exploring similar initiatives.

2.6 Conceptual Framework

Building on the preceding literature, this study proposes a conceptual framework that integrates three interrelated theoretical domains: meritocracy, social mobility, and PSM. The framework aims to elucidate the mechanisms through which the design and implementation of the PYPR are expected to influence selection outcomes, career trajectories, and organizational performance.

Meritocracy serves as the primary organizing principle, positing that systematic, competency-based recruitment increases the legitimacy and effectiveness of public institutions [9, 11]. Rigorous selection processes are theorized to produce higher-quality entrants whose skills and motivation align with the strategic needs of the public sector.

Social Mobility is conceptualized here as both an outcome and a legitimizing narrative. By providing transparent pathways for young professionals to access elite administrative positions, talent pipelines such as the PYPR function as «social elevators», potentially reducing perceptions of entrenched privilege [14, 15]. However, research also cautions that without accompanying inclusivity measures, such programs may inadvertently reinforce existing socio-economic inequalities [19].

PSM is posited as a mediating factor shaping the long-term impact of selection programs. High levels of PSM among candidates are expected to correlate positively with organizational commitment, retention, and performance outcomes [6]. Conversely, if selection processes overly prioritize formal credentials without attention to intrinsic motivation, the benefits of meritocracy may be diluted over time.

Based on this integrated framework, the study examines the following relationships:

- Selection Inputs: Demographic characteristics, educational background, and professional experience.
- Mediators: PSM levels and perceptions of procedural fairness.
- Outcomes: Appointment rates, promotion trajectories, and retention.
- Contextual Factors: Regional disparities, gender imbalances, and institutional capacity for mentorship.

3 Methodology

This study adopts an explanatory mixed-methods design that combines quantitative statistical analysis with qualitative comparative and interpretive techniques. On the quantitative side, administrative micro-data on all 400 PYPR participants are used to construct individual-level indicators of socio-demographic background, human capital, and career outcomes. These data are analysed through descriptive statistics, bivariate association tests, and logistic regression models. On the qualitative side, documentary analysis of legal acts, official reports, and programme descriptions is employed to reconstruct the institutional evolution of the PYPR and to benchmark it against comparable international talent pipelines.

The overall methodological strategy is to (1) establish empirical patterns in the composition and outcomes of the three PYPR cohorts, (2) relate these patterns to changes in programme design and broader civil-service reforms, and (3) assess the extent to which the observed evidence supports or challenges theoretical expectations derived from meritocracy, social-mobility, and Public Service Motivation (PSM) frameworks.

3.1 Data Sources

The empirical analysis relies on a comprehensive dataset that combines publicly available documentation with confidential administrative micro-data. Three main categories of sources were used.

Official statistical and analytical reports. The National Reports on the State of the Civil Service in the Republic of Kazakhstan for 2020–2024 provide aggregate information on civil-service demographics, gender composition, regional distribution, and overall staffing trends. These reports are used primarily as a contextual benchmark for comparing PYPR participants with the broader civil-service workforce.

Legal and institutional documents. The Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 141 of 27 August 2019 «On Certain Issues of the Presidential Youth Personnel Reserve» and subsequent by-laws define the legal status, eligibility criteria, and selection procedures of the PYPR. These sources are systematically reviewed to identify major design changes across cohorts (e.g., cohort size, age limits, competence profiles).

Administrative micro-data on PYPR participants. The core dataset consists of anonymised individual-level records for all 400 participants selected in the 2019, 2021, and 2023 cohorts. The data were formally requested via the eOtinish portal and officially provided by the Agency for Civil Service Affairs of the Republic of Kazakhstan; the request was registered and processed in early 2025, and the final validated files were delivered on 7 March 2025. The database includes variables on

socio-demographic characteristics (age, gender, region of origin), education (highest degree, foreign-education status, field of study), professional experience (years of work, sector of origin), and post-selection career outcomes (appointment status, level of position, number of promotions).

3.2 Units of Analysis

To capture the multilayered character of the PYPR and align the evidence with the study's research questions (RQ 1–5) and hypotheses (H 1–H 3), three nested units of analysis are employed:

- Individual level (micro). Each of the 400 participants selected across the 2019, 2021, and 2023 cohorts constitutes one case. Variables measured include socio-demographics (age, gender, region of origin), human-capital indicators (highest degree, foreign-education status, years of professional experience), and career outcomes (appointment status, number of promotions). This level allows direct testing of gender and education effects on appointment probability (H2–H3) through chi-square tests and logistic regression.
- Cohort level (meso). For every wave, aggregate profiles—mean age, gender proportion, regional-diversity indices, competition ratios, and other descriptive statistics—are computed. Cross-cohort comparison of these composites illuminates temporal trends in selectivity and inclusivity, furnishing evidence for H1 and addressing RQ 1.
- Program-level (macro). System-wide metrics such as total applicant volume, conversion and attrition rates, and procedural design changes provide a panoramic lens on the PYPR's overall effectiveness. These indicators feed into the SWOT framework and international benchmarking that answer RQ 3–4.

Analyzing the PYPR concurrently at micro, meso, and macro scales ensures that individual career trajectories are interpreted in light of their cohort context and the evolving institutional environment, thereby reducing ecological fallacy and strengthening internal validity.

3.3 Analytical Procedures

The research process comprised four main stages:

3.3.1 Descriptive Statistics

Quantitative data were aggregated and summarized to establish baseline trends across three waves of the PYPR. The following descriptive measures were computed:

Competition Ratio: Total number of applicants divided by the number of available slots.

Mean and Median Age: To assess the degree of generational renewal.

Gender Proportions: Share of female participants and appointed candidates.

Regional Distribution: Proportion of participants originating from major urban centers versus other regions.

Educational Background: Share of graduates from foreign universities, holders of advanced degrees.

Professional Experience: Average years of prior work, sectoral origins (public, quasi-governmental, private).

Appointment and Promotion Rates: Share of participants receiving appointments and subsequent promotions.

All statistical calculations were conducted in Microsoft Excel and R.

3.3.2 Comparative Analysis

International benchmarking was performed to situate the PYPR within the broader landscape of global talent management programs. For each comparative program (Fast Stream, PMF, Administrative Service), the following parameters were evaluated:

- Eligibility criteria.
- Competition ratios.
- Selection mechanisms.
- Career support systems (e.g., mentorship, rotations).
- Measured outcomes.

This approach provided a reference framework to assess the relative strengths and weaknesses of the PYPR.

3.3.3 SWOT Analysis

A qualitative SWOT analysis was undertaken to synthesize insights from the descriptive and comparative analyses. The four dimensions examined were:

- Strengths: Attributes of the PYPR that enhance its effectiveness (e.g., digitalization of processes).
- Weaknesses: Internal limitations (e.g., regional imbalances, lack of systematic mentorship).
- Opportunities: External factors that could be leveraged (e.g., creation of political leadership reserves).
- Threats: Risks that could undermine the sustainability of the program (e.g., demotivation, attrition).

3.3.4 Hypothesis Development

Based on patterns observed in the data, the study formulated and examined the following hypotheses:

H1: The reduction in cohort size over time is associated with a strategic shift towards higher specialization and increased selectivity.

H2: Participants with foreign educational backgrounds are more likely to receive appointments within central government bodies.

H3: Female candidates are underrepresented among appointments despite higher educational attainment.

In addition to descriptive statistics, exploratory bivariate analyses were conducted to identify potential associations between demographic characteristics (e.g., gender, educational background) and appointment outcomes. Chi-square tests and correlation coefficients were calculated to assess the strength and significance of observed relationships.

To complement descriptive and bivariate analyses, a parsimonious binary logistic regression model was estimated to assess the probability of appointment to a governmental position as a function of gender, foreign educational background, and prior work experience. These three predictors were selected because they are consistently available across all cohorts and correspond directly to the study's hypotheses H2–H3.

It should be noted that the model does not explicitly control for a range of potentially relevant factors, such as detailed sectoral specialisations, the prestige or quality of specific universities, micro-level organisational characteristics, or

informal professional networks. In several cases, the relevant variables were either absent from the administrative dataset or recorded too inconsistently to be used in multivariate analysis without risking overfitting. As a result, the estimated coefficients should be interpreted as capturing broad associations rather than the isolated causal impact of any single characteristic. Coefficients, standard errors, and significance levels were computed to evaluate the strength of associations, and summary results are presented in Table 1.

Table 1. Logistic Regression Predicting Appointment Probability

Variable	Coefficient (B)	Std. Error	Wald χ^2	p-value	Odds Ratio
Gender (Female=1)	-0.56	0.21	7.11	0.008	0.57
Foreign Education (Yes=1)	+0.73	0.19	14.68	<0.001	2.07
Work Experience (years)	+0.04	0.02	3.84	0.050	1.04
Constant	-1.21	0.33	13.44	<0.001	—

Note: N = 400; Nagelkerke R² = 0.21

These hypotheses are explored in Section 4.

3.4 Limitations

Several limitations must be acknowledged:

- **Data Completeness:** While administrative records provide comprehensive coverage, certain variables (e.g., detailed performance evaluations, motivational profiles) were not consistently available.
- **Potential Reporting Bias:** Official reports may emphasize positive outcomes, potentially underreporting attrition or dissatisfaction.
- **Causality:** As this is primarily a descriptive and correlational study, causal inferences must be interpreted cautiously.
- Despite these limitations, the methodological design is robust in capturing key trends and enabling informed interpretation.

4 Results

This section presents the empirical findings derived from the descriptive and comparative analysis of the PYPR across three cohorts (2019, 2021, and 2023). The results are structured into six subsections: applicant pool characteristics, selection dynamics, demographic profiles, educational and professional backgrounds, appointment outcomes, and preliminary hypothesis testing.

4.1 Applicant Pool and Competition Dynamics

As shown in Table 2, the program demonstrated significant variations in applicant volume and competition ratios across the three waves.

Table 2. Applicant Volume and Competition Ratios

Cohort Year	Applications Submitted	Eligible Candidates	Selected Candidates	Competition Ratio*
2019	13 000	7 312	300	24.3
2021	22 000	8 638	50	172.7

2023	30 000	6 404	50	128.0
<i>*Competition Ratio: Eligible Candidates / Selected Candidates</i>				

Observations: The absolute number of applications increased more than twofold between 2019 and 2023, demonstrating growing interest.

The most selective cohort was 2021, with a competition ratio exceeding 170.

The sharp reduction in selected candidates (from 300 to 50) reflects a policy shift towards narrower specialization and stricter selection criteria.

4.2 Demographic Profiles

4.2.1 Age Distribution

As presented in Table 3, the mean participant age remained remarkably consistent across all cohorts.

Table 3. Average Age of Selected Candidates

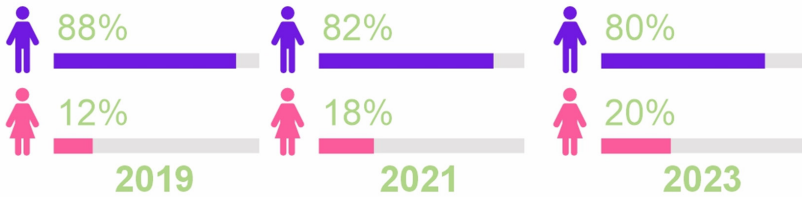
Cohort Year	Mean Age (Years)
2019	31.0
2021	31.3
2023	31.0

Interpretation: The consistency of mean age suggests a sustained emphasis on mid-career professionals rather than early-career entrants.

4.2.2 Gender Composition

The proportion of female participants increased over time, although women remained significantly underrepresented relative to their share in the civil service workforce, which was 55.8% in 2024 according to the National Report on the Civil Service of Kazakhstan (2025), as shown in Figure 1.

Figure 1. Gender Distribution Across Cohorts (2019–2023)

Observations: Although female participation has gradually increased across cohorts, the persistent gap indicates that structural and institutional barriers continue to limit women’s access to the PYPR.

4.2.3 Regional Origin

A substantial concentration of candidates emerged from major urban and industrial centers, as shown in Table 5. In the 2019 cohort, Almaty City, Karaganda

Region, and East Kazakhstan Region together accounted for a significant share of all selected participants. Over time, this pattern remained largely stable: central and eastern regions consistently contributed the majority of candidates, while participation from many western and northern areas declined markedly after 2019. In particular, Aktobe Region, which previously had relatively high representation, recorded only a single candidate in 2021 and none in 2023. Conversely, some regions that had minimal or no representation in earlier cohorts began to appear in later selections, reflecting gradual expansion of outreach and awareness. The proportion of candidates residing abroad also decreased over time, from 11 in 2019 to none in 2023.

Table 5. Regional Distribution

Region	2019 (n=300)	2021 (n=50)	2023 (n=50)
Almaty City	49	3	7
Astana City	9	2	2
Shymkent City	5	2	1
Abai region	0	1	3
Akmola region	14	3	3
Aktobe region	18	1	0
Almaty region	14	1	2
Atyrau region	6	0	0
East Kazakhstan region	29	4	5
Zhambyl region	24	3	3
Zhetysu region	0	0	1
West Kazakhstan region	6	2	2
Karaganda region	41	4	5
Kostanay region	11	8	5
Kyzylorda region	11	2	0
Mangystau region	7	0	1
Pavlodar region	16	8	4
North Kazakhstan region	10	0	0
Turkestan region	19	5	4
Ulytau region	0	0	2
Foreign countries*	11	1	0

*Includes Russia, Latvia, Uzbekistan, Mongolia

Interpretation: The data highlight persistent and structurally embedded regional disparities in program participation. Candidates from central and eastern regions, along with major cities, remained strongly overrepresented throughout all cohorts, suggesting that metropolitan and industrial centres enjoy cumulative advantages in terms of access to information, quality of educational and training institutions, and availability of professional networks supportive of PYPR applications. By contrast, contributions from many western and northern areas steadily declined, pointing to weaker institutional support, fewer role models in the public sector, and potentially higher opportunity costs of participation for talented professionals in resource-dependent regions.

While the descriptive statistics do not allow for a full causal decomposition of these patterns, they indicate that regional origin likely shapes both the probability

of applying and the probability of successfully navigating the multi-stage selection process. In this sense, the PYPR currently functions more as a «social elevator» for those already embedded in favourable regional ecosystems than for candidates from structurally disadvantaged territories. The reduction in candidates residing abroad, finally, may reflect both evolving eligibility requirements and a shift in the program’s outreach priorities towards domestically based talent. Addressing these imbalances—through targeted information campaigns, preparatory support, and closer cooperation with regional universities and akimats—remains essential to ensuring broader inclusivity and legitimacy of the selection process.

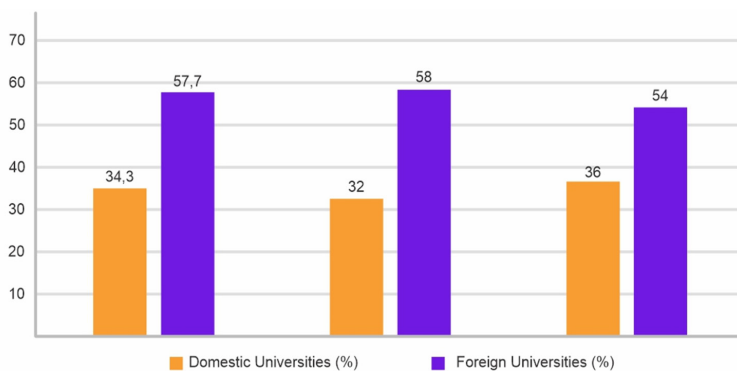
4.3 Educational Background

Educational attainment is a defining attribute of the PYPR profile. As shown in Table 6, the majority of participants across all cohorts held master’s degrees, indicating a consistently high qualification threshold. In addition, Figure 2 illustrates the distribution of educational institution origin across cohorts. The chart shows that approximately half—or slightly more—of all candidates received their education from foreign universities, reflecting the program’s elite orientation and emphasis on international academic experience.

Table 6. Highest Degree Attained

Cohort Year	Master’s Degree (%)	Doctorate (%)
2019	77.7	1.7
2021	80.0	0
2023	74.0	2.0

Figure 2. Educational Institution Origin by Cohort

Interpretation: A majority of participants held master’s degrees, demonstrating a high qualification threshold. Approximately half had foreign education backgrounds, underscoring the program’s emphasis on attracting candidates with international academic exposure.

4.4 Professional Background and Experience

The professional experience of selected candidates demonstrated a gradual decline in average years of prior work, as shown in Table 8. This pattern suggests a

trend toward greater inclusion of younger professionals with comparatively shorter employment histories.

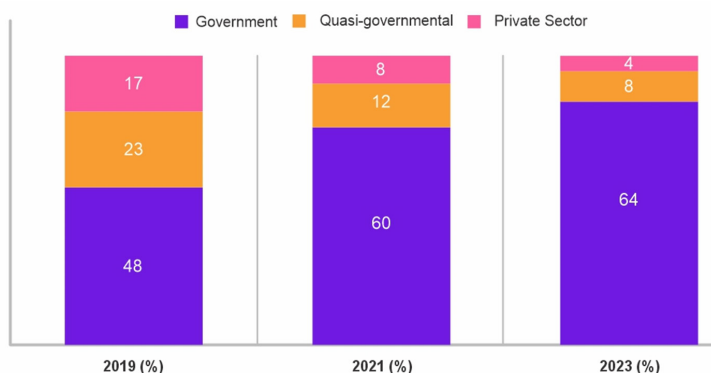
Table 8. Average Age of Selected Candidates

Cohort Year	Mean Years of Experience
2019	9
2021	8
2023	7

Observations: The average years of prior work experience declined across cohorts, indicating that the program has progressively shifted towards engaging candidates earlier in their careers.

The sectoral origins of participants shifted notably over time, with a rising proportion of candidates coming from government institutions, as illustrated in Figure 3. Conversely, representation from the private sector declined steadily across cohorts.

Figure 3. Sector of Origin by Cohort

Interpretation: The proportion of candidates with government backgrounds increased, while representation from the private sector declined, suggesting a trend towards reinforcing internal public sector pipelines.

4.5 Preliminary Hypothesis Testing

Chi-square tests revealed a statistically significant association between foreign educational background and appointment in central agencies ($\chi^2 = 12.4$, $p < 0.05$), partially supporting Hypothesis H2. No statistically significant correlation was found between gender and promotion rates, suggesting that while female underrepresentation persists in selection, subsequent career progression may be less gender-dependent.

Specifically, the association between foreign education and appointment yielded $\chi^2 = 12.4$, $p < 0.001$, Cramer's $V = 0.18$, indicating a moderate effect size. The association between gender and appointment was weaker ($\chi^2 = 3.2$, $p = 0.073$, Cramer's $V = 0.09$).

4.6 Summary of Key Trends

The competition ratio increased substantially, reaching levels comparable to international flagship programs.

Gender and regional imbalances persist despite incremental progress.

The educational profile remains highly selective, with a strong emphasis on advanced degrees and foreign education.

The growing prevalence of government-sector experience suggests an internalization of candidate pipelines.

Career outcomes for earlier cohorts demonstrate a strong record of appointments and promotions.

These findings provide a robust basis for the ensuing discussion of program effectiveness, international comparability, and policy implications.

5 Discussion

This section interprets the findings presented in Section 4 by situating them within the broader theoretical and empirical literature on meritocratic selection, social mobility, and public sector talent management. The discussion is organized into five subsections: selectivity and inclusivity dynamics, demographic and educational stratification, professional trajectories and performance, international comparability, and implications for theory and practice.

5.1 Selectivity and Inclusivity Dynamics

The steep increase in competition ratios—from 24.3 in 2019 to over 170 in 2021—confirms that the PYPR has become progressively more selective. This trajectory mirrors global trends, where flagship public sector programs deliberately tighten selection criteria to signal prestige and reinforce meritocratic legitimacy [3, 5].

However, heightened selectivity raises critical questions about inclusivity. Although the number of applications grew substantially, the reduction in cohort size (from 300 to 50) may have unintended exclusionary effects on candidates from less privileged regions and backgrounds. This dynamic resonates with Sandel's [9] critique of meritocracy as potentially reinforcing social stratification under the guise of fairness.

From a public administration perspective, maintaining an optimal balance between elite selection and representativeness remains a complex policy challenge [20]. For Kazakhstan, where regional disparities and socio-economic inequalities persist, overly narrow pipelines risk undermining the program's legitimacy as a genuine «social elevator».

5.2 Demographic and Educational Stratification

Consistent with prior research on talent management in transitional economies [3], the study reveals that the PYPR has a predominantly urban, highly educated, and male-dominated composition. Although the share of female participants improved over time (from 12% to 20%), the gap relative to the broader public sector workforce (approx. 55% female) remains substantial.

The concentration of candidates from Almaty and Astana underscores the structural advantages enjoyed by residents of economic centres—access to high-quality schools and universities, exposure to central government institutions, dense professional networks, and proximity to decision-making hubs. This regional stratification aligns with findings from Ingrams on post-Soviet public services,

where administrative reforms often fail to transcend existing territorial inequalities and instead channel opportunities towards already privileged locations. In the context of the PYPR, metropolitan and industrial regions effectively function as «feeder zones» for the national talent pipeline, while many western and northern regions remain weakly represented despite sizeable pools of potential candidates.

These regional imbalances have at least three implications for how the PYPR operates as a meritocratic «social elevator». First, they suggest that the playing field is not fully level at the entry point: candidates from peripheral regions may face disadvantages in accessing information about the programme, preparing for its competency-based assessments, and building relevant professional portfolios. Second, the underrepresentation of certain regions in the Reserve may translate into uneven territorial distribution of future leaders, reinforcing centre–periphery dynamics within the civil service and potentially limiting the state’s capacity to address region-specific policy challenges. Third, the persistence of such disparities risks weakening the programme’s symbolic function as a national mechanism of upward mobility, particularly if citizens in underrepresented regions come to view it as primarily serving metropolitan elites.

Equally notable is the high prevalence of foreign-educated candidates (over 50% across all cohorts), which—while reflecting strong internationalisation—raises questions about the inclusivity of domestic educational institutions. Regional disparities intersect with this pattern: candidates from major cities are more likely to have studied abroad or at prestigious domestic universities, amplifying their competitive edge in the selection process. Similar dynamics have been observed in Singapore’s Administrative Service [6], where foreign credentials serve as a proxy for competence but can also perpetuate geographically and socio-economically concentrated elite enclaves. For Kazakhstan, this interaction between regional origin and educational capital underscores the need to consider territorial equity not as a separate issue, but as a core dimension of meritocratic talent management.

5.3 Professional Trajectories and Performance

The results indicate that the PYPR has been effective in translating selection outcomes into concrete appointments and promotions, especially for the 2019 cohort. Approximately 70% of participants secured positions in central or local government or national companies, with a significant proportion achieving multiple promotions.

This conversion rate compares favorably to international benchmarks. For instance:

- The UK Fast Stream reports a similar appointment rate (~80%) but with longer time-to-promotion cycles.
- The US PMF program often faces bottlenecks in transitioning fellows into permanent roles [3].
- The Russian Leaders program, despite extensive publicity, does not consistently guarantee appointments [17].

These findings reinforce the notion that structured talent pipelines can be powerful instruments for accelerating administrative renewal [1]. At the same time, the decline in private-sector entrants over time suggests a potential narrowing of professional diversity within the Reserve.

5.4 International Comparability and Unique Features

A comparative analysis with major international talent programs highlights both

commonalities and distinctive attributes of the PYPR, as shown in Table 10. While the program shares certain features with established initiatives such as the Fast Stream in the UK and the Administrative Service in Singapore, it also demonstrates unique patterns in competition, educational emphasis, and career support mechanisms.

Table 10. Comparative Features of Major Talent Programs

Feature	Fast Stream (UK)	PMF (US)	Administrative Service (Singapore)	Leaders of Russia	PYPR (Kazakhstan)
Cohort Size	~1,000	~500	~50	~300	50–300
Competition Ratio	~20–100	~15	~20	>200	24–172
Female Participation (%)	~50	~55	~35	~30	12–20
Foreign Education Emphasis	Medium	Low	Very High	Low	High
Appointment Guarantee	High	Medium	High	Low	Medium-High
Mentorship and Rotation	Extensive	Medium	Very Extensive	Limited	Limited
<i>All tables rely on the core dataset provided by the Agency (7 Mar 2025)</i>					

Interpretation: The PYPR exhibits several distinctive attributes. It demonstrates high competition levels akin to Leaders of Russia and a significant emphasis on foreign education comparable to Singapore’s Administrative Service. While the program offers moderate guarantees of appointment—surpassing the PMF in conversion rates—it lacks the structured rotational assignments and mentorship frameworks characteristic of the most mature international programs. These unique features suggest that the PYPR has integrated multiple global practices but has yet to develop robust career support systems to sustain long-term professional development.

5.5 Implications for Theory and Practice

Theoretical Implications:

The findings support the proposition that meritocratic programs in transitional economies can achieve high legitimacy and performance when properly institutionalized.

They also confirm Sandel’s [9] caution that overemphasis on selective excellence can exacerbate socio-demographic inequalities.

Practical Implications:

Policymakers should consider introducing structured mentorship and rotational assignments to deepen professional development.

Proactive measures to enhance regional and gender diversity are essential to preserve the Reserve’s credibility as an inclusive social elevator.

Strengthening the links between selection and long-term career progression (e.g., through transparent promotion frameworks) can mitigate demotivation among participants.

Limitations and Future Research:

This study’s reliance on descriptive data limits causal inference.

Future research could employ longitudinal designs, survey-based assessments of Public Service Motivation, and comparative case studies to further enrich understanding.

From a theoretical standpoint, this study extends the understanding of meritocracy in transitional economies by demonstrating how institutional design interacts with pre-existing socio-economic inequalities. The findings highlight the paradox that while meritocratic pipelines can enhance legitimacy and performance, they may simultaneously entrench elite reproduction unless complemented by inclusive policy measures. This duality reinforces the relevance of integrating social mobility theory and PSM into public sector talent management scholarship.

5.6 Concluding Synthesis

Overall, the PYPR demonstrates considerable success in attracting high-caliber candidates and facilitating their integration into the public sector. Its evolution from a broad-based initiative to a highly selective pipeline reflects both a maturing approach to talent management and the inherent trade-offs between exclusivity and inclusivity. For Kazakhstan and comparable contexts, sustaining the legitimacy and impact of such programs will depend on striking a balance between meritocratic rigor and equitable representation.

6 Conclusion

This study has offered a comprehensive examination of the PYPR as a unique institutional experiment in Kazakhstan's public administration. Drawing on three waves of program data (2019, 2021, and 2023), the research has assessed the Reserve's design, demographic composition, selection dynamics, and outcomes, situating these findings within the broader literature on meritocracy, social mobility, and public service talent management.

6.1 Summary of Main Findings

Rising Selectivity: The PYPR has evolved into an increasingly selective program, with the competition ratio surging from approximately 24 in 2019 to over 170 in 2021. This trend underscores its prestige but raises concerns about equitable access.

Demographic Patterns: Participants are predominantly male, urban-based, and holders of advanced degrees—especially from foreign institutions. Although incremental progress has been made in gender inclusion (female representation rising from 12% to 20%), significant disparities remain.

The 95% confidence interval for the proportion of female participants in the 2023 cohort was [11.1%, 28.9%].

Professional Outcomes: The program has demonstrated a robust capacity to translate selection into appointments, with over 70% of the initial cohort securing positions and a noteworthy proportion achieving multiple promotions.

International Comparison: Relative to other flagship programs (Fast Stream, PMF, Administrative Service), the PYPR exhibits strong competition and appointment rates but underdeveloped mentorship structures and limited regional diversification.

6.2 Contributions to Theory

The findings contribute to the growing body of literature exploring how meritocratic ideals and talent pipelines operate in transitional economies. They validate the dual role of such programs as both instruments of administrative

professionalization and symbols of legitimacy. However, they also reaffirm Sandel's [9] argument that meritocratic selection—without accompanying measures for inclusivity—can inadvertently reproduce structural inequalities.

6.3 Policy and Practice Recommendations

Based on the analysis, several actionable recommendations emerge:

- **Enhance Inclusivity:** Introduce regional quotas or targeted outreach to improve participation from underrepresented regions.

Develop gender-sensitive recruitment campaigns to attract more female candidates.

- **Strengthen Development Support:** Establish structured mentorship arrangements with senior public servants.

Implement rotational assignments across ministries and agencies to broaden experiential learning.

- **Increase Transparency:** Publish annual reports with detailed appointment and promotion statistics disaggregated by demographic variables.

Create an online platform where participants can track their career progression.

- **Balance Selectivity and Access:** While maintaining high standards, consider flexible pathways (e.g., thematic tracks) for candidates with diverse professional profiles.

6.4 Directions for Future Research

Promising avenues for further inquiry include:

Longitudinal tracking of cohort members to assess long-term career trajectories and retention.

Comparative studies of similar talent pipelines in Central Asia and Eastern Europe.

Quantitative assessment of the impact of program participation on organizational performance metrics.

Examination of the role of PSM and intrinsic values in sustaining commitment among participants.

Future research could benefit from mixed-methods designs that incorporate longitudinal tracking of career outcomes, in-depth interviews with participants, and comparative case studies across Central Asia. Such approaches would enrich our understanding of how merit-based talent programs influence public sector innovation, legitimacy, and societal trust over time.

6.5 Final Reflection

The PYPR stands as a significant innovation in Kazakhstan's efforts to modernize its public administration and cultivate a new generation of merit-based leaders. Its successes are noteworthy, but its future effectiveness will depend on navigating the inherent tensions between selectivity, inclusivity, and sustained professional development. As emerging economies grapple with the challenge of building agile, competent, and legitimate public sectors, the lessons from the PYPR offer valuable insights for scholars and policymakers alike.

References:

1. OECD. (2019). Government at a glance 2019. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/8ccf5c38-en>
2. United Nations Development Programme (UNDP). (2021). UNDP annual report 2021. United Nations Development Programme. <https://annualreport.undp.org/2021>
3. Jawali, N., Darwish, T. K., Scullion, H., & Haak-Saheem, W. (2021). Talent management in the public sector: empirical evidence from the emerging economy of Dubai. *The International Journal of Human Resource Management*, 32(13), 2819–2843. <https://doi.org/10.1080/09585192.2021.2001764>
4. Kim, S. (2006). Public service motivation and organizational citizenship behavior in Korea, *International Journal of Manpower*, Vol. 27 No. 8, pp. 722–740. <https://doi.org/10.1108/01437720610713521>
5. Bryson, A., & White, M. (2024). Human resource management technology, workplace performance, and employee well-being in the British public sector. *Labour*, 38(1), 102–121. <https://doi.org/10.1111/labr.12264>
6. Boselie, P., Brewster, C., & Paauwe, J. (2021). *Human Resource Management: A Contemporary Approach*. Routledge.
7. Young, M. D. (1958). *The Rise of the Meritocracy 1870–2033: An Essay on Education and Equality*. London: Thames and Hudson.
8. Mills, C. W. (1956). **The Power Elite**. New York: Oxford University Press.
9. Sandel, M. J. (2020). **The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?** New York: Farrar, Straus and Giroux.
10. Weber, M. (1978). **Economy and society: An outline of interpretive sociology** (G. Roth & C. Wittich, Eds.). University of California Press.
11. Perry, J. L., & Wise, L. R. (1990). The motivational bases of public service. **Public Administration Review**, 50(3), 367–373. <https://doi.org/10.2307/976618>
12. Van Wart, M. (2014). **Dynamics of leadership in public service: Theory and practice** (2nd ed.). Routledge.
13. Ingrams, A. (2018). Organizational design in transitional governance: Institutional choices in post-Soviet administration. **International Journal of Public Administration*, 41*(12), 944–955. <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1318409>
14. Sorokin, P. A. (1927). **Social mobility**. New York: Harper & Brothers.
15. Putnam, R. D. (1973). **The beliefs of politicians: Ideology, conflict, and democracy in Britain and Italy**. Yale University Press.
16. Cordes, J., & Vogel, R. (2022). Talent management in the public sector: Conceptual foundations and future directions. **Review of Public Personnel Administration*, 42*(2), 304–327. <https://doi.org/10.1177/0734371X211048006>
17. Nijs, S. (2021). Elite selection and the reproduction of power in Russia: The case of the “Leaders of Russia” competition. **Russian Politics*, 6*(2), 211–236.
18. Ingrams, A. (2018). Connecting public administration and social equity: Empirical analysis of social equity framings in public administration research. *Public Administration Review*, 78(6), 877–889.
19. Knies, E., Leisink, P., & Van de Schoot, R. (2022). Job advertisements and public service motivation: The role of communicated public values for attracting candidates with high public service motivation. **Pub-*

- lic Administration Review, 82*(2), 312–325. <https://doi.org/10.1111/puar.13414>
20. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. (2020). *National report on the state of the civil service in the Republic of Kazakhstan, 2020. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/307381?lang=ru> Accessed 12 May 2025.
  21. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. (2021). *National report on the state of the civil service in the Republic of Kazakhstan, 2021. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/307381?lang=ru> Accessed 12 May 2025.
  22. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. (2022). *National report on the state of the civil service in the Republic of Kazakhstan, 2022. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/454043> Accessed 12 May 2025.
  23. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. (2023). *National report on the state of the civil service in the Republic of Kazakhstan, 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/640535> Accessed 12 May 2025.
  24. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. (2024). *National report on the state of the civil service in the Republic of Kazakhstan, 2024. <https://www.gov.kz/memleket/entities/qyzmet/documents/details/825723> Accessed 12 May 2025.
  25. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000141> Accessed 12 May 2025.
  26. <https://pkrezerv.gov.kz> Accessed 12 May 2025.

Материал поступил в редакцию 08.07.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА В 2019-2023 ГОДАХ: АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

Жанар Аргынбаева

Ассоциированный профессор Гуманитарной школы
НАО «Университет Нархоз», Алматы, Казахстан; e-mail:
zhanar.argynbayeva@narhoz.kz,

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.003>

Аннотация. В Казахстане молодежь в возрасте от 14 до 35 лет, составляя треть населения, представляет собой важный стратегический ресурс для социально-экономического развития страны. Современные ценностные ориентации и поведенческие установки этой группы оказывают заметное влияние на общественные процессы, трансформируя жизненные ориентиры и формируя новые социокультурные тренды.

В этом контексте особую значимость приобретает изучение миграционной активности молодежи как отражения глубинных социальных изменений. Между тем в 2022 году в стране, впервые, за продолжительный период было зафиксировано положительное миграционное сальдо, что, в свою очередь, оказывает серьезное воздействие на рынок труда, образовательную систему и социальную инфраструктуру.

Настоящее исследование направлено на выявление ключевых тенденций молодежной миграции в Казахстане с фокусом на структурные и мотивационные компоненты. Источниковой базой послужили данные официальной статистики и результаты социологических опросов. Анализ этих данных позволяет определить факторы, влияющие на миграционное поведение молодежи, что может стать важной эмпирической базой для разработки эффективных государственных стратегий, способствующих устойчивому развитию и демографической стабильности.

Ключевые слова: молодежь, миграция, образование, труд, государство, молодежная политика, стратегия, будущее, устойчивость.

ҚАЗАҚСТАН ЖАСТАРЫНЫҢ СЫРТҚЫ КӨШІ-ҚОНЫНЫҢ ҮРДІСТЕРІ МЕН ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ (2019–2023 ЖЖ.): ҚҰРЫЛЫМДЫҚ ЖӘНЕ МОТИВАЦИЯЛЫҚ ФАКТОРЛАРДЫ ТАЛДАУ

Жанар Аргынбаева

«Нархоз университеті» КЕАҚ Гуманитарлық мектебінің қауымдастырылған профессоры, Алматы, Қазақстан, e-mail: zhanar.argynbayeva@narхоз.kz, <https://orcid.org/0000-0003-0422-9710>

Аңдатпа. Қазақстанда 14–35 жас аралығындағы жастар халықтың үштен бір бөлігін құрай отырып, елдің әлеуметтік-экономикалық дамуы үшін маңызды стратегиялық ресурс болып табылады. Осы әлеуметтік топтың қазіргі құндылықтық бағдарлары мен мінез-құлықтық ұстанымдары қоғамдық процестерге айтарлықтай ықпал етіп, өмірлік басымдықтарды трансформациялап, жаңа әлеуметтік-мәдени трендтерді қалыптастыруда.

Осы контексте жастардың көші-қондық белсенділігін зерттеу терең әлеуметтік өзгерістердің көрсеткіші ретінде ерекше маңызға ие. 2022 жылы Қазақстанда ұзақ уақыттан кейін алғаш рет көші-қон сальдосының оң мәнге ие болуы еңбек нарығына, білім беру жүйесіне және әлеуметтік инфрақұрылымға елеулі әсерін тигізді.

Бұл зерттеу Қазақстандағы жастар көші-қонының негізгі үрдістерін құрылымдық және мотивациялық құрамдастарға басымдық бере отырып анықтауға бағытталған. Зерттеудің дереккөздік базасын ресми статистика материалдары мен социологиялық сауалнама нәтижелері құрады. Алынған деректерді талдау жастардың көші-қондық мінез-құлқына әсер ететін факторларды айқындауға мүмкіндік береді және бұл тиімді мемлекеттік стратегияларды әзірлеуге арналған маңызды эмпирикалық негіз бола алады. Мұндай стратегиялар елдің тұрақты дамуына және демографиялық тұрақтылығына ықпал етеді.

***Түйін сөздер:** жастар, көші-қон, білім, еңбек, мемлекет, жастар саясаты, стратегия, болашақ, тұрақтылық.*

TRENDS AND CHARACTERISTICS OF EXTERNAL MIGRATION AMONG YOUTH IN KAZAKHSTAN, 2019–2023: AN ANALYSIS OF STRUCTURAL AND MOTIVATIONAL FACTORS

Zhanar Argynbayeva

^{1*}Associate Professor, School of Arts and Humanities Narхоз University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhanar.argynbayeva@narхоз.kz, <https://orcid.org/0000-0003-0422-9710>

Abstract. In Kazakhstan, young people aged 14 to 35, representing one-third of the population, constitute an important strategic resource for the country's socio-economic development. The contemporary value orientations and behavioral attitudes of this group significantly influence social processes, transforming life priorities and shaping new sociocultural trends.

In this context, the study of youth migration activity becomes particularly important as an indicator of profound social changes. Notably, in 2022 Kazakhstan recorded a positive migration balance for the first time in many years, which has had substantial implications for the labor market, the education system, and the social infrastructure.

This study aims to identify key trends in youth migration in Kazakhstan, with a specific focus on structural and motivational components. The research is based on official statistical data and the results of sociological surveys. The analysis of these data makes it possible to determine the factors shaping youth migration behavior, providing an important empirical foundation for the development of effective state strategies that support sustainable development and demographic stability.

Keywords: *youth, migration, education, labor, state, youth policy, strategy, future, sustainability.*

Введение

Казахстан занимает одну из ведущих демографических и экономических позиций в Центральной Азии. По состоянию на 1 июля 2025 года численность населения страны превышает 20 млн человек [1], из которых 5,7 млн составляют граждане в возрасте от 14 до 35 лет. До 2022 года в официальной классификации молодежь охватывала возрастную категорию до 29 лет. Однако в результате институциональных изменений было принято решение о расширении возрастного порога до 35 лет. Как отмечается, этот шаг был направлен на более широкое включение молодежи в реализацию государственной политики и повышение эффективности молодежных программ.

В то же время в последние несколько лет продолжают широкие общественные дискуссии о росте масштабов молодежной миграции за пределы страны. Молодые казахстанцы все чаще рассматривают зарубежные государства как пространство с более высокими стандартами жизни, возможностями для образования, профессионального роста и самореализации. Эта тенденция вызывает обеспокоенность в академических кругах и среди государственных органов, поскольку утрата человеческого капитала может иметь долгосрочные последствия для национального развития.

Проблема молодежной миграции в Казахстане многогранна и требует комплексного изучения. Она охватывает экономические, социальные, культурные и психологические аспекты. Миграционные настроения молодежи отражают не только индивидуальные стремления, но и уровень доверия к государственным институтам, состояние внутренней инфраструктуры и перспективы самореализации в родной стране.

Целью данной статьи является анализ ключевых характеристик внешней миграции молодежи в Казахстане. Исследование направлено на выявление и изучение структурных компонентов миграционного оттока, включая социально-демографический профиль. Также особое внимание уделяется мотивационным установкам молодежи.

В качестве источников использованы официальные статистические данные, результаты социологических исследований. Полученные результаты позволят глубже понять природу молодежной миграции и определить

возможные меры для регулирования этого процесса в интересах устойчивого развития страны. Выявление ценностных установок и поведенческих паттернов молодежи в контексте миграционных настроений является ключевым элементом при формировании эффективных стратегий по удержанию и развитию высококачественного человеческого капитала.

Обзор литературы

Вопрос молодежной миграции является предметом активного и многоаспектного изучения как в международной научной среде, так и в рамках национальных исследовательских программ. Научный интерес к данной теме обусловлен тем, что мобильность молодежи представляет собой ключевой фактор социально-экономического развития, оказывая влияние на воспроизводство человеческого капитала, устойчивость рынков труда, демографическую динамику и институциональную стабильность.

Миграционные процессы традиционно рассматриваются как неотъемлемая составляющая социальной трансформации общества [2]. В этом контексте молодежная миграция выступает в роли одного из ключевых катализаторов национального развития [3]. Учитывая возрастающее значение молодежной мобильности в условиях глобализации, исследование миграционных настроений и форм мобильности молодежи приобретает не только теоретическую, но и прикладную значимость. Это обусловлено актуальным общественным запросом на выработку эффективной миграционной политики, ориентированной на устойчивое развитие и адаптацию к демографическим и социальным вызовам современности [4].

Международный контекст исследования молодежной миграции. По данным ООН, молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляет значительную долю международных мигрантов. Их перемещение, как правило, связано с поиском более качественного образования, достойных условий труда и возможностей для самореализации [5]. При этом международная миграция молодежи рассматривается как двойственный процесс: с одной стороны, она способствует развитию гибких навыков и формированию глобальной компетентности, а с другой – сопровождается рисками «утечки умов» и усилением социального неравенства в странах-донорах [6].

В свою очередь в странах Европейского Союза молодежная миграция тесно связана с политиками образовательной мобильности и профессиональной подготовки. В исследованиях Европейского центра развития профессионального образования подчеркивается роль академической мобильности как инструмента развития конкурентоспособности молодежи на глобальном рынке труда [7].

Национальные исследования: опыт Казахстана. В Казахстане молодежная миграция рассматривается в междисциплинарном поле, включающем социологию, демографию, экономику и государственное управление. В последние годы наблюдается рост интереса к эмпирическим и прикладным исследованиям, направленным на выявление миграционных траекторий, мотиваций и факторов, влияющих на принятие решения о перемещении как внутри страны, так и за ее пределы.

Одним из ключевых исследовательских центров в данной области является

НИЦ «Молодежь», осуществляющий мониторинг молодежной среды более десяти лет. В аналитическом докладе за 2024 год «Особенности учебной и трудовой миграции молодежи в приграничных регионах» выявлены региональные дисбалансы, обусловленные инфраструктурным неравенством, неравномерным распределением образовательных учреждений и уровнем занятости в приграничных территориях. Отмечается наличие устойчивых трансграничных миграционных потоков, особенно в южных и восточных регионах страны [8].

Теоретическая и эмпирическая базы также расширяются в рамках академических исследований. К примеру, в 2021-2023 гг. в ходе отдельного научного проекта были разработаны теоретико-методологические основания для анализа молодежной миграции, с акцентом на комплексную оценку образовательной и трудовой мобильности [9]. Кроме того, в ряде научных публикаций были рассмотрены внутренние миграционные процессы, в том числе, в контексте урбанизации и региональной привлекательности. В статье Казихановой С. и Каленовой Т. подчеркиваются проблемы социального неравенства, ограниченного доступа к социальным гарантиям и влияния инфраструктурного фактора на миграционные намерения молодежи [10]. В научном материале Тлеубаевой М. анализируется контекст внутренней миграции. В частности, представлены результаты фокус-исследования по вопросам адаптации и интеграции сельской молодежи через механизмы социального лифта в Алматинской и области Жетысу, где наблюдается большая концентрация молодежи [11].

В целом обобщение международного и отечественного опыта подтверждает, что молодежная миграция является не только следствием индивидуальных поведенческих стратегий, но и отражением глубинных социально-экономических, демографических и институциональных процессов. Современные научные подходы подчеркивают важность системного анализа молодежной мобильности, включающего как макроэкономические индикаторы (уровень занятости, доступность образования, социальные лифты), так и микросоциальные аспекты (ценностные ориентации, уровень доверия к институтам, культурный капитал).

Дальнейшее исследование молодежной миграции требует междисциплинарного синтеза, сочетания количественных и качественных методов, а также учета национальных и региональных особенностей. Это позволит не только глубже понять мотивационные установки молодежи, но и сформировать эффективные инструменты миграционной и молодежной политики.

Методология исследования

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий элементы классического научного анализа и современных исследовательских стратегий. Такой подход позволил обеспечить комплексное и многоплановое рассмотрение проблематики молодежной миграции. В качестве ключевых методов использовались количественный, сравнительный анализы.

Эмпирическая база исследования включает данные анкетных опросов, проведенных научно-исследовательским центром «Молодежь» в 2024 году (массовый опрос с участием 2 000 респондентов со стратифицированной многоступенчатой выборкой с квотированием, метод сбора информации - «face-to-face»), территория проведения социологического исследования – города республиканского значения Астана, Алматы и Шымкент, 17 областных центров, а также сельские населенные пункты). В работе также использованы результаты вторичного анализа официальной статистики, отражающей миграционные процессы в молодежной среде Казахстана.

Для интерпретации полученных данных применялись методы описательной статистики и сравнительного анализа, что обеспечило как количественную репрезентативность, так и качественное понимание изучаемых процессов.

Обсуждение и результаты исследования

Миграция молодежи представляет собой критически важный аспект демографической и социальной динамики в странах с трансформирующейся экономикой. В условиях постсоветского пространства миграционные процессы приобретают особую значимость, поскольку сопряжены с перераспределением трудового и интеллектуального потенциала, этнокультурными изменениями, а также с внутренним демографическим выравниванием. На текущем этапе Казахстан, государство с полиэтничной структурой общества и высокой степенью региональной неоднородности, демонстрирует ряд специфических национальных тенденций молодежной миграции, определяющих вектор пространственного развития.

Доминирование возрастной группы 29-34 лет в структуре внешней миграции молодежи Казахстана. Анализ возрастной структуры за 2019-2023 годы позволяет выявить устойчивую тенденцию доминирования возрастной группы 29-34 лет в общем объеме эмигрантов (см. табл. 1). На протяжении всего исследуемого периода данная когорта демонстрирует наивысшие показатели эмиграции как среди мужчин, так и среди женщин, последовательно опережая традиционно мобильные категории молодежи – студентов (19-23 года) и молодых специалистов (24-28 лет).

Так, в 2019 году число эмигрантов в возрасте 29-34 лет составило 6 114 человек (2 792 мужчины и 3 322 женщины), что значительно превышает аналогичные показатели для группы 24-28 лет (4 799 человек) и почти вдвое – для группы 19-23 лет (2 937 человек). К 2023 году наблюдается общее сокращение масштабов миграции во всех возрастных группах, однако возрастная когорта 29-34 лет продолжает сохранять лидирующие позиции (1 480 человек), несмотря на снижение абсолютных значений.

Таблица 1. Внешняя миграция молодежи/эмигранты [12]

Возрастная группа	2019		2020		2021		2022		2023	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
14-18	1 107	1 123	894	841	1 046	1 035	775	752	503	548

19-23	1 293	1 644	841	1 000	804	986	477	665	279	422
24-28	2 071	2 728	1 176	1 528	1 195	1 501	717	1 050	338	612
29-34	2 792	3 322	1 698	2 039	1 651	2 177	1 196	1 590	565	915

Источник: БНС АСПиР РК

Выявленный тренд позволяет утверждать, что миграционная активность когорты 29-34 лет обусловлена иными, более глубокими причинами, нежели краткосрочные образовательные или начальные трудовые мотивации. Учитывая, что к 30-летнему возрасту индивиды, как правило, завершают формальное образование, достигают относительной профессиональной стабильности и формируют устойчивые социальные связи (включая создание семьи и включение в институциональные структуры общества), решение о выезде за пределы страны свидетельствует о наличии системных проблем в национальной социальной и институциональной среде.

В частности, речь может идти о дефиците социального капитала, ограниченных перспективах профессионального роста, неудовлетворенности качеством жизни, а также слабости институтов, ответственных за поддержку социально активного взрослого населения. Доминирование данной возрастной группы в структуре эмиграции может свидетельствовать не столько о временной, сколько о стратегической – долговременной – релокации, что требует дополнительного изучения с позиций государственной миграционной политики, экономического планирования и демографической устойчивости.

Усиление региональных диспропорций среди молодежной группы. Региональный анализ внешней миграции молодежи в Казахстане за 2019-2023 годы указывает на наличие пространственного дисбаланса, отражающего глубокое неравенство регионов по уровню демографической устойчивости и миграционной привлекательности. Согласно данным официальной статистики (см. табл. 2), на фоне общего роста положительного сальдо внешней миграции молодежи по стране в 2022-2023 гг. (1 134 и 7 294 соответственно), подавляющее большинство регионов продолжает фиксировать отрицательное сальдо, указывающее на отток молодых жителей.

Таблица 2. Сальдо внешней миграции молодежи Казахстана [12]

Год	2019	2020	2021	2022	2023
РК	-10 523	-5 192	-5 412	1 134	7 294
Абай	-4 146	-3 768	-3 833	-3 849	-2 916
Акмолинская	-2 731	-1 720	-2 948	-1 805	-1 795
Актюбинская	-1 201	-803	-1 146	-1 191	-735
Алматинская	-6 014	-4 762	-2 295	-1 168	-45
Атырауская	-164	-167	-965	-937	-613
ЗКО	-1 568	-1 311	-1 167	-1 122	-726
Жамбылская	-6 405	-4 711	-5 057	-6 501	-6 478
Жетісу	-5 249	-3 630	-4 109	-5 146	-3 815
Карагандинская	-3 364	-2 559	-2 746	-1 877	-1 564
Костанайская	-2 837	-2 401	-2 554	-2 053	-1 237
Кызылординская	-2 498	-2 275	-3 115	-3 732	-3 699
Мангистауская	2 137	1 773	1 658	1 561	1 119

Павлодарская	-2 391	-1 548	-2 096	-1 972	-1 433
СКО	-2 391	-1 905	-2 184	-2 100	-1 663
Туркестанская	-4 576	-9 608	-14 405	-12 493	-12 375
Улытау	-847	-897	-1 422	-961	-868
ВКО	-2 420	-1 393	-1 480	-1 402	-1 314
г.Астана	15 072	11 772	18 950	21 422	23 296
г.Алматы	21 349	20 754	19 279	24 840	21 806
г.Шымкент	-279	3 967	6 223	1 620	2 349

Источник: БНС АСПиР РК

Исключение составляют всего два региона – город Шымкент и Мангистауская область, которые демонстрируют стабильно положительное сальдо молодежной миграции на протяжении последних лет. Особенно примечательна ситуация в Мангистауской области, где с 2019 года последовательно наблюдается прирост по всем возрастным когортам молодежи. В 2019 году миграционное сальдо региона составило +2 137 человек, в 2020 – +1 773, в 2021 – +1 658, в 2022 – +1 561 и в 2023 – +1 119. Динамика указывает на устойчивую способность области не только удерживать, но и привлекать молодых людей, что может быть связано с особенностями регионального рынка труда, уровнем занятости в нефтегазовом секторе, наличием социальных лифтов и/или выгодными условиями жилищной и социальной политики. Схожая тенденция наблюдается и в городе Шымкент, где начиная с 2020 года сальдо молодежной миграции также стало положительным и колебалось от +3 967 до +6 223 человек, зафиксированных в 2021 году.

В то же время подавляющее большинство регионов, особенно сельскохозяйственные и индустриальные территории центральной, северной и восточной частей страны (Жамбылская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская области и др.), демонстрируют отрицательное сальдо, зачастую достигающее значений, сопоставимых с ежегодной депопуляцией. Например, в Туркестанской области в течение рассматриваемого периода фиксируются критические уровни оттока молодежи – от -4 576 человек в 2019 году до -12 375 в 2023 году. Схожая картина наблюдается в областях Абай и Жетысу.

Сложившийся пространственный дисбаланс указывает на продолжающееся расслоение регионов по уровню демографической устойчивости и потенциальной миграционной привлекательности. В долгосрочной перспективе такая миграционная конфигурация может способствовать не только демографической деградацией периферийных территорий, но и нарастанием межрегионального социально-экономического расслоения. Это актуализирует необходимость пересмотра региональной политики в части поддержки молодежи, развития социальной инфраструктуры.

Депопуляция молодежи европейского происхождения в молодежной миграционной динамике. Анализ миграционных данных по этническому составу молодежи, покинувшей территорию Казахстан в 2019-2023 гг., выявляет устойчивое преобладание представителей европейских этнических групп в структуре эмиграционного потока. Существенную долю среди выбывших молодежных мигрантов занимают русские, немцы и украинцы, на которых совокупно приходится значительная часть внешней миграции в исследуемый период (см. табл. 3).

Таблица 3. Миграция молодежи по этносам [12]

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Казахи	798	491	614	532	339
Русские	11 659	7 034	6 970	4 687	2 513
Узбеки	108	50	61	56	45
Украинцы	1 028	694	720	475	250
Уйгуры	26	4	8	10	7
Татары	365	293	315	208	91
Немцы	1 118	816	987	701	577
Другие этносы	978	635	720	553	360
Всего	16 080	10 017	10 395	7 222	4 182

Источник: БНС АСПиР РК

Наиболее высокие абсолютные значения эмиграции стабильно демонстрируют представители русской национальности: в 2019 году – 11 659 человек, в 2023 году – 2 513 человек. Несмотря на тенденцию к сокращению этих показателей в постпандемийный период, данная этническая группа продолжает занимать лидирующую позицию по уровню оттока молодежи за рубеж. С учетом того, что численность русской молодежи в Казахстане снижается, ежегодный выезд от 1% и выше от общей популяции молодежи данного этноса представляет собой демографически значимое явление. Сопоставимые тренды прослеживаются и среди немецкой и украинской молодежи.

Противоположная картина наблюдается среди казахской и узбекской молодежи, чьи миграционные показатели остаются стабильно низкими. В 2023 году эмигрировало лишь 339 казахов и 45 узбеков, что составляет незначительную долю от их общей численности. При этом с 2019 года эти группы демонстрируют положительное или близкое к нулевому миграционное сальдо. Это может быть обусловлено целым рядом факторов. В частности, более высокой степенью институциональной и культурной интеграции в общество, наличием прочных семейных и социальных связей внутри страны, а также возможностями профессиональной реализации без необходимости миграции.

Этнический фактор продолжает играть существенную роль в формировании молодежных миграционных потоков. Систематический отток молодежи других этносов формирует риски дальнейшего сужения этнокультурного многообразия и требует учета при разработке государственной демографической и миграционной политики.

В целом стоит отметить, что начиная с 2024 года, в Казахстане наблюдается разворот миграционного баланса в сторону положительного внешнего сальдо, что происходит впервые с 2014 года. Существенную роль в данном процессе играет приток населения из государств СНГ, прежде всего – в рамках этнокультурной и экономической репатриации. Рост иммиграционной активности, вероятно, является реакцией на изменения геополитической конфигурации региона, включая военный конфликт в Украине, санкционное давление на Российскую Федерацию, а также волну частичной мобилизации, спровоцировавшую перемещение как российских, так и казахстанских граждан.

Тем не менее, анализ пространственного распределения иммигрантов показывает, что указанный прирост в наименьшей степени затрагивает отдельные регионы страны, демонстрирующие устойчивое отрицательное миграционное сальдо. Это указывает на наличие региональных различий в уровне институциональной, экономической и социальной привлекательности для потенциальных мигрантов, а также на необходимость комплексной региональной политики.

Дополняя статистическую картину, социологический анализ молодежной миграции позволяет выявить внутренние механизмы, детерминирующие миграционное поведение. Согласно результатам исследования «Особенности учебной и трудовой миграции молодежи в приграничных регионах», проведенного научно-исследовательским центром «Молодежь» в 2024 году, основными мотивами миграции молодежи выступают стремление к экономическому улучшению и поиску более благоприятных карьерных перспектив. Так, 56,6% респондентов указывают на наличие более выгодных возможностей для заработка за пределами своей территории проживания, 51,1% – на стремление повысить уровень жизни, 41,8% – на более широкие возможности трудоустройства, и 31,0% – на желание получить более качественное образование [8].

При этом на текущем этапе национального развития 8,2% респондентов заявили о намерении в ближайшее время покинуть страну, что свидетельствует о незначительном росте числа потенциальных срочных эмигрантов по сравнению с 2022 годом (7,4%). Доля респондентов, рассматривающих возможность эмиграции в более отдаленной перспективе, напротив, несколько сократилась: с 35,3% в 2022 году до 30,5% в 2024 году, то есть на 4,8 процентных пункта. При этом 35,2% опрошенных в 2024 году не задумывались о переезде, а 22,8% категорически отвергли возможность миграции [8].

Таким образом, сегодня молодежная миграция в Казахстане носит преимущественно экономико-мотивационный характер и формируется под воздействием комплекса push- и pull-факторов. В данном контексте регионы с устойчивым отрицательным миграционным сальдо могут рассматриваться как территориальные доноры человеческого капитала, в то время как более экономически развитые и социально привлекательные регионы – как центры притяжения. В целом, несмотря на общий рост числа потенциальных срочных эмигрантов, наблюдается снижение доли молодежи, рассматривающей переезд как долгосрочную цель. Данная разнонаправленная миграционная динамика требует более глубокого анализа факторов, влияющих на установки молодежи, и подчеркивает необходимость системной работы по созданию условий для самореализации молодежи в пределах страны.

Выводы

Проведенный анализ демографической, региональной и этнической структуры молодежной миграции в Казахстане за период 2019-2023 годов, а также результаты социологических исследований мотивов миграционного поведения позволяют сформировать определенную картину о современных тенденциях в этой сфере. Полученные данные указывают на актуальность следующих аспектов молодежной миграции.

Прежде всего, миграции подвержена **молодежь с уже сформированными социальными связями**. Преобладание возрастной группы 29-34 лет свидетельствует о том, что речь идет не столько о миграции, связанной с получением образования или первым трудоустройством, сколько о зрелых и осознанных решениях, принимаемых на основе устойчивых профессиональных и жизненных ориентиров. Это отражает наличие структурных проблем в институциональной и социальной среде, а также указывает на недостаточный уровень мотивации к долгосрочному закреплению внутри страны.

Региональная дифференциация молодежной миграции характеризуется **серьезными структурными диспропорциями**, при которых подавляющее большинство регионов фиксируют отрицательное миграционное сальдо, в то время как лишь ограниченное число территорий (Шымкент и Мангистауская область) демонстрируют способность привлекать и удерживать молодежь. Это указывает на растущее межрегиональное неравенство и требует территориально адаптированных стратегий развития.

Этнический состав эмигрантской молодежи свидетельствует о преобладании представителей европейских этносов, прежде всего русских, немцев и украинцев. Постоянный отток данной группы молодежи отражает не только экономические, но и культурно-идентификационные мотивы миграции. Данная динамика формирует долгосрочные риски **сужения этнокультурного разнообразия** страны.

Мотивационная структура молодежной миграции имеет **выраженно экономический характер**. Основные причины миграции связаны с поиском лучших условий труда, образования и общего уровня жизни, что подтверждается результатами социологических опросов: 56,6% респондентов указывают на более высокие заработки за рубежом как главный мотив.

Разнонаправленная динамика миграционных установок молодежи фиксирует одновременный рост числа потенциальных срочных эмигрантов (8,2% в 2024 году против 7,4% в 2022 году) и снижение доли тех, кто рассматривает переезд как отложенную перспективу (30,5% против 35,3%). Это указывает на наличие **тенденции к сжатию временного горизонта миграционных намерений** и усилению импульсивного миграционного поведения.

Совокупный анализ статистических и социологических данных указывает на формирование устойчивой структуры территориального донорства и реципиентства человеческого капитала, при которой социально и экономически ослабленные регионы теряют молодежь, а отдельные урбанизированные зоны наращивают миграционный потенциал. Данная конфигурация требует межсекторального ответа в рамках миграционной, молодежной и региональной политики.

Источник финансирования исследования. Данное исследование проведено в рамках реализации проекта AP22683402 «Внешняя образовательная и трудовая миграция казахстанской молодежи: тенденции и риски» (2024-2026 гг.) по заказу Комитета науки МНВО РК.

Список литературы

1. Официальные данные Бюро национальной статистики РК. // Электронный ресурс: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/>, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
2. De Brauw A., Mueller V., Lee H. L. The role of rural–urban migration in the structural transformation of Sub-Saharan Africa // *World Development*. – 2014. – Т. 63. – С. 33-42.
3. Sardak S. E., Shymanska K.V., Girman A. P., Krupskiy O. P. Sardak S. E., Shymanska K.V., Girman A. P., Krupskiy O. P. – 2021. *Journ. Geol. Geograph. Geoecology*, 30(2), 365-378.
4. Mazzucato V, Haagsman K. Transnational youth mobility: new categories for migrant youth research. *J Ethn Migr Stud*. 2022 Feb 17;48(11):2473-2492. doi: 10.1080/1369183X.2022.2031926. PMID: 35937569; PMCID: PMC9344927.
5. Официальный отчет ООН по миграции. *International Migration 2020 Highlights*. // Электронный ресурс: <https://www.un.org/en/desa/international-migration-2020-highlights>, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
6. Доклад ОЭСР по миграции. *International Migration Outlook 2021*. // Электронный ресурс: <https://www.oecd.org/migration/international-migration-outlook-1999124x.htm>, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
7. Отчет европейского агентства «Cedefop». *Skills for green jobs: European synthesis report*. // Электронный ресурс: https://www.cedefop.europa.eu/files/3078_en.pdf, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
8. Аналитический доклад «Особенности учебной и трудовой миграции молодежи в приграничных регионах», 2024. // Электронный ресурс: <https://www.eljastary.kz/upload/iblock/1eb/2xdj9zu9repep8sk0tia6g0834nny18wh.pdf>, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
9. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж. Авторы: А. К. Джусибалиева, Д. М. Искакова, Б. Б. Дуйсенбаева, С. С. Тлеубердиева, Д. Б. Искакова. Журнал: «Экономика: стратегия и практика», 2022, № 2, с. 126–145. DOI: 10.51176/1997-9967-2022-2-126-145
10. Kazikhanova, S., & Kalenova, T. (2023). Проблемы и перспективы внутренней миграции молодежи Казахстана. *Journal of Philosophy Culture and Political Science*, 83(1). // Электронный ресурс: https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1486?utm_source=chatgpt.com, (дата обращения, 20.08.2025 г.)
11. Тулебаева, М. (2024). Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере Алматинской и Жетысуской областей. *Казахстан-Спектр*, 112 (4).
12. Молодежь Казахстана / статистический сборник / на русском языке / 141 стр. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики, // Электронный ресурс: [https://stat.gov.kz/upload/iblock/a5b/n17dy7e9mgdievy19z6lb2pран3boje0/%D0%A1-12-%D0%93%20\(%D1%80%D1%83%D1%81\).pdf](https://stat.gov.kz/upload/iblock/a5b/n17dy7e9mgdievy19z6lb2pран3boje0/%D0%A1-12-%D0%93%20(%D1%80%D1%83%D1%81).pdf), (дата обращения, 20.08.2025 г.)

References:

1. Official data of the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Electronic resource: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/> (accessed: 20.08.2025).
2. De Brauw A., Mueller V., Lee H. L. The role of rural–urban migration in the structural transformation of Sub-Saharan Africa. *World Development*, 2014, Vol. 63, pp. 33–42.
3. Sardak S. E., Shymanska K. V., Girman A. P., Krupskiy O. P. *Journ. Geol.*

- Geograph. Geocology, 2021, 30(2), pp. 365–378.
4. Mazzucato V., Haagsman K. Transnational youth mobility: new categories for migrant youth research. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2022 Feb 17; 48(11): 2473–2492. doi: 10.1080/1369183X.2022.2031926. PMID: 35937569; PMCID: PMC9344927.
  5. United Nations Migration Report. *International Migration 2020 Highlights*. Electronic resource: <https://www.un.org/en/desa/international-migration-2020-highlights> (accessed: 20.08.2025).
  6. OECD Migration Report. *International Migration Outlook 2021*. Electronic resource: <https://www.oecd.org/migration/international-migration-outlook-1999124x.htm> (accessed: 20.08.2025).
  7. Cedefop Report. *Skills for Green Jobs: European Synthesis Report*. Electronic resource: https://www.cedefop.europa.eu/files/3078_en.pdf (accessed: 20.08.2025).
  8. Analytical Report “Features of Educational and Labor Migration of Youth in Border Regions”, 2024. Electronic resource: <https://www.eljastary.kz/upload/iblock/1eb/2xdj9zu9pepd8sk0tia6g0834njyl8wh.pdf> (accessed: 20.08.2025).
  9. Economic Aspects and Factors of Educational and Labor Migration of Kazakhstani Youth Abroad. Authors: A. K. Dzhusibaliyeva, D. M. Iskakova, B. B. Duysenbayeva, S. S. Tleuberdieva, D. B. Iskakova. *Economics: Strategy and Practice*, 2022, No. 2, pp. 126–145. DOI: 10.51176/1997-9967-2022-2-126-145.
  10. Kazikhanova S., Kalenova T. (2023). Problems and prospects of internal migration of youth in Kazakhstan. *Journal of Philosophy Culture and Political Science*, 83(1). Electronic resource: <https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1486> (accessed: 20.08.2025).
  11. Tulebayeva M. (2024). Internal migration of youth in Kazakhstan: the case of Almaty and Zhetysu regions. *Kazakhstan-Spectrum*, 112(4).
  12. Youth of Kazakhstan / Statistical Compendium / Russian language / 141 pages. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, Bureau of National Statistics. Electronic resource: [https://stat.gov.kz/upload/iblock/a5b/n17dy7e9mgdiivy19z6lb2ppan3boje0/%D0%A1-12-%D0%93%20\(%D1%80%D1%83%D1%81\).pdf](https://stat.gov.kz/upload/iblock/a5b/n17dy7e9mgdiivy19z6lb2ppan3boje0/%D0%A1-12-%D0%93%20(%D1%80%D1%83%D1%81).pdf) (accessed: 20.08.2025).

Материал поступил в редакцию 21.08.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

ПУТЬ К ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ ОАЭ

Ермек Чукубаев¹
Алишербек Ильясов^{2*}

¹Доцент Университета Нархоз, кандидат исторических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: simonoberto1901@gmail.com

^{2*}Докторант PhD Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: alisher.ilyasov91@gmail.com

---

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.010>

Аннотация. В статье анализируется процесс диверсификации экономики Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) с момента образования государства по сегодняшнее время. В частности, рассматриваются стратегии «Видение 2021» и «Видение 2031», предусматривающие долгосрочные планы по расширению разнообразия экономических столпов страны с акцентом на знания, инновации и технологии. Основной задачей стратегии является дерегулирование рыночных отношений, дальнейшее продвижение страны как логистического хаба Ближнего Востока и обеспечение частного сектора необходимой инфраструктурой и институтами для ведения бизнеса.

В статье дается анализ эволюции реформ, принятых для достижения цели по уменьшению сырьевой зависимости путем внедрения цифровых новшеств, поддержки современных разработок и предпринимательства. Также рассматриваются результаты экономической диверсификации, достигнутые за счет развития нефтяных секторов. Данные показатели подтверждают, что процесс диверсификации достиг определенного прогресса, но все еще имеет перспективы дальнейшего роста. Опыт ОАЭ показывает важность стратегического видения, а также значимость эффективности реализации проектов, путем стимулирования заинтересованности населения в достижении результата.

Ключевые слова: диверсификация, инновации, цифровые технологии, устойчивое развитие.

БАӘ ЭКОНОМИКАСЫН ДИВЕРСИФИКАЦИЯЛАУ ЖОЛЫ

Ермек Чукубаев¹, Алишербек Ильясов^{2*}

¹Нархоз университетінің доценті, тарих ғылымдарының кандидаты, Алматы, Қазақстан; e-mail: simonoberto1901@gmail.com

^{2*}Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты, Алматы, Қазақстан; e-mail: alisher.ilyasov91@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Біріккен Араб Әмірліктеріндегі (БАӘ) мемлекеттің құрылуынан бастап бүгінгі күнге дейінгі экономиканы әртараптандыру үдерісі талданады. Атап айтқанда, ол білімге, инновацияға және технологияға баса назар аудара отырып, елдің экономикалық тіректерінің алуан түрлілігін кеңейтудің ұзақ мерзімді жоспарларын қамтамасыз ететін «Vision 2021» стратегиясы мен «Vision 2031» стратегиясын қарастырады. Стратегияның негізгі мақсаты – нарықтық қатынастарды реттеу, елді Таяу Шығыстағы логистикалық хаб ретінде одан әрі ілгерілету және жеке секторды бизнесті жүргізу үшін қажетті инфрақұрылыммен және институттармен қамтамасыз ету.

Мақалада цифрлық технологияларды енгізу, инновациялар мен кәсіпкерлікті қолдау арқылы тауарға тәуелділікті азайту мақсатына жету үшін қабылданған реформалар эволюциясы талданады. Сондай-ақ шикізаттық емес секторларды дамыту арқылы қол жеткізілген экономиканы әртараптандырудың нәтижелері талқыланады. Бұл көрсеткіштер әртараптандыру үдерісінің біршама ілгерілеушілікке қол жеткізгенін растайды, бірақ әлі де одан әрі өсу перспективалары бар. БАӘ тәжірибесі халықтың нәтижеге қол жеткізуге қызығушылығын ынталандыру арқылы стратегиялық көзқарастың маңыздылығын, сонымен қатар жобаны іске асыру тиімділігінің маңыздылығын көрсетеді.

Түйін сөздер: *әртараптандыру, инновация, цифрлық технологиялар, тұрақты даму.*

THE PATH TO DIVERSIFICATION OF THE UAE ECONOMY

Ermek Chukubaev¹, Alisherbek Ilyasov^{2*}

¹Associate Professor of Narxoz University, PhD in History, Almaty, Kazakhstan; e-mail: simonoberto1901@gmail.com

^{2*}PhD Candidate at Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: alisher.ilyasov91@gmail.com

Abstract. The article analyzes the process of economic diversification in the United Arab Emirates (UAE) from the formation of the state to the present day. In particular, it considers the Vision 2021 strategy and the Vision 2031 strategy, which provide long-term plans to expand the diversity of the country's economic pillars with an emphasis on knowledge, innovation and technology. The main objective of the strategy is to deregulate market relations, further promote the country as a logistics hub in the Middle East and provide the private sector with the necessary infrastructure and institutions for doing business.

The article analyzes the evolution of reforms adopted to achieve the goal of reducing commodity dependence through the introduction of digital technologies, support for innovation and entrepreneurship. It also discusses the results of economic diversification achieved through the development of non-oil sectors. These indicators

confirm that the diversification process has achieved some progress, but still has prospects for further growth. The UAE experience shows the importance of strategic vision, as well as the significance of the effectiveness of project implementation, by stimulating the interest of the population in achieving results.

Keywords: *diversification, innovation, digital technologies, sustainable development.*

Введение

Понятие «диверсификация экономики» имеет разные определения. Наиболее общим объяснением термина является преобразование зависимости экономики, получающей прибыль от одного источника дохода в множественные. То есть денежный поток, который получает государство, должен поступать из разных сегментов бизнеса. Данная стратегия имеет важное значение для защиты национальной экономики от непредсказуемой волатильности внешнего рынка, который влияет на спрос и предложение определенного товара или услуги. Известный факт, что государства с более диверсифицированными производственными структурами, имеют большую экономическую стабильность, более низкую волатильность производства и потребления. Более того, экономическое разнообразие рынка имеет решающее значение для страны, зависящей от сырьевых товаров, поскольку оно снижает уязвимость к внешним событиям, таким как изменение цен и неопределенность на мировых экономических рынках. В связи с этим, политика, направленная на разработку стратегии диверсификации для экономик, зависящих от одного товара, как это наблюдается в странах, богатых углеводородами, является целесообразной.

Страны, сильно зависящие от одного экономического сектора, демонстрирующие низкий уровень экономической диверсификации, часто испытывают неблагоприятное воздействие на производительность и конкурентоспособность [1]. Кроме того, разнообразие экспорта играет важную роль в содействии диверсификации экономики. Опыт международной практики показывает, что диверсификация снижает общий макроэкономический риск и помогает избежать «проклятия природных ресурсов», в то время как низкий уровень разнообразия экономики препятствует расширению технологических границ. Стратегия по получению прибыли государством из нескольких источников имеет основополагающее значение для достижения сбалансированной экономики, устойчивого экономического роста, торговли и создания рабочих мест. Инициатива, включающая структурные изменения экономики, позволяет переориентировать ее на деятельность, основанную на знаниях и инновациях. Разработка новых эффективных технологий, в том числе в энергетическом секторе, является основной целью диверсифицированной экономики.

В свою очередь, ОАЭ являются второй по величине арабской экономикой и относятся к странам с высоким уровнем дохода. Их путь достижения благоприятных экономических показателей во многом отличался от мировых лидеров ВВП. Фактически, страна не проходила гипотетические «этапы», через которые проходят большинство развитых государств [2]. Огромные

доходы энергоресурсов позволили стране сократить сложный и длительный процесс сбережения и накопления капитала, необходимое для экономического развития.

С момента образования федерации из семи эмиратов, государство стремится реализовать долгосрочное видение, ориентированное на комплексные реформы, направленные на достижение диверсифицированной экономики, основанной на знаниях и инновациях. В результате в 2010 году было принято «Видение 2021», включающее комплекс мер по расширению экономической базы, укреплению частного нефтегазового сектора и обеспечению долгосрочного устойчивого прогресса [3]. С момента запуска стратегия стала краеугольным камнем приверженности правительства стать диверсифицированной глобально-конкурентоспособной экономикой. Видение и связанные с ним планы проложили путь к устойчивости и диверсификации потока государственной прибыли. Стратегия помогла расширить экономическую базу, увеличить возможности частного сектора и обеспечить долгосрочную финансово-устойчивую прибыль. Достигнув определенного прогресса к 2021 г., страна продолжила путь трансформации экономики путем принятия видения «We are the UAE 2031» в 2022г., которое является продолжением и адаптированной к реалиям сегодняшнего времени версией предыдущей стратегии [4]. В целом, ОАЭ постепенно ориентируют свою экономику на меньшую зависимость от нефтегазового сектора, где торговля, туризм, строительство, логистика, авиация, инфраструктура, финансы и производство являются основными драйверами.

Методы и методология

В статье применяется сочетание аналитических методов для изучения экономической диверсификации в Объединенных Арабских Эмиратах. Сравнительно-исторический анализ используется для отслеживания экономической траектории страны с 2000 года по настоящее время, выделяя ключевые этапы, сформированные национальными стратегиями, как «Видение 2021» и «We are the UAE 2031». Анализ демонстрирует постепенное снижение доли нефтегазовых доходов в государственном бюджете, в то время как нефтегазовые секторы, такие как туризм, логистика и финансы, приобретали все большую значимость.

Вместе с тем, используется количественный анализ для изучения статистических показателей, включая рост ВВП. Графическое представление динамики общей стоимости всех товаров и услуг иллюстрирует устойчивый рост экономики ОАЭ, а таблица, показывающая долю нефтегазовых доходов бюджета, свидетельствует о постепенном снижении нефтегазовой зависимости.

Кроме того, проводится анализ политики для оценки эффективности государственных инициатив по стимулированию экономических преобразований. Национальные программы, продвигающие возобновляемую энергетику, передовые технологии и международные финансовые услуги, анализируются как практические инструменты, способствующие диверсификации.

В исследовании также применяется описательно-аналитический метод

для объяснения важности стратегий для построения экономики, основанной на знаниях, и обеспечения устойчивого долгосрочного роста. Например, инвестиции в образование и инновации считаются важнейшими факторами конкурентоспособности за пределами нефтяного сектора.

Благодаря смешанному подходу исследование предоставляет как статистические, так и концептуальные данные, показывая, как видение и инициативы ОАЭ формируют последовательный путь к диверсифицированной и устойчивой экономике.

Результаты исследования их обсуждение

Переход от ресурсной экономики к альтернативным источникам дохода является значимой повесткой современных сырьевых стран. В свою очередь ОАЭ, продвигают эту идею практически с начала получения первых нефтяных доходов. Страна прошла путь трансформации от кочевничества и ловли жемчуга в богатую энергетическими ресурсами страну, занимающую 7 место в мировом рейтинге по запасам нефти с резервами в объеме 111 млрд. баррелей [5], 7 место по запасам природного газа с объемом 6,1 трлн. м³ [6] и 29 место по объему экономики в мире с ВВП 548 млрд. долларов США. [7].

Понимая, что иссекаемые природные ресурсы не могут обеспечить долгосрочную устойчивую стабильность, ОАЭ взяли курс на диверсификацию экономику путем инвестирования нефтяных доходов в другие сектора. В результате были разработаны и реализованы планы по разнообразию доходов, где значительный акцент был дан производству и услугам. В первую очередь был дан импульс таким секторам, как туризм, торговля, производство, финансовые услуги, а также развитие частного сектора. Кроме того, ключевой политикой стало привлечение инвестиций в технологии, искусственный интеллект, разработки и цифровую экономику. Прямые иностранные инвестиции являются важными макроэкономическими переменными, которые способствуют экономической диверсификации и стимулируют инновации.

В продолжении государственных инициатив по уменьшению сырьевой зависимости в 2010 году было принято «Видение 2021» которое является одним из основных столпов приверженности правительства долгосрочной цели по становлению глобальной конкурентоспособной экономикой, основанной на знаниях и инновациях [8]. «Видение 2021» основывается на четырёх основных идеях: «амбициозная и уверенная нация, основанная на наследии», «крепкий союз, объединённый общей судьбой», «конкурентоспособная экономика, движимая знающими и инновационными гражданами» и «благоприятная и устойчивая среда для качественной жизни». Все это входит в эмиратскую инициативу «Наша ответственность перед нашей страной». Видение направлено на расширение прав и возможностей страны и её граждан путём укрепления национальной идентичности, духа уверенности и чувства ответственности, построение стабильных семей и сплочённого общества, основанного на подлинных исламских и арабских ценностях.

Стратегия делает акцент на укрепление безопасности, интеграции и построении диверсифицированной экономики, основанной на лучших компетенциях для обеспечения долгосрочного процветания, развития

высококачественных систем образования и здравоохранения, а также поддержание устойчивой окружающей среды, обеспечивающей стабильность будущим поколениям.

Вместе с тем, руководство страны представило множество планов и инициатив, дополняющих «Видение 2021». Так, в 2014 году была разработана национальная повестка, направленная на формирование культуры предпринимательства в школах и университетах, с акцентом на воспитание молодого поколения с лидерскими качествами, креативностью и ответственностью. Цель повестки заключалась в превращении страны в конкурентоспособную экономику знаний и глобальный экономический и торговый центр. Еще одной важной инициативой стала Национальная инновационная стратегия ОАЭ, направленная на создание благоприятной для новшеств среды, поддержку лидеров и стимулирование нововведений [9].

В дополнении в 2017 году была принята стратегия по искусственному интеллекту (ИИ), ознаменовавшая переход к этапу постмобильного правительства, в котором будут задействованы современные услуги и инфраструктурные проекты. Национальная стратегия в области искусственного интеллекта до 2031 года включает стратегические цели и инициативы, направленные на использование ИИ в жизненно важных областях, как образование, государственные услуги и благосостояние общества. Видение 2021 и связанные с ним планы проложили путь к устойчивой и диверсифицированной экономике, основанной на знаниях и инновациях. Это способствовало расширению экономической базы, увеличению возможностей частного сектора и обеспечению долгосрочной финансовой устойчивости [10].

22 ноября 2022 года, в продолжении инициатив «Видение 2021», было принято «Видение 2031» под лозунгом «We are the UAE 2031» (Мы – ОАЭ 2031). Данная стратегия является национальным планом, определяющим будущий рост и развитие страны на ближайшее десятилетие. Она основана на укреплении международных позиций ОАЭ, экономической диверсификации и повышении качества жизни населения. Целью является превращение арабской федерации залива в один из ведущих мировых финансовых центров к 2031 году, с новыми ориентирами в области инноваций, устойчивого развития и прогресса в обществе.

На протяжении десятилетий Эмираты неизменно были лидером в развитии и прогрессе, устанавливая новые стандарты экономического роста и устойчивого развития. В этом плане «Видение 2031» является шагом к укреплению позиций страны как мирового лидера в области экономической диверсификации, передовых технологий и устойчивого развития. Основываясь на четырёх ключевых принципах: передовое общество, передовая экономика, передовая дипломатия и передовая экосистема, видение делает акцент на использовании ИИ, технологий и стратегических инвестиций для повышения глобальной конкурентоспособности. С акцентом на цифровизацию и устойчивое развитие, план излагает конкретные шаги экономической диверсификации и долгосрочного процветания, а также ставит цель удвоить ВВП страны с 548 млрд. долл. США до более 1 трлн долл. США [11].

Стопп «Передовое общество» направлен на повышение благосостояния

граждан, содействие инклюзивности и сохранение культурного наследия. Основное внимание уделяется созданию страны с развитыми социальными правами, которая позволит семьям и сообществам вносить свой вклад в достижения успеха. Два важнейших аспекта концепции «прогрессивного общества» и видения правительства заключаются в расширении прав и возможностей индивидуальных лиц, предоставление качественного образования для обеспечения непрерывного обучения, улучшение здравоохранения с целью создания системы здравоохранения мирового уровня, создание большего количества жилья и финансовой безопасности, создание улучшенных возможностей трудоустройства в различных секторах экономики.

Концепция «Передовая экономика» направлена на развитие диверсифицированной, сильной и ориентированной на будущее экономики. Используя человеческий капитал как самый мощный актив, ОАЭ будут стремиться развивать инновации, привлекать лучшие кадры со всего мира и поддерживать развитие бизнеса. Цель — поставить страну в центр мировой экономической оси посредством инвестиций в перспективные секторы и создания конкурентоспособного делового климата. Планируется уделять больше внимания новым стратегическим направлениям, таким как цифровая экономика, финансовые технологии, передовые производственные технологии и развитие логистики. Уже сегодня Эмираты являются «воротами» в Ближний Восток. Так как большая часть импортируемых арабским миром товаров реэкспортируется через ОАЭ. В связи с этим, страна смело заявляет, что она является логистическим хабом арабского мира. Также намечены задачи по укреплению государственно-частного партнерства в целях обеспечения роста национальной экономики. В рамках концепции по передовой экономике планируется повысить конкурентоспособность рабочей силы, оптимизировать стоимости нефтяных ресурсов и инвестиции в более чистую, устойчивую энергетику, занять лидерские позиции в переходе к зеленой энергетике и экономически обоснованной политике устойчивого развития [12].

Основной принцип ОАЭ — это передовая дипломатия, которая укрепляет их роль в продвижении мира, экономического сотрудничества и устойчивого развития. Стремясь к построению прочных международных партнерств, Эмираты стремятся влиять на глобальные дискуссии по ключевым вопросам, содействовать гуманитарным инициативам и установлению долгосрочной стабильности. Основные направления деятельности входит позиционирование ОАЭ как глобального торгового центра и экономического моста между странами, стимулирование расширения международного сотрудничества и участие в ключевых экономических саммитах, стимулирование инвестиций и трансграничной деятельности. Данный принцип также включает задачи по поощрению толерантности, диалога и межкультурного взаимопонимания для укрепления мира, спонсорство глобальных кампаний по обеспечению безопасности и оказание гуманитарной помощи, активное участие в разрешении конфликтов и миссиях по ликвидации последствий стихийных бедствий. В дополнении следует отметить, что ОАЭ являются пионерами в области глобальной устойчивости. В связи с этим планируется продолжить активность по ведению глобальных дебатов по вопросам устойчивого развития

и глобального потепления. Также продолжить инвестирование в «зелёные» технологии и создание мира с нулевым уровнем выбросов углерода.

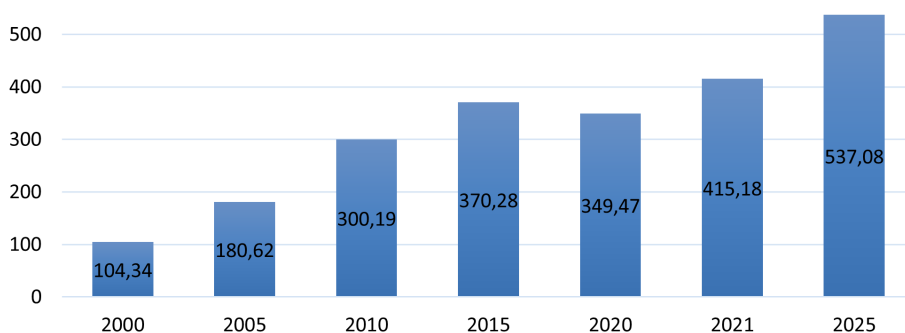
Ключевой принцип «Видения 2031» является «Передовая экосистема», направленная на максимальное использование технологий и инноваций для повышения эффективности управления, безопасности и инфраструктуры. Следуя своему видению, ОАЭ работают над созданием эффективной, безопасной и устойчивой экосистемы развития без ущерба для окружающей среды, где основное внимание уделяется следующим факторам: внедрение футуристических технологий в разработку разумной, динамичной политики, внедрение платформ управления на основе искусственного интеллекта для обеспечения принятия обоснованных и своевременных решений, стимулирование инноваций для повышения эффективности государственных услуг и эффективности. При этом важную роль будет играть цифровая и физическая инфраструктура мирового класса с акцентом на создание передовой инфраструктуры для высоких технологий, например, 5G и умных городов. Планируется объединение новейших транспортных решений, зеленой энергетики и умного городского планирования.

«Видение 2031» — это больше, чем просто дорожная карта, это обещание сделать страну лидером в области глобальной экономической устойчивости и стабильности благодаря технологиям мирового уровня. Уделяя огромное внимание искусственному интеллекту, цифровизации и перспективной инфраструктуре, ОАЭ формируют новые стандарты управления, делового совершенства и экологической ответственности. Благодаря стратегическим альянсам, инвестициям в человеческий капитал и внедрению новейших технологий, таких как искусственный интеллект, для реализации «Видения 2031», ОАЭ не только укрепляют свои международные позиции, но и создают прогрессивное, инклюзивное и конкурентоспособное будущее на мировом уровне. Это видение гарантирует долгосрочное процветание ОАЭ как инновационного центра, устойчивого развития окружающей среды и международного хаба для глобального сотрудничества [13].

Основной задачей «Видение 2021» является построение экономики, основанной на знаниях, в то время как Видение 2031 ставит задачу превращения страны в глобальную экономическую державу и лидера в будущих отраслях.

В результате принятых стратегии стране удалось увеличить ВВП в 5 раз с 104 млрд. долл. США в 2000 г. до 537 млрд. долл. США в 2024 г., в том числе ВВП на душу населения увеличился с 29 тыс. долл. США до более 49 тыс. долл. США за этот же период.

График 1. Показатели ВВП в млрд долл. США в разные годы

Источник: Всемирный банк

Согласно таблице необходимо отметить, что ВВП ОАЭ имеет стабильный рост на протяжении всего периода с небольшим падением в 2020 году в связи с пандемией COVID 19. При этом следует отметить, что доля нефти в общем объеме ВВП составляет 24,5%, достигая 131 млрд долл. США. В свою очередь, направления, не связанные с нефтью, насчитывают 75,5% от общего ВВП достигая более 405 млрд долл. США в 2025 году. То есть общая стоимость всех товаров и услуг преобладает над стоимостью нефтяного сектора в три раза [14].

В отношении прибыли государства от нефтяных доходов, также можно отметить динамику уменьшения зависимости от энергоресурсов. Объем дохода от экспорта энергоресурсов в 2000 году составлял 93,8% от общего объема экспортируемых товаров, в то время как в 2023 году этот показатель упал до 68%. С учетом роста экономики в пять раз и уменьшение зависимости от экспортной прибыли нефти и газа на более 25%, можно подчеркнуть, что ОАЭ результативно реализовывают намеченные планы по диверсификации экономики [15]. Тем не менее, более 2/3 доходов государства все еще составляет прибыль от энергоресурсов. В связи с этим, необходимо отметить, что стране еще далеко до свободы от ресурсной зависимости.

Таблица 1. Доход от нефти в общем объеме экспорта

Год	ОАЭ	Оман	Саудовская Аравия	Казахстан
2000	93.8%	83.2%	92.3%	50.1%
2001	91.8%	80.6%	89.5%	56.1%
2002	55.7%	77.5%	89.6%	58.3%
2003	48.3%	76.8%	89.7%	61.2%
2004	54.1%	91.1%	89.8%	64.3%
2005	57.7%	91.8%	91.0%	70.1%
2006	62.3%	91.4%	91.0%	68.7%
2007	63.7%	89.1%	90.2%	66.0%
2008	62.3%	86.4%	91.4%	68.7%

2009	43.5%	75.0%	87.8%	69.5%
2010	50.0%	77.8%	87.6%	71.7%
2011	53.5%	74.4%	88.7%	72.0%
2012	47.2%	83.5%	88.6%	69.9%
2013	55.8%	82.6%	87.6%	76.3%
2014	50.8%	81.7%	85.2%	76.4%
2015	37.7%	76.2%	78.4%	67.7%
2016	31.6%	76.1%	77.5%	60.7%
2017	36.0%	73.7%	79.8%	63.3%
2018	68.5%	75.2%	81.0%	70.0%
2019	77.8%	76.3%	79.6%	66.2%
2020	71.4%	63.6%	67.6%	65.4%
2021	70.3%	65.3%	77.5%	65.6%
2022	73.1%	74.0%	-	68.0%
2023	68.2%	74.2%	-	58.9%
разница за период	-25.6%	-9.0%	-14.8%	+8.8%

Источник: Всемирный банк

Основными драйверами нефтяного сектора ОАЭ являются торговля, туризм, строительство, логистика, авиация, инфраструктура, финансы и производство стали. Согласно таблице, в сравнении с другими нефтяными странами ОАЭ добились неплохих результатов с показателем уменьшения нефтяного дохода в общем объеме экспорта страны. В целом, Эмираты постепенно ориентировали свою экономику на меньшую зависимость от одного источника дохода. Ключевой политикой правительства ОАЭ является привлечение большего объема инвестиций в перспективные секторы, такие как передовые технологии, искусственный интеллект, исследования и разработки, а также цифровая экономика.

Следует отметить, что диверсификация требовала реструктуризации экономики, включая внедрение новых технологий в различных секторах, таких как производство, услуги и торговля. С этой целью страна провела важные реформы, затрагивающие институты государства, общественные договоры и систему образования. Для правительства ОАЭ главной целью стало развитие предпринимательского духа с акцентом на ключевую роль частного сектора в экономике. Вместе с тем, следует отметить, что, ОАЭ вели экономическую диверсификацию и до пандемии, но COVID-19 ускорил реализацию стратегических планов. Такие факторы, как падение и волатильность цен на нефть во время эпидемии, а также экономический спад, способствовали трансформации экономики и ускорению процесса диверсификации. Кроме того, в 2022 году МВФ подчеркнул макроэкономическую поддержку ОАЭ и относительно высокий уровень цифровизации, которые помогли снизить некоторые риски, связанные с долгосрочными последствиями кризиса. Фактически, в последние годы ОАЭ добились значительных успехов в росте цифрового и промышленного развития [16].

В своих усилиях по диверсификации экономики ОАЭ активно инвестировали в возобновляемые источники энергии и продвигали решения, основанные на солнечной и ветровой энергии. Страна также стремится содействовать развитию ядерной энергетики, повышению

энергоэффективности, стимулировать исследования и разработки и инновации в области энергетических технологий, а также увеличивать местные мощности чистой энергии. Использование альтернативных источников энергии для удовлетворения внутреннего спроса на электричество позволяет не только снизить зависимость от энергоресурсов, но и высвободить значительный объем нефти и газа которые экспортируются и приносят дополнительный доход в бюджет государства.

В свою очередь ОАЭ являются не единственной ресурсной страной имеющей стратегию по диверсификации экономики. Так, например, Саудовская Аравия запустила «Видение 2030» [17], Катар имеет «Национальное видение 2030» [18], Казахстан реализовывает «Стратегию 2050». Данные стратегии имеют ряд сходств и уникальных особенностей так как сегодня многие государства стремятся снизить зависимость от сырьевых источников, привлечь иностранные инвестиции, стимулировать инновации и расширить человеческий капитал. Тем не менее эмиратская стратегия отличается от других акцентом на быструю трансформацию, глобальное влияние и трендовые отрасли будущего (ИИ, зелёная энергетика, передовое производство, логистика, космические технологии).

Необходимо отметить, что Видение регионального лидера в лице Саудовской Аравии имеет сходство с ОАЭ в плане акцента на приватизацию, туризм, логистику и нефтяные отрасли, но отличается акцентом на реализацию крупномасштабных мегапроектов и более централизованной внутренней реструктуризацией.

В свою очередь, Национальное видение Катара больше ориентировано на развитие человеческого потенциала, социальное обеспечение и экономику знаний. При этом процесс диверсификации происходит более медленно в связи с меньшей численностью населения и зависимостью от экспорта сжиженного природного газа (СПГ).

Казахстан делает акцент на промышленную диверсификацию, в частности через Государственную программу индустриально-инновационного развития. Программа направлена на расширение несырьевых производственных секторов, таких как металлургия, химическая промышленность, машиностроение, фармацевтика и производство строительных материалов. Республика Казахстан добилась прогресса в увеличении доли обрабатывающей промышленности в ВВП, привлечении иностранных компаний в специальные экономические зоны и запуске новых предприятий в металлургии, нефтехимии и транспортном машиностроении. Тем не менее, РК еще сталкивается со значительными структурными и институциональными проблемами в достижении полной диверсификации [19].

Таблица 2. Сальдо внешней миграции молодежи Казахстана [12]

Стратегия	«Видение 2031» ОАЭ «We are the UAE 2031»	«Видение 2030» Саудовской Аравии	«Национальное Видение 2030» Катар	Стратегия «Казахстан 2050»
-----------	--	--	---	----------------------------------

Основная цель:	Глобальное экономическое лидерство, удвоение ВВП, рост экономики, не связанной с нефтью.	Сокращение зависимости от нефти, приватизация, мегапроекты.	Устойчивое развитие человеческого потенциала, экономика знаний.	Промышленная диверсификация, инфраструктурные коридоры.
Экономические направления	ИИ, цифровая экономика, зелёная энергетика, космос, логистика, финансы.	Туризм, развлечения, горнодобывающая промышленность, логистика, возобновляемые источники энергии.	Диверсификация на основе СПГ; образование; НИОКР.	Горнодобывающая промышленность, металлургия, сельское хозяйство, логистика.
Роль государства	Высококоординированная вовлеченность, ориентированная на инновации и интересы бизнеса.	Централизованная реструктуризация; мегапроекты, реализуемые государством.	Сильное государство всеобщего благосостояния; более медленные темпы диверсификации.	Активное участие государства
Инвестиционная модель	Привлечение международных талантов и капитала, глобальное партнерство	Государственные инвестиции + приватизация	Государственные инвестиции, ориентированные на образование	Государственные программы + иностранные инвестиции
Устойчивое развитие	Углеродная независимость к 2050, зеленый водород, чистая мобильность	Переход на возобновляемые источники энергии, устойчивое развитие NEOM.	Охрана окружающей среды, управление водными ресурсами.	Возобновляемые источники энергии, экологическая модернизация

Источник: БНС АСПиР РК

Диверсификация экономики ОАЭ с целью снижения зависимости от углеводородов не является линейным и лишённым рисков процессом, и эти риски необходимо учитывать при оценке долгосрочной устойчивости текущей модели развития. Во-первых, существует макроэкономический и фискальный риск: несмотря на быстрый рост нефтегазовых секторов, государственные доходы, накопление суверенного богатства и возможности государственных инвестиций по-прежнему тесно связаны с колебаниями мировых цен на нефть. Длительный спад на рынках углеводородов может сократить фискальное пространство, необходимое для финансирования крупномасштабных инфраструктурных, инновационных и гуманитарных проектов, лежащих в основе диверсификации.

Во-вторых, структурная трансформация частного сектора несет в себе риски реализации. Создание конкурентоспособных нефтегазовых секторов, таких как передовое производство, логистика, туризм, финансы и цифровая экономика, требует непрерывной реформы системы регулирования, сильных институтов, эффективной конкурентной политики и способности привлекать частные инвестиции, а не вытеснять их через доминирующие

государственные и квазигосударственные структуры. Если реформы будут неравномерными или стимулы будут неравномерно распределены, диверсификация может остаться поверхностной, а рост ненефтяного сектора будет зависеть от государственных расходов и иностранной рабочей силы, а не от повышения производительности.

В-третьих, существуют важные риски, связанные с рынком труда и человеческим капиталом. Модель роста ОАЭ в значительной степени зависит от иностранных работников, в то время как политика национализации (например, эмиратизация) направлена на расширение участия граждан ОАЭ в частном секторе. Если результаты образования, формирование навыков и структуры стимулирования на рынке труда не будут корректироваться достаточно быстро, возникает опасность несоответствия навыков требованиям рынка труда, неполной занятости среди местных жителей или роста расходов на заработную плату, что может подорвать конкурентоспособность в новых секторах.

В-четвертых, диверсификация подвергает ОАЭ новым внешним факторам уязвимости. Более тесная интеграция в глобальные цепочки создания стоимости, финансовые рынки и цифровые сети увеличивает подверженность глобальным шокам спроса, финансовой волатильности, киберрискам и геополитической напряженности, влияющей на торговые пути, потоки капитала и настроения инвесторов. Более открытая и ориентированная на сферу услуг экономика, следовательно, более чувствительна к изменениям в международном регулировании, санкциям и меняющимся альянсам.

Заключение

За пятьдесят лет своего существования ОАЭ превратились из страны, в основном зависящей от кочевого образа жизни и добычи жемчуга, в богатую страну с нефтяными ресурсами. С самого начала ОАЭ приняли режим свободной торговли и сумели добиться постоянно растущих темпов экономического роста. Однако степень диверсификации экономики необходимо продолжать и повышать. Действительно, комплексные программы реформ правительства и рыночные силы сыграли ключевую роль в постепенном изменении структуры производства экономики. Более того, некоторые макроэкономические переменные, такие как экспорт, торговля, инвестиции в инфраструктуру, прямые иностранные инвестиции оказали значительное влияние на процесс диверсификации. В дополнении, инновации и новые технологии, цифровизация получили значительный импульс благодаря стратегиям «Видение 2021», через которую продвигалась экономика, основанная на знаниях и через «Видение 2031», где основная задача это превращение страны в глобальную экономическую державу и лидера в будущих отраслях. Таким образом, результаты выглядят многообещающими, хотя углеводородный сектор продолжает играть важную роль в стране, так как энергоресурсы до сих пор составляют более 2/3 дохода в общем объеме экспорта.

Продвигая экономику, основанную на знаниях через и поощряя предпринимательство, инвестируя в стратегические секторы, ОАЭ фактически пытаются снизить свою зависимость от нефтяных доходов, одновременно развивая динамичную и устойчивую экономику, преследуя

амбициозную цель стать ключевым игроком в развивающихся отраслях будущего. Но переход к низкоуглеродной экономике, основанной на знаниях, сопряжен с экологическими, технологическими и управленческими рисками. Амбициозные инвестиции в возобновляемые источники энергии, водород и передовые технологии могут столкнуться с технологической неопределенностью, привязкой к конкретным платформам или быстро меняющимся мировым стандартам.

В то же время, если международные партнеры сочтут декарбонизацию слишком медленной, Эмираты столкнутся с репутационными рисками и потенциальными торговыми мерами, связанными с выбросами углерода. В случае если же внутри страны декарбонизация будет воспринята как слишком быстрая, ОАЭ может столкнуться с сопротивлением со стороны существующих интересов, связанных с углеводородным сектором. Для управления этой напряженностью требуется последовательное долгосрочное планирование, координация политики на федеральном и эмиратском уровнях, а также сильные институты, способные осуществлять мониторинг, обучение и адаптацию. В целом, хотя экономическая диверсификация открывает ОАЭ путь к устойчивости за пределами нефтяного сектора, ее успех будет зависеть от того, насколько эффективно эти макроэкономические, структурные, социальные, геополитические и управленческие риски будут прогнозироваться и минимизироваться. С учетом этого, процесс диверсификации в стране необходимо продолжить, уделяя особое внимание развитию сектора образования, научных исследований, а также инновациям и конкурентоспособности малых и средних предприятий.

Список литературы

1. Callen, T., Cherif, R., Hasanov, F., Hegazy, A., & Khandelwal, P. (2014). Economic Diversification in the GCC: Past, Present, and Future. IMF Staff Discussion Note, SDN/14/12, December. / [<https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1412.pdf>]
2. Ministry of Economy of the UAE. Report on the impact of non-communicable diseases on GCC's economic growth/ [<https://www.moec.gov.ae/en/-/ministry-of-economy-and-world-bank-launch-report-on-the-impact-of-non-communicable-diseases-on-gcc-s-economic-growth>]
3. United in Ambition and determination. Видение 2021. [<https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/vision-2021>]
4. Official website of the vision "We the UAE 2031" / [<https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/we-the-uae-2031-vision/>]
5. Oil reserves by country 2025 / [<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-reserves-by-country/>]
6. Index mundi / [<https://www.indexmundi.com/energy/?product=gas&graph=reserves&display=rank>]
7. International Monetary Fund. Projected GDP Ranking. [<https://statistics-times.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php>]
8. Министерство образования, (2021). Ежегодный экономический 2021. Абу-Даби. ОАЭ [https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0/Annual_Report_MOE]
9. Министерство по делам кабинета министров ОАЭ (2015). Национальная

- инновационная стратегия ОАЭ. Аппарат премьер-министра при Министерстве по делам кабинета министров ОАЭ. / [https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/national-innovation-strategy].
10. Schiliro, D. (2013). Diversification and Development of the United Arab Emirates' Economy. *Journal of Applied Economic Sciences*, VIII (2(24)), 228-239. [https://www.researchgate.net/publication/256378376_Diversification_and_development_of_the_United_Arab_Emirates'_economy#fullTextFileContent]
  11. Rajan Rauniyar. UAE Vision 2031: Key Goals, Strategies & Future Plans / [https://www.cleartax.com/ae/uae-vision-2031]/17.04.2025
  12. Farkhod Aminjonov. Policy Innovations and Rationale for Sustainable Energy Transition in the UAE. National Defence College. 30.12.2020
  13. Antonio Crupi. The UAE Economy and the Path to Diversification and Innovation. University of Messina. 30.12.2023
  14. World Bank Group. UAE GDP datas / [https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2024&locations=AE&start=1970&view=chart]. 11.09.2025
  15. World Bank Group. UAE oil rents. [https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PETR.RT.ZS]. 11.09.2025.
  16. Jensen, S. (2018). Policy Implications of the UAE's Economic Diversification Strategy: Prioritizing National Objectives. In *Economic Diversification in the Gulf Region, Volume II. Comparing Global Challenges*.
  17. Saudi Vision 2030 / [https://www.vision2030.gov.sa/en]. 30.11.2025.
  18. Qatar National Vision 2030 / [https://www.npc.qa/en/QNV/pages/default.aspx]. 30.11.2025.
  19. Бизикова Т.А., Пивоварова А.Д. Реализация стратегии «Казахстан 2050»: достигнутые результаты. Костанайский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет», Республика Казахстан, г. Костанай 07.12.2016

References:

1. Callen, T., Cherif, R., Hasanov, F., Hegazy, A., & Khandelwal, P. (2014). Economic Diversification in the GCC: Past, Present, and Future. *IMF Staff Discussion Note*, No. SDN/14/12, December. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1412.pdf>. (accessed 01.09.2025).
2. Ministry of Economy of the United Arab Emirates. Report on the Impact of Non-Communicable Diseases on GCC Economic Growth. Available at: <https://www.moec.gov.ae/en/-/ministry-of-economy-and-world-bank-launch-report-on-the-impact-of-non-communicable-diseases-on-gcc-s-economic-growth> (accessed 15.09.2025).
3. United in Ambition and Determination. UAE Vision 2021. Official strategic document of the Government of the United Arab Emirates. Available at: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/vision-2021> (accessed 01.09.2025)
4. We are the UAE 2031 Vision. Official website of the long-term development strategy of the United Arab Emirates. Available at: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/we-the-uae-2031-vision> (accessed 02.10.2025).
5. Oil Reserves by Country, 2025. *World Population Review*. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/oil-reserves-by-country> (accessed 02.09.2025).
6. Index Mundi. Energy Statistics: Natural Gas Reserves. Available at: <https://www.indexmundi.com/energy/?product=gas&graph=reserves &display=rank> (accessed 02.09.2025).
7. International Monetary Fund. Projected World GDP Ranking. Available at: <https://statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php> (ac-

- cessed 03.09.2025).
8. Ministry of Education of the United Arab Emirates. (2021). Annual Economic Report 2021. Abu Dhabi, United Arab Emirates. Available at: https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0/Annual_Report_MOE (accessed 03.09.2025).
  9. Ministry of Cabinet Affairs of the United Arab Emirates. (2015). National Innovation Strategy of the United Arab Emirates. Prime Minister's Office, UAE. Available at: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/national-innovation-strategy> (accessed 04.09.2025).
  10. Schiliro, D. (2013). Diversification and Development of the United Arab Emirates' Economy. *Journal of Applied Economic Sciences*, Vol. VIII, No. 2(24), pp. 228–239. Available at: https://www.researchgate.net/publication/256378376_Diversification_and_development_of_the_United_Arab_Emirates'_economy
  11. Rauniyar, R. UAE Vision 2031: Key Goals, Strategies and Future Plans. Available at: <https://www.cleartax.com/ae/uae-vision-2031/> (accessed 17.09.2025).
  12. Aminjonov, F. (2020). Policy Innovations and Rationale for Sustainable Energy Transition in the UAE. National Defence College, 30 December.
  13. Crupi, A. (2023). The UAE Economy and the Path to Diversification and Innovation. University of Messina, 30 December.
  14. World Bank Group. United Arab Emirates: GDP Data. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2024&locations=AE&start=1970&view=chart> (accessed 11.09.2025).
  15. World Bank Group. Oil Rents (% of GDP): United Arab Emirates. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PETR.RT.ZS> (accessed 11.09.2025).
  16. Jensen, S. (2018). Policy Implications of the UAE's Economic Diversification Strategy: Prioritizing National Objectives. In: *Economic Diversification in the Gulf Region*, Vol. II. Comparing Global Challenges.
  17. Saudi Vision 2030. Official strategic document of the Kingdom of Saudi Arabia. Available at: <https://www.vision2030.gov.sa/en> (accessed 30.11.2025).
  18. Qatar National Vision 2030. Official strategic document of the State of Qatar. Available at: <https://www.npc.qa/en/QNV/pages/default.aspx> (accessed 30.11.2025).
  19. Bizikova, T.A., Pivovarova, A.D. (2016). Implementation of the “Kazakhstan-2050” Strategy: Achieved Results. Kostanay Branch of Chelyabinsk State University, Republic of Kazakhstan, Kostanay.

Материал поступил в редакцию 11.09.2025

Утвержден к публикации 18.12.2025

